

лениздат

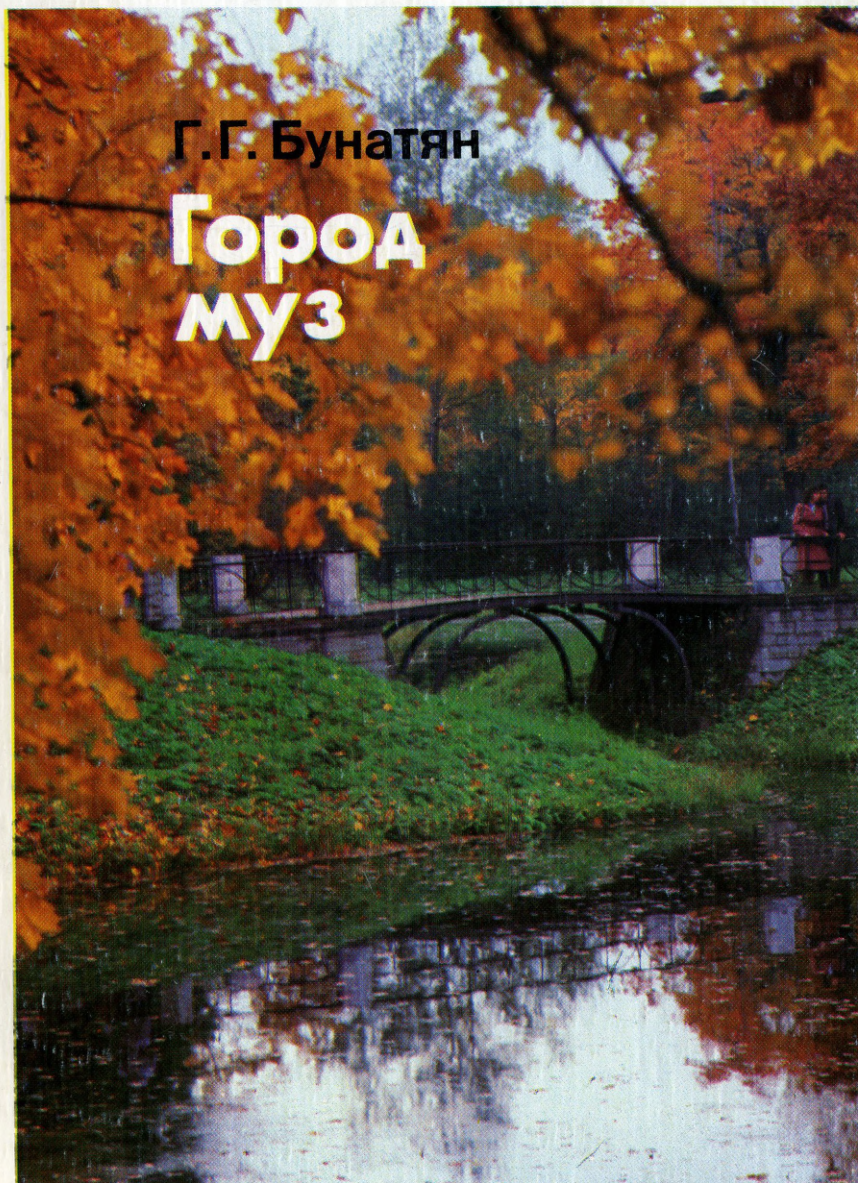
библиотека
молодого
рабочего

SMR

Г. Г. Бунатян

Г. Г. Бунатян

Город
муз

библиотека
молодого
рабочего

Г.Г. Бунатян
Город
муз

**Литературные
памятные места
города Пушкина**

ЛЕНИЗДАТ · 1987

ББК 83.3
Б91

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Рецензенты:

доктор филологических наук *С. А. Фомичев*,
кандидат филологических наук *В. Н. Баскаков*

Б $\frac{4603010100-090}{M171(03)-87}$ 172—87

© Лениздат, 1975
© Лениздат, 1987, с дополнениями

ВСТУПЛЕНИЕ

«Здесь столько лир повешено на ветки...» — эти слова из стихотворения А. Ахматовой могли бы послужить эпиграфом к рассказу о литературных памятных местах города Пушкина. Удивительна и необычна его судьба! Развивавшийся в течение двух веков как загородная царская резиденция, он является замечательным памятником русской архитектуры и садово-паркового искусства XVIII века. Но наряду с этим город своей известностью обязан также нескольким поколениям поэтов, писателей, деятелей русской культуры, которые жили или бывали в нем. Его по праву называют «городом муз».

В этом городе прошли годы юности А. С. Пушкина. Здесь работал над «Историей государства Российского» Н. М. Карамзин. Здесь в лейб-гвардии гусарском полку служил в 1830-х годах М. Ю. Лермонтов, а в годы первой мировой войны нес военную службу С. А. Есенин.

В Пушкине жили и работали многие советские писатели и поэты — В. Я. Шिशков, А. Н. Толстой, А. Р. Беляев, К. А. Федин, А. А. Ахматова и другие. Их привлекали сюда тишина, живописность парков, исторические достоприме-

чательности, а главное, память о великом поэте, которой овеян этот город. «Все пронизано здесь историей,— писал К. Федин,— ее дыхание явственно ощущаешь, и вдруг, когда увидишь из-за дерева какой-нибудь обелиск или какую-нибудь колонну, живой голос Пушкина, неотделимый от Царского Села, раздастся у тебя в ушах...»

С конца 1930-х годов и до начала Великой Отечественной войны в Пушкине находился Дом творчества ленинградских писателей.

Едва ли можно назвать какой-нибудь другой пригород Ленинграда, который получил бы такое широкое отражение в художественной литературе и изобразительном искусстве, как бывшее Царское Село, ныне носящее имя великого русского поэта. Разумеется, в разное время восприятие этого города имело различный характер, получало свою, характерную для каждой эпохи, окраску.

История города уходит в далекое прошлое. В начале XVIII века на высоком холме в двадцати пяти верстах от Петербурга, на той территории, которую ныне занимают Екатерининский дворец и ближайшая к дворцу часть парков, существовала небольшая усадьба, которая по-фински называлась Саари-мойс (мыза на возвышенном месте), а по-русски — Сарская мыза. Территория эта исконно русская. В давние времена она входила во владения Великого Новгорода. В XVII веке балтийское побережье и приневские земли были захвачены шведами. Лишь в результате победоносной Северной войны Россия смогла вновь вернуть свои исконные территории.

Для освоения земель вблизи новой столицы — Петербурга Петр I еще в ходе войны дарил их своим приближенным. Вокруг Петербурга появилось множество загородных усадеб. Некоторые из них просуществовали недолго, другие положили начало сформировавшимся в течение XVIII века парадным загородным резиденциям, таким, как Царское Село, Петергоф, Ораниенбаум и другие.

Сарская мыза была подарена сначала А. Д. Меншикову, а затем «отписана» жене царя Екатерине Алексеевне. Вскоре мыза стала называться Сарским, а позднее Царским Селом. В 1717 году здесь началось строительство дворца — «каменных палат о шестнадцати светлицах», оконченное в 1723 году. Перед двор-

цом был разбит сад, а за ним устроены парники и оранжереи.

Особенно большое строительство развернулось здесь в царствование дочери Петра I Елизаветы Петровны. В это время в Царском Селе работали крупнейшие русские архитекторы — М. Г. Земцов, А. В. Квасов, С. И. Чевакинский, Б. Ф. Растрелли.

В 1743 году Земцов разработал проект нового большого дворца. Проект этот не был осуществлен из-за смерти автора. В том же году императрица утвердила проект Квасова, имевший «против прежнего небольшое излишество». С 1744 года строительство дворца производилось под наблюдением Чевакинского, а в 1750-х годах работы велись по проекту и под руководством Растрелли. Строительство было завершено лишь в 1756 году. Но как парадная резиденция Царское Село сформировалось уже к концу 40-х годов, еще до завершения постройки Большого Царскосельского дворца. Одновременно со строительством дворца создавались парки.

Сарская мыза превратилась в величественный архитектурный ансамбль, превосходивший своими размерами и великолепием все другие резиденции России. Здесь проходили приемы иностранных послов, подписывались договоры, устраивались всевозможные придворные празднества.

Рядом с дворцовым ансамблем постепенно росла «служительская слобода», положившая начало будущему городу. В слободе жили архитекторы, художники, подрядчики, придворные служители, войсковые команды, чиновники и люди других профессий, так или иначе связанные с обслуживанием царской резиденции.

Царскосельский дворец создавался трудом десятков тысяч крепостных мастеров, работавших в каторжных условиях. Их согнали сюда со всех концов страны. Еще в начале 20-х годов XVIII века недалеко от Царского Села возникла Кузьминская слобода, где жили крестьяне, переселенные из центральной России. На тяжелых земляных работах использовались и многие тысячи солдат.

Новый этап в истории Царского Села наступил во второй половине XVIII века. Царская резиденция значительно выросла и приобрела тот художественный облик, который, в основном, сохранился до нашего времени. Это произошло при Екатерине II, и с тех пор дворец и парк стали называться Екатерининскими.

В 1792—1796 годах в Царском Селе по проекту архитектора Д. Кваренги был построен еще один дворец — Александровский, предназначавшийся для внука Екатерины II, будущего Александра I. Парк, в котором расположен дворец, с тех пор именуется Александровским.

В этот период в Царском Селе кроме Кваренги работали также выдающиеся архитекторы, как Ч. Кameron, А. Ринальди, Ю. М. Фельтен, В. И. и И. В. Нееловы.

По приказу Екатерины II за юго-западной границей Екатерининского парка был основан новый уездный город София, слившийся в начале XIX века с Царским Селом. Эту часть города Пушкина и сейчас по традиции нередко называют Софией.

В 1811 году в Царском Селе было учреждено привилегированное учебное заведение для детей знатных дворян — Лицей. Это событие открыло новую страницу в истории города: одним из воспитанников Лицея был А. С. Пушкин, и с тех пор город навсегда связан с именем поэта.

Открытие в 1837 году первой в России железной дороги, соединившей Царское Село с Петербургом, вызвало новый бурный рост города.

В первой половине XIX века город продолжал расти. В это время застройка Царского Села осуществлялась под руководством выдающегося русского архитектора В. П. Стасова. Одновременно с ним трудились архитекторы А. М. Горностаев, А. А. Менелас, В. И. Гесте и другие.

В 1880-х годах Царское Село одним из первых в России получило электрическое освещение.

Население Царского Села в основном составляли представители привилегированных слоев общества, в том числе офицеры царской армии. Значительную часть города занимали казармы: здесь размещалось несколько полков.

В путеводителе И. П. Золотницкого «По Царкосельской дороге»; вышедшем в свет в 1882 году, о населении Царского Села сообщается: «Среднее число жителей — 15 тысяч. ...По составу обывателей Царское Село вовсе не похоже на другие русские города. Собственно городских сословий, то есть чиновников, мещан, крестьян, купцов и духовенства, в городе не более 6—7 тысяч, то есть менее половины всего населения. Боль-

шую половину составляют войска, придворные чины, русские и иностранные колонисты, что придает особую окраску городскому обществу, не говоря уже о том мозаичном населении, которое наезжает на 3—4 месяца из Петербурга».

«Царское Село,— рассказывается в том же путеводителе И. П. Золотницкого,— один из самых благоустроенных уездных городов. Прямые, широкие и довольно чистые улицы, красивые и чистые постройки, отсутствие режущих глаз бедных кварталов и слободок с полуразвалившимися домиками — все это производит приятное впечатление на людей, привыкших видеть в уездном городе бедное, скучное и грязное захолустье».

После покушения народовольцев на Александра II и в особенности после революции 1905 года царско-сельская резиденция усиленно охранялась. В. И. Яковлев, в первые годы после революции занимавший должность хранителя царско-сельских дворцов-музеев, писал: «Многих гулявших по улицам и парку Царского Села, не исключая даже и известных полиции лиц, агенты сопровождали от одного поста до другого, при этом передавая лицо, взятое под наблюдение, агент делал какой-либо знак, хотя бы, например, носовым платком».

До 1917 года Царское Село оставалось загородной царской резиденцией. Но для прогрессивных кругов русского общества все более ясным становилось огромное историческое и художественное значение Царского Села, и прежде всего та роль, которую сыграл этот город в жизни и творчестве Пушкина.

В 1899 году, когда в России отмечалась 100-летняя годовщина со дня рождения великого поэта, решено было установить в Царском Селе памятник Пушкину. Открытие памятника работы скульптора Р. Р. Баха состоялось в 1900 году.

Великий Октябрь сделал царские резиденции достоянием народа. Уже в конце 1917 года по инициативе В. И. Ленина при Народном комиссариате просвещения была организована Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Несмотря на тяжелые условия хозяйственной разрухи и гражданской войны, в которых оказалась молодая Советская республика, Совет Народных Комиссаров тогда же выделил средства на ремонтно-реставрационные работы в бывших царских дворцах. Царско-сельские дворцы и парки были

превращены в историко-художественные музеи. Уже в 1919 году их посетили свыше 64 000 человек.

После революции город был отдан детям: открылось много детских домов, санаториев, детвора заполнила старинные парки. В связи с этим в 1918 году город был переименован в Детское Село.

В годы Советской власти город приобрел особое значение как историко-художественный и литературный памятник. Ежедневно сюда приезжали сотни экскурсантов. При исполкоме Детскосельского районного Совета была создана специальная комиссия, которая заботилась об охране памятных мест, связанных с именем Пушкина. Каждый год 6 июня, в день рождения Пушкина, устраивался праздник, посвященный памяти поэта. В 1937 году, когда в стране отмечалось 100-летие со дня гибели Пушкина, по решению Советского правительства Детскому Селу было присвоено имя великого поэта.

В 1937 году особенно торжественно проходил праздник, посвященный дню рождения Пушкина. На площади у Египетских ворот был открыт памятник поэту, созданный еще в 1911 году скульптором Л. А. Бернштамом.

В годы Великой Отечественной войны город тяжело пострадал. В течение более чем двух лет он был оккупирован фашистами. 24 января 1944 года советские войска, перешедшие в наступление по всему Ленинградскому фронту, освободили Пушкин. Город лежал в развалинах.

Вошли — и сердце дрогнуло: жестоко
Зияла смерть, безлюдье, пустота...—

писала 25 января 1944 года в стихотворении «Возвращение» О. Берггольц, побывавшая в Пушкине на следующий день после его освобождения. «Поваленные деревья вековых парков лежали, как мертвые великаны,— писал в те же дни Н. Тихонов. — Обрывки старинной парчи, бархата и шелка носил ветер над дымом пожарищ. Картины и фарфор, растоптанные сапогами гитлеровцев, лежали в грязи разбитых аллей. Статуи без голов валялись в кустарнике. Огонь пожирал остатки домов. Горело вокруг все, что могло гореть».

Сразу же после освобождения города начались работы по его восстановлению. Советское правительство отпустило на эти работы большие средства. Одним из

первых стали восстанавливать здание Лицея. В 1949 году, к 150-летию со дня рождения Пушкина, здесь был открыт мемориальный пушкинский музей. В 1958 году в доме, где Пушкин жил летом 1831 года, открылся еще один мемориальный музей. Поднялись из развалин дворцы, восстановлен целый ряд парковых павильонов, высажены сотни молодых деревьев взамен погибших. В 1959 году в Екатерининском дворце открылись для обозрения первые восстановленные залы. Реставрационные работы во дворце и в парках продолжаются и в наши дни. В северном флигеле дворца, так называемом Церковном, в 1967 году разместился Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

В послевоенные годы в Пушкине выросло много новых кварталов, застроенных многоэтажными домами, город растет и благоустраивается.

С каждым годом повышается интерес к этому городу — сокровищнице русского искусства, неразрывно связанному с жизнью и творчеством выдающихся русских писателей и поэтов. Сотни тысяч советских людей ежегодно посещают Пушкин, чтобы ознакомиться с его литературными памятными местами, Екатерининским дворцом-музеем, знаменитыми парками.

Задача этой книги — познакомить читателя с некоторыми страницами своеобразной литературной биографии города Пушкина.

ПЕРВЫЙ ПЕВЕЦ ЦАРСКОГО СЕЛА

В 1750 году, вскоре после посещения Царского Села, Михаил Васильевич Ломоносов написал восторженные строки:

Как естли зданнем прекрасным
Умножить должно звезд число,
Созвезднем являться ясным
Достойно Сарское Село.

Они относились к парадной царско-сельской резиденции, работы по сооружению которой приближались к завершению. На месте «каменных палат» Екатерины I — скромного двухэтажного дома — уже стояло огромное здание протяженностью около 300 метров. В создании его принимали участие крупнейшие архитекторы того времени — Земцов, Квасов, Чевакинский, Растрелли. Окончательно внешний облик Царкосельского дворца, в основных чертах сохранившийся до нашего времени, сложился позже — к середине 1750-х годов. В ту пору, когда Ломоносов посетил Царское Село, дворец был еще не таким, каким мы его видим теперь: он состоял из «среднего дома», двух флигелей, оранжереи и церкви, соединенных между собою одноэтажными галереями с широкими арками. Но и тогда здание поражало и своими размерами, и богатой отделкой.

Со стороны западного фасада дворца простирался обширный парадный двор, который замыкали служебные флигеля, расположенные полукругом — «по циркумференции».

Дворец являлся центром огромного архитектурного ансамбля. По обе стороны здания были разбиты сады. Эти сады, с геометрически правильными аллеями, зеркальными прудами, причудливо подстриженными деревьями и кустарниками, на фоне которых стояли белые мраморные статуи, воспринимались как естественное продолжение дворца, составляли с ним единое художественное целое. Рядом с дворцом располагалась «служительская слобода».

Вдоль северной границы сада тянулась так называемая Передняя улица — она отделяла слободу от царской резиденции. Позже, когда на месте ограды сада был прорыт канал, Переднюю улицу стали называть Садовой улицей, или Садовой набережной (ныне Комсомольская улица). К середине XVIII века облик этой улицы в основном уже сложился. К северу от Садовой слобода доходила до Московской улицы, по линии которой тогда шел вал, отделявший слободу от полей. Вал существовал до 1808 года. С запада на восток слобода занимала территорию от сохранившейся до наших дней Знаменской церкви, построенной в 1740-х годах архитекторами М. Г. Земцовым и И. Бланком, до ручья Вангази. На ручье позже была создана система прудов, после чего улица, идущая вдоль них, получила название Набережной улицы (ныне улица Пролеткульта).

Царскосельские впечатления Ломоносов отразил в большом произведении — «Оде, в которой ее величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года». В чем заключалась «высочайшая милость» — автор в оде не объяснил. Возможно, что в этот день ему было обещано важное для него тогда награждение чином коллежского советника, о котором официально было объявлено только 4 марта 1751 года.

Ломоносов приезжал в Царское Село вместе с И. И. Шуваловым. Иван Иванович Шувалов, в то время камер-юнкер, начинал играть все более заметную роль при дворе. Впоследствии он стал известным государственным деятелем. Заботившийся о распространении образования в России, он вместе с Ломоносовым принимал участие в создании первого русского универси-

тета; по инициативе Шувалова была основана Академия художеств. Летом 1750 года Ломоносов и Шувалов особенно сблизились. Узнав, что Шувалов, сопровождая императрицу, должен был отправиться в Царское Село, Ломоносов, который все последнее время напряженно работал в химической лаборатории, обратился к нему со стихотворным посланием:

Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет;
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в севере цветет,
Где хитрость мастерства, преодолел природу,
Осенним дням дает весны прекрасный вид...

И дальше он говорит о себе:

Меж стен и при огне лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лете я пишу;
О лете я пишу, а им не наслаждаюсь
И радости в одном мечтании ишу.

«Чтобы ободрить Ломоносова, — рассказывал впоследствии Шувалов, — я взял его с собою в Царское Село». В Царском Селе Шувалов представил Ломоносова императрице.

Судя по содержанию «Оды...», предметом беседы с Елизаветой Петровной было не поэтическое творчество Ломоносова, а его научная деятельность. Разговор шел о значении наук для изучения естественных богатств России и для развития отечественной промышленности. Ученый-патриот, Ломоносов придавал своей научной деятельности гораздо большее значение, чем поэтической. Основная тема «Оды...» — практическая польза науки.

Оды Ломоносова представляли собой совершенно особое явление в литературе XVIII века. В то время русская публицистика делала только первые шаги, научные работы писались по-латыни — их читали немногие, рукописная поэзия посвящалась любовным переживаниям — общественных тем она не затрагивала. Жанр оды позволял соединить лирику и публицистику. Оды были наиболее действенным средством общения поэта с читателями: литературных журналов еще не было, а оды Ломоносова издавались большими по тому времени тиражами — от 200 до 2000 экземпляров. По мысли Ломоносова, его оды, в которых, следуя традиции, он обращался к императрице, должны были «сердца народов привлечь».

Можно предположить, что в Царском Селе Ломоносов сопровождал Елизавету Петровну во время охоты. В «Оде...» есть строки:

...Диане я прекрасной
Уже последую в лесах,
От коей хитростью напрасной
Укрыться хочет зверь в кустах!

Царские охоты устраивались обычно в Зверинце — так называли тогда обширный лесной массив к северу и северо-западу от дворца. В 1740-х годах ближайшая ко дворцу часть Зверинца была превращена в регулярный сад, и этот лесной массив явился основой Александровского парка.

В Царском Селе Ломоносов познакомился с гидротехническими работами, которые велись здесь уже несколько лет. Елизавета Петровна стремилась выяснить, каким образом можно было бы «ездить из Петербурга в Царское Село водою», а также настойчиво требовала, чтобы в Царском Селе были устроены фонтаны, чему препятствовал высокий уровень местности. Ломоносов, который в то время как раз работал над проблемами гидротехнических сооружений, признал гидротехнические работы в Царском Селе неудовлетворительными. Возможно, он увлекся идеей создания канала и фонтанов здесь.

Поэт говорит в оде:

Великой в похвалу Богине
Я воды обрашу к вершине;
Речет — и к небу устремлю.

Яркими поэтическими средствами он рисует воображаемый канал, который соединил бы речку Славянку с Невой: нимфа Словены (Славянки), возвестив славу «Петровой дочери», —

...влагу рассекая,
Пустилась тщательно к Неве;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пеною в траве.
Во храм, сияющий металлом,
Пред трон, украшенный кристаллом,
Поспешно простирает ход...

Отзвук царскосельских впечатлений можно найти и в трагедии Ломоносова «Тамира и Селим», написанной по заказу императрицы (закончена в ноябре 1750 года).

В конце того же года Ломоносов писал Шувалову, которого он просил передать свою трагедию Елизавете Петровне:

«Поздравляю вас с приездом в прекрасное Сарское Село, в которое я отсюда как в рай мыслию взираю, и завидую Тамире, что она счастливее своего сочинителя, затем что предстанет без него пред очи великия монархии в том приятнейшем месте, которое от него усердными похвалами возвышено. Я чзю, что когда Тамира в конце третьего действия от отца своего бежать намерится, то Зансаном будет поймана не в самом бегстве, но когда засмотрится на красоту великолепного здания и в изумлении остановится, забыв о Селиме; и Мамай от Нарсима тогда будет проколот, когда он в поле на позлащенные верхи оглянется».

Под «позлащенными верхами» поэт подразумевал, очевидно, главы дворцовой церкви, которые к этому времени уже были «вызолочены через огонь червонным золотом», а яблоки и кресты — «приварным золотом».

Трагедия «Тамира и Селим» была поставлена при дворе. В камер-фурьерских журналах за 1750 год содержится упоминание о том, что 1 декабря «при дворе ее императорского величества представлена была вновь трагедия о Мамае, сочиненная профессором Ломоносовым».

Через несколько лет, летом 1756 года, когда строительство царскосельской резиденции было полностью завершено, Ломоносов снова посетил Царское Село.

В результате работ, предпринятых по проекту архитектора Б. Растрелли, резиденция стала еще наряднее и торжественнее. Дворец обрел новый, еще более великолепный облик. Надстроенное на всем своем протяжении здание стало трехэтажным. Белые колонны и пилястры, четко выделявшиеся на фоне лазоревых цветов стен, обилие золоченой скульптуры и лепных украшений — все это придало дворцу необыкновенную праздничность. В садах стояли пышные раззолоченные павильоны.

30 июля 1756 года в Царском Селе состоялся торжественный прием, посвященный завершению строительства дворца. Возможно, именно в этот день здесь и присутствовал Ломоносов, так как к концу июля — началу августа 1756 года относится его «Надпись на новое строение Сарского Села».

Обращаясь к императрице, поэт писал:

Не разрушая царств, в России строишь Рим.
Пример в том — Сарской дом; кто видит, всяк чудится,
Сказав, что скоро Рим пред нами постыдится.

Крупнейший русский ученый, член Петербургской Академии наук, Ломоносов, как и многие его современники, понимал, что смысл творчества художников, создавших такие величественные памятники искусства, каким является ансамбль царскосельской резиденции, заключался не в том, чтобы прославить монархов. В красочных, полных жизнерадостности и праздничности архитектурных формах Смольного монастыря, дворцов Петергофа и Царского Села звучала тема триумфа, величия и могущества России.

В результате побед, одержанных в Северной войне, и реформ петровского времени Россия вышла в число сильнейших держав Европы. Это было время бурного расцвета русской науки и искусства. В словах Ломоносова «скоро Рим пред нами постыдится» выражено глубокое убеждение в грядущем величии Родины, вера в неограниченные творческие возможности русского народа.

Грандиозные дворцы, нарядные парки — все это создавалось трудом талантливейших архитекторов, скульпторов и живописцев, десятками тысяч самобытных русских мастеров — резчиков, позолотчиков, паркетчиков. И не случайно Ломоносов воспринимал Царское Село как яркое свидетельство огромной созидательной силы русского народа.

В поэзии Ломоносова нашел свое образное отражение пафос эпохи: по выражению П. А. Вяземского, певцом народа, «праздновавшего победы или готовившегося к новым». Тот же Вяземский говорил, что «лира Ломоносова была отголоском полтавских пушек».

За год до смерти Ломоносов создал еще одну надпись «На Сарское Село», в которой воспел не только дворец, но и удивительные царскосельские сады.

Луга, кустарники, приятны высоты,
Пример и образец Едемской красоты,
Достоин похвалить я ныне вас желаю..

Прошло более двух веков... И в наши дни пышное великолепие Екатерининского дворца и торжественные, величавые оды Ломоносова мы воспринимаем как единый художественный образ середины XVIII столетия.

«ВСЕ У НЕГО ВЕЛИЧАВО...»

Выдающийся поэт XVIII века, ближайший предшественник Пушкина, Гавриил Романович Державин подолгу жил в Царском Селе в 1792—1793 годах.

Он получил известность как автор «Оды к Фелице». Напечатанная в 1783 году, она принесла поэту заслуженный литературный успех и поставила его в центр общественного внимания. Современники с тех пор стали называть Державина «певцом Фелицы». Под именем Фелицы (от латинского слова *felicitas* — счастье), заимствованным из написанной Екатериной II для своего внука Александра «Сказки о царевиче Хлоре», Державин дал глубоко опоэтизированный образ деятельной, умной и простой царицы, под которой подразумевалась русская императрица.

Екатерина II, вся политика которой была направлена на усиление крепостнического гнета и укрепление самодержавия, сумела создать вокруг своего имени ореол «философа на троне», «просвещенной матери отечества». Державин тогда, как и многие его современники, не видел того, что это было лишь маской. Идеи французской буржуазной революции и просветительской философии, которыми были захвачены передовые люди как в Европе, так и в России, рост дворянской оппозиции в стране — все это заставляло самодержавие приспособляться к особенностям времени. Ода Державина была как нельзя кстати. Она помогала Екатерине II разыгрывать свою роль.

Познакомившись с одой, императрица послала автору золотую, осыпанную бриллиантами табакерку с пятьюстами червонцами. В стихотворении «Видение мурзы», написанном тогда же, поэт упоминал «терема янтарные» и «сребро-розовые светлицы», имея в виду совершенно определенные комнаты Большого Царскосельского дворца: Янтарную, над отделкой которой в середине XVIII века работал Б. Растрелли, и Серебряный кабинет, отделанный в 1780-х годах Ч. Камероном.

Державин был одним из замечательных людей своей эпохи. Человек неукротимой энергии, смелый, решительный и прямой, он отличался чувством собственного достоинства и чести. И неудивительно, что, по собственному выражению Державина, его служебная деятельность была наполнена «частыми, скорыми и неожиданными переменами фортуны». Неожиданно закончилось

и губернаторство в Тамбове — последняя должность, которую занимал поэт перед тем, как был приближен ко двору. Его отстранили от должности губернатора и отдали под суд. Только через год Державин был оправдан Сенатом. Летом 1789 года он был принят Екатериной II в Царском Селе.

Один из статс-секретарей царицы А. В. Храповицкий рассказал в своем «Дневнике» о ее встрече с Державиным. Храповицкий, в частности, привел слова императрицы по поводу его неудачи в Тамбове: «Я ему сказала, что чин чина почитает. В третьем месте не мог ужиться; надобно искать причину в самом себе. Он горячился и при мне. Пусть пишет стихи...» Далее Храповицкий отметил: «Велено выдать не полученное им жалование, а граф Безбородко прибавил в указе, чтобы и впредь производить оное до определения к месту».

Державин стал часто бывать в Царском Селе. Екатерина II принимала его очень благосклонно. Так, в камер-фурьерских журналах за 1791 год имя Державина стоит среди имен крупнейших вельмож того времени, посетивших Большой Царскосельский дворец. Например, в записи 1 июня отмечено: «...сверх свиты к столу приглашены»: Л. А. Нарышкин, князь Г. А. Потемкин-Таврический, граф А. В. Суворов-Рымникский, граф С. П. Румянцев, Г. Р. Державин.

12 декабря 1791 года Державину было предложено почетное назначение: он был определен к «собственным делам императрицы», то есть стал одним из ее личных статс-секретарей. Именной указ Сенату гласил: «Всемиловнейше повелеваем действительному статскому советнику Гавриилу Державину быть при нас у принятия прошений. Екатерина».

Державин к тому времени был самым крупным поэтом России. Он с огромной художественной силой и патриотическим пафосом запечатлел в своих произведениях Россию своего времени. Россия тогда прочно заняла одно из ведущих мест в мировой политике и культуре. В стране продолжали бурно развиваться наука, литература, искусство. Достигло триумфальных успехов русское оружие. Державин был современником побед Румянцева при Ларге и Кагуле, морской победы при Чесме, взятии Суворовым крепости Измаил, небывалого в военной истории перехода русских войск под командованием Суворова через Альпы. «Мы тогда были оглушены громом побед, ослеплены блеском славы»,—

писал об этой поре В. Г. Белинский. Все это наложило свою печать на творчество Державина. «Певцом величия» назвал его Гоголь. «Все у него величаво,— писал Гоголь,— величав образ Екатерины, величава Россия, созерцающая себя в осьми морях своих; его полководцы — орлы».

Когда Державин стал статс-секретарем Екатерины II, ему было почти пятьдесят лет. Вот как рисует портрет поэта его первый биограф, крупнейший русский филолог Я. К. Грот: «В поре полного развития сил Державин был высокого роста, держался прямо, имел быстрые движения, твердую походку. В обыкновенном настроении духа приемы у него были мягкие, во всем существе его чувствовалось добродушие, расположение к людям. Подчиненным своим и молодым литераторам он всегда оказывал участливое внимание. Крупные черты лица его никогда не были правильны и красивы; нос и губы были у него довольно толстые; но вообще это было доброе русское приветливое лицо, с первого же взгляда внушавшее сочувствие и доверие. Говорил он скороговоркою... нам известно сверх того, что он несколько шепелявил; зато речь его отличалась искренностью, простотою и живостью. Особенным жаром воспламенялась она и глаза его загорались ярким блеском, когда он высказывал одну из любимых идей своих, когда, например, говорил о том, что, задумав какое-нибудь доброе дело, не следует мешкать... или рассуждал о величии и славе России, или рассказывал о деле, в котором ему приходилось горячо отстаивать правду. Когда ничто не возбуждало его, он в позднейшие годы легко предавался дремоте, даже посреди общества. Глядя на его открытую физиономию, беседуя с ним, трудно было не поверить словам поэта о самом себе:

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид.
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человекье
Были гением моим...»

Державин, по-видимому, не жил в Большом Царском-Сельском дворце.

Основываясь на свидетельствах современников поэта, можно предположить, что во дворце находился лишь

его рабочий кабинет, а жил он в Китайской деревне. Литератор и историк П. П. Свиньин в своем фундаментальном труде «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей», первый том которого вышел в 1816 году, писал, что домики Китайской деревни «служили во времена пребывания здесь (в Царском Селе. — Г. Б.) пышного Екатерининна двора жилищем для царедворцев». А поэт И. И. Дмитриев впоследствии вспоминал: «Для любопытных наших внучат я скажу несколько слов и о сих китайских домиках. Они поставлены были еще при императрице Екатерине Второй, вдоль сада, разделяемого с ними каналом. Это было пристанище ее секретарей и очередных на службе царедворцев».

Китайская деревня представляла собой группу небольших одноэтажных зданий в китайском стиле, построенных в 80-х годах XVIII века по проекту Ч. Камерона и В. И. Неелова. Она располагалась в Александровском парке, у Подкапризовой дороги — так называли дорогу между Екатерининским и Александровским парками, проходившую под аркой Большого каприза. «Все домики, — рассказывал И. И. Дмитриев, — помнится мне, составляют четверугольник, посреди которого находится каменная же ротонда».

В конце XVIII века в Царском Селе возник целый комплекс «китайских» сооружений. В 1777—1779 годах в Александровском парке по проекту А. Ринальди и И. В. Неелова был построен придворный Китайский театр; в 1778—1786 годах в Екатерининском парке, напротив Китайской деревни, по проекту Ю. М. Фельтена — Китайская, или Скрипучая, беседка.

Во время Великой Отечественной войны эти сооружения были разрушены. В наши дни реставрирована Китайская беседка, воссоздается архитектурный облик Китайской деревни.

Царское Село было любимой резиденцией Екатерины II. При ней были заново отделаны некоторые помещения Большого Царскосельского дворца, расширена территория парков. В них установили много памятников русской военной славы, построили новые парковые павильоны и огромный новый дворец — Александровский. Рядом с Царским Селом возник новый уездный город София. Впоследствии этот период в истории Царского Села дворянские историки часто называли «золотым веком».

В формировании царскосельской резиденции отразились особенности, характерные для всего русского искусства конца XVIII века. На смену пышному великолепию и роскоши дворцов середины XVIII века приходит строгая простота архитектурных форм. Стремление к простоте и естественности сказалось и в паркостроении. Регулярные геометрически распланированные парки сменяются парками, напоминавшими естественный ландшафт. Именно такими стали новые части Екатерининского и Александровского парков. Здесь ничто не напоминало об искусстве садовников и паркостроителей. Зеленые лужайки были окружены естественными живописными группами деревьев и цветущих кустарников. Словно случайно протоптанные, петляли дорожки, которые неожиданно приводили то к одному, то к другому павильону: одни были выстроены в строгом классическом стиле, другие походили на готические сооружения, а некоторые — на экзотические китайские постройки. Со временем стала приобретать черты естественного ландшафта и старая часть Екатерининского парка, где перестали подстригать деревья. Особую живописность придавал парку Большой пруд, в котором плавали лебеди — знаменитые царскосельские лебеди, воспетые не одним поколением поэтов.

В 1797 году, уже после смерти Екатерины II, Державин в стихотворении «Развалины» воссоздал выразительную картину Царского Села екатерининского времени:

Великолепный храм стоял:
Столпы, подзоры, пирамиды,
И купол золотом сиял.

Здесь был театр, а тут качели,
Тут азиатских домик нег;
Тут на Парнасе музы пели,
Тут звери жили для утех.

А тут, затея хоровод,
Велела нимфам, купидонам
Играть, плясать между собой
По слышимым приятным тонам
Вдали музыки роговой.

Под звуки «музыки роговой» тогда часто устраивались на Большом пруду катания на лодках. Оркестр роговых инструментов находился в «зале на острове» — так называли павильон на островке Большого пруда,

сохранившийся до наших дней. Из каждого рога можно было извлечь только одну ноту, а весь оркестр являлся как бы одним инструментом. Роговые оркестры были распространены в России в XVIII веке. Многие крупные помещики имели такие оркестры, в которых играли крепостные музыканты.

Торжественно и гордо звучат строки Державина, посвященные памятникам русской военной славы:

Она смотрела: на Алкида,
Как гидру палицей он бьет;
Как прочие ее герои
По манию ее очес
В ужасные вступали бои
И тьмы поделали чудес;
Присугом грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царствы покоряли
И в плен водили к ней царей.

А вот строки, в которых можно узнать Камеронову галерею и Агатовые комнаты:

Здесь в внутренни она чертоги
По лестнице отлогой шла,
Куда гостить ходили боги...
.....
В сем тереме, Олимпу равном,
Из яшм прозрачных, перлов гнезд,
Художеством различным славном,
Горели ночью тучи звезд...

Державин глубоко чувствовал удивительную поэтичность царскосельских парков.

Изображая парки, Державин использовал необычайно яркие и сочные краски — его поэзия напоминает живопись.

Сребром сверкают воды,
Рубином облака,
Багряным златом кровы;
Как огненна река,
Свет ясный, пурпуровый
Объял все воды вокруг;
Смотри в них рыб плесканье,
Плывущих птиц на луг
И крыл их трепетанье.

Одно из стихотворений Державина — «Амур и Психея», — написанное в Царском Селе в мае 1793 года, было положено на музыку придворным музыкантом

Пашкевичем и исполнено в Камероновой галерее в присутствии императрицы.

Державин считал, что на верхней площадке, где стояли бюсты «славных мужей, между коими был и Ломоносов», достоин находиться и его бюст. «Автор со временем думал иметь на это право»,— писал он о себе. Когда в 1794 году скульптор Рашетт изваял мраморный бюст Державина, поэт в стихотворении «Мой истукан», обращаясь к Екатерине II, писал:

На твердом мраморном помосте,
На мшистых сводах меж столпов,
В меди, в величественном росте,
Под сенью райских вокруг дерев,
Поставь со славными мужами!

Но императрица не сочла выдающегося поэта достойным этой чести.

Как статс-секретарь Екатерины II, Державин должен был наблюдать за деятельностью Сената, следить за всеми сенатскими «мемориями» и обо всем, что найдет в них «несогласного с законами», докладывать императрице. Державин считал, что перед ним открылось широкое поприще деятельности: ведь он оказался у того самого трона, где, как писал он в «Оде к Фелице», «совесть с правдой обитают, где добродетели сияют». Очень скоро поэту пришлось испытать горькое разочарование. «Просвещенная мать отечества» не обременяла себя делами, с которыми к ней обращался ее новый статс-секретарь. Гражданские дела о бедствиях, несправедливости и т. п. совершенно ее не интересовали. «Он со всяким вздором ко мне лезет»,— говорила Екатерина, по свидетельству Храповицкого, о Державине.

Приблизив к себе поэта, она надеялась, что он будет создавать новые произведения в ее честь в духе «Оды к Фелице». Выражая волю императрицы, Храповицкий, который тоже писал стихи, обратился к Державину со стихотворным посланием, в котором призывал поэта снова сочинять оды, восхваляющие императрицу. Об этом же намекала и даже прямо говорила поэту и сама Екатерина II. Но прямой и честный Державин остался верен себе. Вместо хвалебных од он написал тогда четверостишие:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой!

Позже, в «Записках» (они написаны от третьего лица) Державин вспоминал: «...видя дворские хитрости и беспрестанные себе толчки, не собрался с духом и не мог таких ей тонких писать похвал, каковы в оде Фелице и тому подобных сочинениях, которые им писаны не в бытность его еще при дворе: ибо издалика те предметы, которые ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему, при приближении ко двору, весьма человеческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины...»

Убедившись в том, что Державин не станет придворным одописцем, Екатерина резко изменила к нему отношение. Его чувство собственного достоинства и независимое поведение все более раздражали ее.

Недовольство императрицы Державиным особенно возросло после истории с «делом Якоби». Иркутский генерал-губернатор И. В. Якоби обвинялся в том, что пытался спровоцировать войну между Россией и ее восточными соседями. Сенат занимался этим делом ежедневно в течение семи лет и так и не смог принять никакого решения. Разобраться в деле Якоби было поручено Державину.

Впоследствии Державин вспоминал, что дело это было «привезено в Царское Село в трех кибитках, нагруженных сверху донизу бумагами». Год разбирался он в этом деле и установил, что Якоби невиновен. Позже Державин писал в «Записках»: «Доложил государыне, что дело готово. Она приказала доложить и весьма удивилась, когда целая шеренга гайдуков и лакеев внесли ей в кабинет превеликие кипы бумаг. „Что такое? — спросила она, — зачем сюда такую бездну?“ — „По крайней мере, для народа, государыня“, — отвечал Державин. „Ну, положите, коли так“, — отозвалась с некоторым родом неудовольствия. Заняли несколько столов. „Читай“...»

В течение всего лета 1793 года в Царском Селе Державин почти ежедневно по два часа после обеда читал Екатерине II бумаги по делу Якоби. «При продолжении Якоблева дела, — пишет Державин в „Записках“, — вспыхивала, возражала на его примечания и один раз с гневом спросила, кто ему приказал и как он смел с соображением прочих подобных решенных дел Сенатом выводить невинность Якобия. Он твердо ей отвечивал: „Справедливость и ваша слава, государыня, чтоб не погрешили чем в правосудии“. Она покраснелась и

выслала его вон, как и нередко то в продолжении сего дела случалось».

Впоследствии Екатерина вынуждена была признать правоту Державина. «Признать невинным» — таково было ее заключение по «делу Якоби».

Вскоре царица постаралась отделаться от беспокойного секретаря. 2 сентября 1793 года Державин был назначен сенатором, затем президентом Коммерц-коллегии, но, по существу, это было почетным удалением от службы при императрице.

В последующие годы поэт бывал в Царском Селе уже только наездами, для передачи просьб и прошений. В конце концов Державин был вообще отстранен от службы. На его вопрос Александру I, в чем он провинился, тот не без сарказма ответил: «Ты очень ревностно служишь».

После смерти Екатерины II царскосельская резиденция пришла в упадок. Новый царь — Павел I отдавал предпочтение Павловску и Гатчине. Об этой поре Державин писал:

Померк красот волшебных свет;
Все тьмой покрылось, заустело,
Все в прах упало, помертвело...

При Александре I Царское Село вновь обрело былое значение. Оно было избрано и местом пребывания учрежденного при Александре Лицея. В 1815 году в стенах Лицея «старик Державин» слышал стихи юного Пушкина...

«ОТЕЧЕСТВО НАМ ЦАРСКОЕ СЕЛО»

В 1811 году в Царском Селе был открыт Императорский лицей.

Инициатива его организации принадлежала крупному государственному и политическому деятелю начала XIX века М. М. Сперанскому. По мысли Сперанского, Лицей должен был стать закрытым учебным заведением для подготовки «юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Представитель дворянской оппозиции, он полагал, что воспитанникам Лицея предстоит трудиться в преобразованной реформами России.

Наиболее дальновидным государственным деятелям

дворянского общества становилось ясно, что неограниченная самодержавная власть и крепостничество тормозят дальнейшее развитие страны. Дворянская оппозиция надеялась тогда на либеральные реформы правительства. Александр I поддерживал своей лицемерной тактикой эти «мирные иллюзии», пытаясь показным либерализмом прикрыть свою самодержавно-крепостническую политику. Это было время, когда, по словам В. И. Ленина, «монархи то зангрявали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и „спускали” на верноподданных Аракчеевых».

По всей вероятности, проект нового учебного заведения Сперанский составлял при самом ближайшем участии будущих его руководителей В. Ф. Малиновского и А. П. Куницына. В проекте подчеркивалась необходимость развивать самостоятельную мысль воспитанников, учить их независимости мнений, критическому отношению к действительности. В нем по-своему отразились глубокие процессы общественного движения преддекабристской эпохи.

Не случайно вокруг проекта Лицея разгорелась острая политическая борьба. С резкой критикой проекта Сперанского выступил министр народного просвещения А. К. Разумовский. Некоторые параграфы проекта были вычеркнуты, но все же, несмотря на это, основное его направление удалось сохранить.

Лицей разместился в четырехэтажном флигеле Екатерининского дворца. Построенный в конце XVIII века по проекту И. В. Неелова, этот флигель в 1811 году был перестроен В. П. Стасовым под учебное заведение. Парадный вход в Лицей находился со стороны Певческого (ныне Лицейский) переулка. К высокому парадному крыльцу вели ступени с обеих сторон. Стройной аркой с тремя пролетами здание соединялось с дворцом. От лицейской арки открывалась перспектива Садовой улицы (ныне Комсомольская) — одной из самых старых и красивых улиц города. В почти неизменном виде она сохранилась до наших дней.

На левой стороне улицы, если идти от Лицея, стоят четыре двухэтажных домика, окруженных палисадниками. Построенные еще в середине XVIII века для приезжавших в Царское Село придворных, в начале прошлого века они назывались «кавалерскими». В одном из них — на углу Певческого переулка и Садовой улицы (ныне Комсомольская, 4) — жил со своей семьей дирек-

тор Лицея. Здание было тогда значительно меньших размеров. Лицею были переданы также «каменные строения» по Певческому переулку. В них находились квартиры лицейских преподавателей, чиновников и служащих.

С северной стороны Лицея, вдоль Кузьминской дороги (ныне улица Васенко), за Знаменской церковью была небольшая березовая роща, окруженная железной оградой. Позже роща стала лицейским садом. Один из лицейстов пушкинского выпуска вспоминал: «Во время нашей бытности в Лицее не было еще никакого лицейского сада и отведенное после под него место занято было церковною оградой, в которой дико росло несколько берез...» В этой роще — лицеисты так и называли ее «оградой» — затевались веселые игры, и, возможно, ее имел в виду Пушкин, когда в черновиках VIII главы «Евгения Онегина», вспоминая лицейские годы, писал:

В те дни, как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткий,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор...

О Лицее рассказал в своих воспоминаниях друг А. С. Пушкина, лицеист первого выпуска И. И. Пуцин: «В нижнем этаже помещалось хозяйственное управление и квартиры инспектора, гувернеров и некоторых других чиновников, служащих при Лицее. Во втором — столовая, больница с аптекой и конференц-зала с канцелярией; в третьем — рекреационная зала, классы (два с кафедрами, один для занятий воспитанников после лекций), физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека в арке, соединяющей Лицей со дворцом через хоры придворной церкви. В верхнем — дортуары».

Номера комнат были обозначены «над дверьми и на левой стороне воротника шинелей на квадратной тряпочке чернилами», — вспоминал один из лицейстов пушкинского выпуска И. В. Малиновский.

Номера часто заменяли лицеистам фамилии: они подписывали ими свои стихи, а впоследствии, в дни лицейских годовщин, ставили их под ежегодными протоколами. Пуцин вспоминал: «Он (инспектор. — Г. Б.) привел меня прямо в четвертый этаж и остановился перед комнатой, где над дверью была черная дощечка с надписью: № 13. Иван Пуцин; я взглянул налево и

увидел: № 14. Александр Пушкин. Очень был рад такому соседу...»

«В каждой комнате,— писал Пушкин,— железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке — чернильница и подсвечник со щипцами». На кровати — матрац с бумажным одеялом и полупуховой подушкой. Перегородки, разделявшие комнаты, не доходили до потолка, и в ночной тишине Пушкин и Пушкин вели долгие беседы. «Часто,— вспоминал Пушкин,— когда все уже засыпало, толковал с ним вполголоса через перегородку».

Вставали лицеисты по звонку в 6 часов утра. Перед занятиями собирались в зале на молитву, от 7 до 9 часов шли уроки, в 9 — чай, после которого гуляли в парке до 10 часов. После прогулки снова 2 часа занимались, а потом до обеда гуляли. Обед подавался в час. Между 2 и 3 часами — чистописание или рисование, от 3 до 5 — уроки по основным предметам. От 5 до 6 часов — чай и прогулка. Затем — повторение уроков и вспомогательные занятия. В 8 часов 30 минут — ужин. Спать ложились в 10 часов, после молитвы.

...19 октября 1811 года в Царском Селе с утра царил особенное оживление: на этот день было назначено торжественное открытие Лицея. К зданию Лицея то и дело подъезжали кареты и экипажи — съезжались видные сановники и педагоги из Петербурга, родственники лицеистов. На торжестве должен был присутствовать и Александр I. То тут, то там мелькали синие лицейские мундиры. В этот день лицеисты были одеты в парадную форму: белые панталоны, синего сукна однобортный мундир с красными обшлагами и таким же воротником, на котором были нашиты серебряные петлицы; под мундиром — белый пикейный жилет.

В просторном и светлом рекреационном зале между колоннами был поставлен большой стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На столе лежала грамота, содержащая устав Лицея.

И. И. Пушкин впоследствии вспоминал: «По правую сторону стола стояли мы в три ряда; при нас — директор, инспектор и гувернеры. По левую — профессора и другие чиновники лицейского управления. Остальное пространство залы, на некотором расстоянии от стола, было все уставлено рядами кресел для публики. ...Когда все общество собралось, министр пригласил государя».

Директор департамента министерства народного просвещения И. И. Мартынов зачитал манифест об учреждении Лицея и его устав. После него выступил с речью директор Лицея В. Ф. Малиновский. Профессор Н. Ф. Кошанский прочел список чиновников Лицея и фамилии тридцати мальчиков, принятых на первый курс. За ним выступил профессор нравственно-политических наук А. П. Куницын. «По мере того, как раздавался его чистый, звучный и внятный голос,— пишет Пушкин,— все оживились, и к концу его замечательной речи слушатели уже были не опрокинуты к спинкам кресел, а в наклоненном положении к говорившему».

Куницын говорил о том, что Лицей должен «даровать согражданам истинного соперника в общественных пользах», и призывал будущих своих воспитанников к служению Родине и общественному прогрессу. «Любовь к славе и отечеству должна быть вашим руководителем!» — вдохновенно закончил он свое выступление. Спустя четверть века, обращаясь к лицейским друзьям, Пушкин писал:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын.
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.

Через всю свою жизнь пронес великий поэт лицейские воспоминания, отразившиеся во многих его стихотворениях. В стихотворении «19 октября» (1825) Пушкин писал:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

В Царском Селе Пушкин сформировался как поэт, здесь сложились его политические взгляды, здесь родилась его дружба с Пушциным, Кюхельбекером, Дельвигом — «святое братство», которому великий поэт оставался верен всю жизнь.

Определяющее значение для той нравственной атмосферы, которая сложилась в Лицее в первые годы его существования, имели взгляды директора Лицея В. Ф.

Малиновского и близких ему по духу преподавателей. Василий Федорович Малиновский был убежденным сторонником политических реформ в государственном строе России. Образ мыслей директора Лицея достаточно ярко характеризует запись в его дневнике: «Кто любит добродетель и отечество, должен стараться о прекращении рабства. Оно портит нрав россиянина. Сия заносчивость, запальчивость и купно низость и раболепие — от воспитания, житья и обхождения с рабами».

Малиновский был широко образованным человеком, обладавшим глубокими познаниями в литературе, истории, философии; в совершенстве владевшим не только многими европейскими, но и восточными языками. С большой любовью и вниманием относился он к своим воспитанникам, подолгу с ними беседовал, читал, совершал с лицеистами прогулки в окрестностях Царского Села, в Павловск, Колпино. Родственники лицеистов, приезжавшие навестить их, обычно останавливались в доме директора.

Лицеисты гордились своей «лицейской республикой». А. Д. Илличевский писал: «Благодаря бога, у нас по крайней мере царствует с одной стороны свобода (а свобода дело золотое)... с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся».

Лицеисты часто бывали в доме Малиновского, где их всегда принимали с искренней сердечностью и теплотой. Сын Малиновского Иван был одним из ближайших друзей Пушкина. Пушкину нравился этот задорный юноша с прямым и открытым характером. За несколько минут до смерти, вспоминая своих лицейских друзей, великий поэт говорил: «Как жаль, что здесь нет Пушкина и Малиновского. Мне было бы легче умирать».

Иван Малиновский впоследствии был женат на сестре И. И. Пущина. Одна из сестер Малиновского стала женой Вольховского, члена «Союза благоденствия», другая вышла замуж за декабриста Розена и поехала вслед за ним в Сибирь.

После смерти В. Ф. Малиновского (он умер в 1814 году) и временного «безначалия» директором Лицея в 1816 году был назначен бывший директор Педагогического института Егор Антонович Энгельгардт. Хоть он и не был настроен так радикально, как Малиновский, но старался продолжать традиции первого директора. Новый директор поселился в доме, где до него жил Малиновский. На фронтоне, над входом в дом, Энгельгардт

поместил лицейский герб. Рисунок герба был придуман для лицейской медали, которой награждали лучших воспитанников. На гербе изображены «принадлежности наук и словесности»: на хартии или свитке — лира, символ поэзии; на лире — сова, символ мудрости. Лиру обвиняют «награды достойных — венки дубовый и лавровый», символы мужества и славы. Этот дом по традиции и теперь называют домом Энгельгардта.

Энгельгардт устраивал у себя в доме литературно-музыкальные вечера и театральные представления, на которые приглашались лицеисты. «В директорском доме против самого Лицея привыкли несколько к светскому обращению и к обществу дам», — писал Кюхельбекер. Лицеист первого выпуска, впоследствии придворный историк барон М. А. Корф вспоминал: «Бывало... в летние вечера 1816 и 1817 г. при Энгельгардте... мы имели уже постоянный хор и певали у директора на балконе...»

«Во всех этих увеселениях», — вспоминал Пушкин, — участвовало его семейство и близкие ему дамы и девицы, иногда и приезжавшие родные наши».

Лицеисты пушкинского выпуска посещали дом Энгельгардта и после окончания Лицея. В октябре 1817 года у Энгельгардта праздновалась первая «лицейская годовщина». В этот день у него собрались Пушкин, Пушкин, Кюхельбекер, Малиновский, Вольховский, Корсаков, Иличевский и другие. «Представь себе, — писал Кюхельбекер, — все наши столь... знакомые разговоры с ним, с достойным начальником нашим; представь себе всех ветеранов, сколько нас ни было в Петербурге, за столом его в кругу его семейства».

Любимым преподавателем лицеистов был Александр Петрович Куницын, профессор нравственно-политических наук, человек, настроенный еще более прогрессивно, чем Малиновский. Энгельгардт впоследствии вспоминал, что «Куницын на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу». Один из русских просветителей начала XIX века, Куницын принимал участие в пропагандистской деятельности ранних декабристских организаций, с которыми был связан через Н. И. Тургенева, впоследствии входившего в Северное общество и заочно приговоренного к смертной казни.

В 1818—1820 годах Куницын издал свою книгу «Право естественное», в которой были изложены его взгляды. За эту книгу он был уволен с должности профессора, а книгу его конфисковали и уничтожили. 27 июля

1821 года Энгельгардт сообщил Ф. Ф. Матюшкину: «Куницын от всех должностей по министерству народного просвещения отставлен, и запрещено ему что-либо и где-либо преподавать... Жаль! А Куницын умел учить и добру учил!..»

Лицейстам пушкинского выпуска Куницын преподавал естественное право по рукописи своей будущей книги, «давая им,— по его словам,— по временам списывать оную для повторения уроков». Как утверждал Пушкин, «Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына...». По свидетельству П. А. Плетнева известно, что Пушкин «о лекциях Куницына... вспоминал всегда с восхищением и лично к нему до смерти своей сохранил неизменное уважение».

Куницыну давь сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...—

писал впоследствии Пушкин, подчеркивая огромную роль Куницына в нравственном воспитании лицейстов.

Большой популярностью у лицейстов пользовался профессор российской и латинской словесности А. И. Галич. Он преподавал в Лицее только один год, заменяя заболевшего Н. Ф. Кошанского. Блестяще образованный, талантливый, остроумный и веселый, Галич был самым молодым преподавателем в Лицее. С лицейстами у него установились близкие, дружеские отношения. Судьба Галича сходна с судьбой Куницына. В 1821 году он был отстранен от чтения лекций в университете за «дискредитирование властей» и за «атеизм».

Французскую словесность в Лицее преподавал родной брат знаменитого французского революционера Марата, живший в России под фамилией Будри. Он рассказывал лицейстам о французской буржуазной революции XVIII века и ее деятелях, на его лекциях разбирались отрывки из произведений французских писателей, причем выбирались произведения, проникнутые гражданским, политическим пафосом.

Именно с пушкинским выпуском лицейстов связывалось впоследствии понятие «лицейского духа». Агент III отделения Ф. Булгарин писал в докладе «Нечто о Царскосельском Лицее и о духе онаго»: «В свете называется лицейским духом, когда молодой человек... должен... порицать... все меры правительства, знать наи-

зуть или самому быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском — знать все дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений... либерализм укоренился в Лицее в самом мерзком виде».

В начале 1816 года в Лицей был приглашен преподаватель музыки и пения Людвиг Вильгельм Теппер де Фергюссон, который сыграл большую роль в художественном воспитании лицейцев. Это был талантливый пианист, получивший музыкальное образование в Вене. Теппер и сам сочинял музыку — фортепьянную и вокальную. Он жил недалеко от Лицея, в небольшом одноэтажном доме. Сохранившийся до наших дней (теперешний его адрес: улица Коммунаров, 4), он почти не изменился с пушкинского времени. Теппер устраивал у себя дома музыкально-литературные вечера, на которых постоянно бывали лицеисты, увлекавшиеся музыкой и литературой, — Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер, Яковлев и другие.

Впоследствии, вспоминая Лицей, Пушкин обращался к лицейским преподавателям со словами приветия и глубокой признательности:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честно, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Важнейшую роль в формировании мировоззрения лицейцев сыграла война 1812 года, тот огромный патриотический подъем, который охватил все слои русского общества. «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: готовилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве», — писал Пущин.

Весной и летом 1812 года почти ежедневно через Царское Село шли войска — русская армия направилась к западной границе еще до объявления войны. В конце февраля вышел в путь лейб-гвардии гусарский полк, квартировавший в Царском Селе. В марте 1812 года за ним последовал из Петербурга гвардейский Семеновский полк. В начале сентября через Царское Село шел из столицы большой отряд ополченцев, за которым вскоре двинулся еще один, насчитывавший свыше семи тысяч человек.

«Началось с того,— вспоминал Пушкин,— что мы проводжали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми — усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита».

Захваченные общим патриотическим воодушевлением, лицеисты глубоко переживали, что не могут принять участие в борьбе за Родину. В 1815 году Пушкин писал:

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?

А много лет спустя, вспоминая эти дни, он обращался к лицейским друзьям:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прошались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Военные события были в центре внимания лицеистов. «Когда начались военные действия,— писал Пушкин,— всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; Кошанский читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов: читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное». Через Царское Село проезжали правительственные курьеры, и о военных событиях воспитанники Лицея часто узнавали раньше, чем о них было напечатано в реляциях.

Отечественная война на всю жизнь осталась в памяти лицеистов как самое яркое событие юности. Иван Малиновский, уже в старости, по поводу пушкинских слов: «Завидуя тому, кто умирать шел мимо нас» — писал: «Да, именно так». Герцен, указывая на то, что мировоззрение Пушкина во многом сформировалось под

влиянием событий Отечественной войны, писал: «...в душе его звучали торжествующие, победные клики, поразившие его еще в детстве, в 1813 и 1814 годах».

В январе 1815 года в Лицее состоялся первый торжественный публичный экзамен, который воспитанники держали при переходе с первого на второй курс. В актовом зале собрались почетные гости, профессора, родители лицейстов. На экзамен был приглашен и знаменитый поэт Г. Р. Державин. Он приехал 8 января, когда лицейсты экзаменовались по российскому, французскому и латинскому языкам, математике и физике. В экзамен по российскому языку входило и чтение собственных сочинений.

Впоследствии Пушкин вспоминал: «Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар. Он был в мундире и в плюсовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою... Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали, он преобразился весь... Наконец вызвали меня. Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

С волнением слушали Пушкина его товарищи. «Мы все... гордились этим торжеством,— вспоминал Пуцин. — В этих великолепных стихах затронуто все живое для русского сердца. Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня». Этот день был началом поэтической славы Пушкина. Через много лет, вспоминая лицейский экзамен, Пушкин сказал в романе «Евгений Онегин»:

Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

После лицейского экзамена 1815 года Пушкиным заинтересовались крупнейшие поэты того времени. Спе-

циально для того, чтобы с ним познакомиться, в январе 1815 года в Лицей приезжал К. Н. Батюшков, а затем В. А. Жуковский. В 1816 году, в сопровождении П. А. Вяземского и В. Л. Пушкина, Лицей посетил Н. М. Карамзин. Иван Малиновский вспоминал, что, зайдя в класс, он вызвал Пушкина и сказал: «„Пари, как орел, но не останавливайся в полете“». И он (Пушкин. — Г. Б.) с раздутыми ноздрями — выражение его лица при сильном волнении — сел на место при общем приличном приветствовании товарищей».

За шесть лицейских лет Пушкин создал около 120 стихотворений, многие из которых уже тогда были опубликованы и приобрели широкую известность. Белинский подчеркивал, что в стихах юного поэта «виден уже Пушкин... Среди них есть стихи, в которых Пушкин является истинным художником, творцом новой поэзии на Руси». В лицейские годы Пушкин глубоко осознал свое призвание и уже в то время видел назначение поэта в обличении общественных пороков. В 1815 году в стихотворении «Лицинию» он писал:

Свой дух воспламеню жестоким Ювепалом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

Пробовали свои силы в поэзии и товарищи Пушкина — А. Д. Илличевский, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, М. Л. Яковлев.

Один из лицейстов — С. Д. Комовский — вспоминал: «Едва познакомившись с юною своею музою, он (Пушкин. — Г. Б.) стал поощрять и других товарищей своих писать: русские басни (Яковлева), русские эпиграммы (Илличевского), терпеливо выслушивал тяжеловесные гексаметры барона Дельвига и снисходительно улыбался клопштокским¹ стихам неуклюжего Кюхельбекера. Сам же поэт наш, удаляясь нередко в уединенные залы Лицея или в тенистые аллеи сада, грозно насупя брови и надув губы, с искусанным от досады пером во рту, как бы усиленно боролся иногда с прихотливою кокеткою музою, а между тем мы все видели и слышали потом, как всегда легкий стих его вылетал, подобно „пуху из уст Эола“».

¹ Фридрих Готлиб Клопшток (1724—1803) — известный немецкий писатель. Для его поэзии характерны патетическая приподнятость и восторженность. С. Д. Комовский имеет в виду восторженность и патетику лицейских стихов В. К. Кюхельбекера.

В Лицее всячески поощрялось увлечение литературой. Лицейисты выпускали рукописные журналы и сборники, в которых помещали свои произведения. Уже в лицейские годы их стихи стали появляться в печати.

Среди лицейских поэтов первое время выделялся Илличевский, в честь которого друзья даже сложили гимн, где называли его «бессмертным», «истинным поэтом». Особенным успехом пользовались эпиграммы Илличевского. «Что касается до моих стихотворческих занятий, я в них успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрел много в поэзии знаний и вкуса», — писал Илличевский 25 марта 1812 года, имея в виду Пушкина.

Вскоре Илличевскому пришлось уступить первенство Пушкину. Впоследствии Илличевский был известен как автор переводных эпиграмм. После окончания Лицея он поступил в министерство финансов, уехал в Сибирь, где служил в канцелярии своего отца, томского губернатора.

В одном из вариантов романа «Евгений Онегин» Пушкин, вспоминая о своем литературном признании среди друзей, писал:

...младые други
В освобожденные досуги
Любили слушать голос мой.
Они, пристрастною душой
Ревнуя к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец,
Чтоб им украсил их певец
Свою застенчивую музу.

В лицейские годы сложился талант таких видных поэтов, как Дельвиг и Кюхельбекер. Позже Пушкин писал о Дельвиге: «Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть собрание Русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державинным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием. Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными». Пушкин подчеркивал, что лицейские стихи Дельвига были уже до-

статочны зрелыми, что в них «уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял». «Пушкин искренно веровал в глубокое поэтическое чувство Дельвига», — писал П. А. Вяземский.

Дельвиг стал автором многих популярных романсов. Уже в Лицее многие его стихи были положены на музыку М. Яковлевым. Особенно широкую известность получил романс Алябьева «Соловей» на слова Дельвига. На его же слова написан Даргомыжским романс «Шестнадцать лет».

По окончании Лицея Дельвиг принимал деятельное участие в петербургской литературной жизни, был организатором альманаха «Северные цветы» и «Литературной газеты», которую издавал с Пушкиным. Вместе с Пушкиным он боролся против возглавлявшего официальную журналистику Булгарина. Когда вышла в свет трагедия Пушкина «Борис Годунов», Дельвиг откликнулся на нее обширной рецензией, закончить которую ему помешала смерть.

Лицейский друг Пушкина В. Кюхельбекер стал одним из видных декабристских поэтов. Ряд дружеских лицейских посланий Пушкина и Дельвига к Кюхельбекеру свидетельствует о том, что уже тогда они высоко ценили его поэзию. Пушкину была очень близка гражданственность поэзии Кюхельбекера. Интересна характеристика, которую дал Кюхельбекеру Энгельгардт (характеристики лицейстов директор Лицея составлял лично для себя): «Читал все на свете книги обо всех на свете вещах, имеет много таланта, много прилежания, много доброй воли, много сердца и много чувства, но, к сожалению, во всем этом не хватает вкуса, такта, грации, меры и ясной цели. Он, однако, верная невинная душа, и упрямство, которое в нем иногда проявляется, есть только донкихотство чести и добродетели с значительной примесью тщеславия. При этом он в большинстве случаев видит все в черном свете, бесится на самого себя, совершенно погружается в меланхолию, угрызения совести и подозрения; и не находит тогда ни в чем утешения, разве только в каком-нибудь гигантском проекте».

«Недостаток вкуса, грации, меры», экспансивность и порывистость Кюхли делали его постоянным предметом дружеских карикатур и эпиграмм в лицейских журналах.

Судьба Кюхельбекера сложилась трагически: после поражения восстания декабристов он долго находился в одиночном заключении, затем много лет провел в ссылке и умер в неизвестности и нищете.

Постоянно в лицейских журналах помещались стихи и басни М. Яковлева, над которыми подшучивал Пушкин. К Яковлеву относятся строки Пушкина: «Забавный, право, ты поэт, хоть плохо басни пишешь». Вот что рассказывает о Яковлеве К. Я. Грот в книге «Пушкинский Лицей», вышедшей в свет в 1911 году: «...впоследствии известный „лицейский староста“, собиратель лицейского архива, восторженный хранитель лицейских преданий и устроитель лицейских сходок — „годовщин 19 октября“, был в Лицее очень любим и популярен среди своих товарищей, главнейше благодаря своему веселому нраву; неисчерпаемой изобретательности на всякие затеи, забавы и штуки и своей музыкальности: он пел, играл на скрипке, был композитором, актером и замечательным подражателем, за что получил у товарищей прозвище „паяса“». После окончания Лицея Яковлев служил в московском Сенате, одно время он был директором типографии и наблюдал за печатанием «Истории пугачевского бунта» своего друга.

В 1814 году в Царском Селе был открыт «Благородный пансион Императорского царскосельского лицея», который современники часто называли «младшим братом Лицея».

Уже при первом приеме в Лицей обнаружилось неравенство в знаниях воспитанников, и пансион, как было сказано в постановлении о его учреждении, должен был устранить это неравенство. В этом постановлении отмечалось: «Цель сего заведения двоякая: а) устроенное в нем рассадника собственно для Царскосельского лицея и б) доставление нового способа дворянству для приличного званию сему воспитанья».

Бывший воспитанник пансиона князь Н. Голицын впоследствии писал: «Во 2-й части города Царского Села (что прежде был город София), на углу улиц Волконской, идущей вдоль сада, и Кадетской, ведущей к выезду из Царского Села, через дер. Гумаласары в Павловск, стоят два каменные трехэтажные дома, о 18-ти окнах в фасаде каждый, соединенные каменною же двухэтажною связью или галереєю... Здесь почти 15½ лет помещался Благородный пансион Императорского царскосельского лицея... Для него и построен был вто-

рой от угла улиц дом, ему отведен был затем и угловой дом — бывший дворцом цесаревича великого князя Константина Павловича, долго потом еще слывший под названием Константиновского дворца. Оба дома были соединены деревянною одноэтажною галереєю, за которою и позади домов находились обширное пустопорожнее место и остатки сада».

Волконская улица — ныне Парковая, Кадетская — ныне бульвар Киквидзе; дома, в которых помещался пансион, сохранились.

Далее Н. Голицын отмечал: «Пансион был в младших классах... рассадником Лицея, а в старших — высшим, наравне со старшим курсом Лицея, учебным заведением, на правах университетов, выпуская воспитанников своих, окончивших полный курс наук, на государственную службу, гражданскую и военную, — офицерами гвардии и армии». Пансион существовал до 1829 года.

Лицейсты хорошо знали многих воспитанников этого учебного заведения. Среди них был и Павел Воинович Нащокин, который в последние годы жизни Пушкина стал одним из самых близких его друзей. Пушкин часто приходил в пансион, чтобы повидаться с Нащокиным и навестить своего брата Льва, тоже воспитывавшегося в пансионе.

Лицейсты и воспитанники пансиона постоянно встречались во время прогулок, одно время вместе учились верховой езде, ходили, по свидетельству Н. Голицына, «на музыку, игравшую на большом дворе Царскосельского дворца, у гауптвахты...». «В мае, — вспоминал Н. Голицын, — в Царском Селе, ежедневно ввечеру от 7 до 9 часов, у главной дворцовой гауптвахты, играла полковая музыка гренадерского Императора австрийского полка... На эту музыку в светлые майские вечера собирались жители и жительницы Царского Села, а в том числе и воспитанники Лицея и пансиона с губернерами, и слушали музыку, собираясь вокруг хора музыкантов или прохаживаясь вдоль обширного дворцового двора. В 9 часов музыка оканчивалась зарею с церемонией и вечернею молитвой... По окончании всего публика расходилась во все стороны, и лицейсты возвращались поблизости в Лицей, а пансионеры — через сад в пансион...»

«Музыка» по вечерам была самым любимым развлечением в тихом, маленьком городке, каким было Царское Село в начале XIX века. Жизнь его обитате-

лей — чиновников дворцового ведомства, дворян, ушедших со службы, которые селились здесь со своими семьями, — текла спокойно и размеренно. И только когда из Петербурга приезжал двор и начинались придворные гулянья и праздники, Царское Село совершенно преобладалось.

Посещали лицеисты и дом графа В. В. Толстого, у которого был крепостной театр. Установить место, где стоял дом Толстого, пока не удалось, но на основании свидетельств некоторых современников Пушкина можно предположить, что недалеко от здания Лицея. В письме от 2 сентября 1816 года Илличевский сообщал одному из своих друзей: «Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. И у нас есть вечерние гуляния, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствие человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли... это наше первое и почти единственное удовольствие...»

В труппе графа Толстого была крепостная актриса Наташа, которой Пушкин посвятил стихотворение.

9 июня 1817 года состоялся первый лицейский выпуск. Пущин в своих воспоминаниях рассказал о том, как прошел этот день. «Как открытие Лицея было пышно и торжественно, так выпуск наш тих и скромн... В зале были мы все с директором, профессорами, инспектором и гувернерами. Энгельгардт прочел коротенький отчет за весь шестилетний курс; после него конференц-секретарь Куницын возгласил высочайше утвержденное постановление конференции о выпуске... Тут пропета была нашим хором лицейская прощальная песнь — слова Дельвига, музыка Теплера, который сам дирижировал хором».

В «Прощальной песне воспитанников Царскосельского лицея», написанной специально к выпускному лицейскому акту, Дельвиг сумел глубоко отразить настроение пушкинского круга лицеистов.

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отчества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

В 1822 году Лицей был передан из ведения министерства народного просвещения в военное ведомство. Энгельгардт вскоре был вынужден уйти в отставку. С горечью писал тогда об этом Пушкин:

Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш лицей..

Тема Лицея, Царского Села, его знаменитых парков проходит через все творчество Пушкина. В царскосельских парках Пушкин бывал и после окончания Лицея. Охваченный каким-то особенным трепетом, бродил он по знакомым аллеям.

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.

Величественные архитектурные сооружения и тихие тенистые аллеи, памятники военной славы и прекрасные мраморные статуи — все здесь вдохновляло юных лицейских поэтов, воспитывало их художественный вкус. Пушкин всегда считал Царское Село колыбелью своей поэзии. Он писал в VIII главе «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Особенно тесно связан с поэзией Пушкина Екатерининский парк. Здесь лицеистам было отведено для игр так называемое Розовое поле, на котором при Екатерине II росли розы. Позже, обращаясь к друзьям, Пушкин писал:

...вы помните то поле,
Друзья мой, где в прежни дни, весной,
Оставя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.

Любил Пушкин бывать у Большого пруда, где

...с тополем сплелась младая ива
И отразилась в кристалле зыбких вод...

В одном из лицейских стихотворений Пушкин дал поэтическую зарисовку Камероновой галереи:

А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.

Царское Село, по словам одного из современников Пушкина, воспринималось как «пантеон российской славы».

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?

Эти пушкинские строки из стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» посвящены русской воинской славе. Орел, разрывающий льва,— символ победы России над Швецией — изображен на щите одной из скульптур Эрмитажной аллеи Екатерининского парка. Лиценсты хорошо знали аллегорическое значение парковой скульптуры. Памятники военной славы напоминали им о замечательных победах русского оружия, вызывали чувство национальной гордости.

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет... —

писал Пушкин. И эти воспоминания были для него и его друзей неразрывно связаны с настоящим, с эпохой войны 1812 года. Вот он рисует Чесменскую ростральную колонну:

...окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяясь крылами,
Над ним сидит орел молодой,

Дальше поэт обращается к Кагульскому обелиску:

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.

О Кагульском обелиске Пушкин упоминает и в повести «Капитанская дочка» — возле этого памятника происходит встреча Маши Мироновой с Екатериной II. «Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева».

Чуть в стороне от Большого пруда, который Пушкин называл озером, недалеко от гранитной пристани,

в густой зелени деревьев, находится фонтан, получивший широкую известность под названием «Девушка с кувшином». На огромном диком камне помещена бронзовая скульптура сидящей девушки в античной одежде. Из разбитого кувшина струится вода... Статуя выполнена известным скульптором П. П. Соколовым, проект фонтана создан инженером А. А. Бетанкуром. Этот фонтан воспет Пушкиным в стихотворении «Царскосельская статуя»:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Это и многие другие стихотворения Пушкина увековечили прекрасный образ царскосельских парков.

Царскосельский лицей связан с именем другого русского поэта — младшего современника Пушкина: с 1836 по 1841 год здесь воспитывался Л. А. Мей.

Лев Александрович Мей — один из видных поэтов середины прошлого века, автор исторических драм «Царская невеста» и «Псковитянка», был также широко известен как переводчик. Он переводил Гете, Гейне, Байрона, Беранже и других поэтов.

С 1838 по 1844 год в Лицее учился Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

6 ноября 1843 года вышел указ Николая I о переименовании Царскосельского лицея в Императорский Александровский лицей с переводом его из Царского Села в Петербург под личный надзор царя. После этого здание было перепланировано, и в нем разместили квартиры чиновников дворцового ведомства. В 1899 году, когда отмечалась 100-летняя годовщина со дня рождения Пушкина, на здании Лицея установили мемориальную доску: «Здесь воспитывался Александр Сергеевич Пушкин. 1811—1817 гг.»

В 1900 году в Царском Селе, в лицейском садике, был поставлен памятник Пушкину-лицейсту работы скульптора Р. Р. Баха. В 1911 году, к 100-летию со дня основания Лицея, на здании была установлена вторая мемориальная доска: «В сем здании с 1811 по 1843 год находился Императорский лицей».

В советское время, в дни празднования 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина, в Лицее был открыт мемориальный музей. 10 июня 1949 года в рекреационном

зале Лицея состоялось торжественное заседание президиума Академии наук СССР, на котором присутствовали представители советской общественности и гости из многих зарубежных стран. Президент Академии наук СССР С. И. Вавилов сказал: «Мы находимся в Актовом зале бывшего Царскосельского лицея, восстановленном по сохранившимся рисункам и чертежам... Волею Советского правительства замечательный памятник русской культуры... ныне вновь воскрешен».

В 1949 году музеем стала только часть лицейского здания. В последующие годы производилась реконструкция здания с целью восстановления его исторического облика. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина она была завершена, и 6 июня 1974 года, в день юбилея, в Лицее открылся уникальный мемориальный музей.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГУСАРЫ

Вспоминая много лет спустя о возвращении русской армии из заграничного похода 1813—1814 годов, участник Отечественной войны поэт Федор Глинка писал:

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе — покой, в устах — «ура!»,
Пришла домой...

В октябре 1814 года вернулся в Царское Село овеянный боевой славой лейб-гвардии гусарский полк. Позади остался долгий и трудный путь, бои при Бородине и Малоярославце, Кульме и Лейпциге, вступление в Париж.

В Царском Селе лейб-гвардии гусарский полк был расквартирован на окраине города, в Софии. Как уже упоминалось, Екатерина II, для того чтобы остановить бурный рост города в непосредственной близости с резиденцией, решила основать недалеко от Царского Села уездный город с самостоятельным управлением. В именном указе Сенату от 1 января 1780 года говорилось:

«При селе Царском, по правую сторону новой дороги Новгородской, а по левую к Порхову идущей, устроить город под названием София». Вскоре были утвер-

ждены герб и план нового города. В его застройке принимал участие Ч. Камерон. Ему же приписывается проект монументального каменного собора (1782—1788) в Софии. Этот городок являлся первой почтовой станцией на пути из столицы в Москву. А. Н. Радищев в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» пишет: «Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу, на пустом месте стоит дом в три жилья. „Что такое?“ — спрашивал я у повозчика моего. „Почтовый двор“. — „Да где мы?“ — „В Софии“». Одна из глав знаменитой книги Радищева так и называется «София».

Упоминает Софию и Пушкин в повести «Капитанская дочка»: «Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав на почтовом дворе, что двор находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться».

Однако новый город почти не развивался. В 1806 году указом Александра I он был упразднен и превратился в один из районов разросшегося Царского Села. Софийский собор стал полковой церковью лейб-гвардии гусарского полка. Казармы полка, сначала деревянные, постепенно стали перестраивать в каменные. Некоторые из них стоят и поныне.

Вот как рисует Софию 1810—1820-х годов Н. Голицын: «...за пределом сада, по левую, или западную, сторону Большого пруда, за рвом с палисадником, пролегла почтовая шоссейная дорога (ныне Парковая улица.— Г. Б.), по которой звенели колокольчики экипажей, проезжавших на почтовых лошадях, а по другую сторону этой дороги простирались здания городка Софии, начиная от Гатчинских ворот до новой дороги в Павловск (ныне бульвар Киквидзе.— Г. Б.). Начинаясь у первых военными магазинами и почтовой станцией, за которыми следовали: и оригинальная площадь с домиками в восточном вкусе, расположенными в виде театральной сцены, и дом полкового командира лейб-гвардии гусарского полка, с гауптвахтой, и ряд деревянных одноэтажных казарм этого полка, с дворами между и позади их, здания Софии замыкались, наконец, у новой Павловской дороги, против адмиралтейства в саду, двумя большими домами пансиона, с галереей между ними. ...А кругом расстилалась широкая... равнина, и совсем на краю Софии, среди поля, возвышался Софийский собор, построенный императрицей Екатериной II в малом виде по образцу цареградской Софии».

С возвращением полка Царское Село оживилось: снова на улицах замелькали красные гусарские ментики, на плацу начались военные учения, снова гусары устраивали шумные пирушки.

Но только на первый взгляд все было по-прежнему. Офицеры русской армии вернулись из заграничного похода во многом совершенно другими. С. Волконский рассказывал, что после героических событий 1812 года тусклый общественный быт, «вахтпарадная» жизнь и «даже частная жизнь, тягостная, скучная, стали невыносимыми». Национально-освободительная война 1812 года показала, какие могучие силы таятся в русском народе, каким противоестественным является противоречие между огромными возможностями русской нации и тем бесправным положением, в котором находился русский народ в феодально-крепостнической России. Война способствовала еще большему обострению глубоких противоречий русской действительности. Не случайно именно участники Отечественной войны составили основное ядро декабристских организаций. О поколении офицеров, прошедших войну 1812 года, Ф. Глинка писал:

Влюбившись от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сгибаясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине...
Тогда гремел, звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин...

Вместе со своими друзьями Пушкин часто бывал в Софии. Лицейстов приглашали на дружеские офицерские собрания и вечеринки, где звучали речи о необходимости борьбы с деспотизмом, царствовал дух вольнодумства и гусарского удалства. Общение с гусарами сыграло большую роль в формировании политических взглядов Пушкина и его лицейских товарищей.

«Гусарство» было примечательным явлением эпохи 1800—1810 годов, оставившей, по словам П. А. Вяземского, «в умах следы отваги и какого-то почти свесвольного казачества в понятиях и нравах».

«Конечно,— писал один из современных исследователей В. Н. Орлов,— много было в этом эффектного позерства, пустого озорства и просто бесшабашного разгула дворянской „золотой молодежи“, но вместе с тем

„гусарство” во времена Аракчеева, Священного союза¹ и архимандрита Фотия зачастую служило своеобразной формой протеста против мертвящей казенщины, ханжества, лицемерия, многообразных способов духовного и общественного угнетения личности. Не случайно высшие власти, начиная с Александра I, чрезвычайно нервно реагировали на любые вспышки гусарского „молодечества”, нетерпимого в обстановке строжайшей дисциплины».

В понятие «гусарство» складывался тогда и совершенно определенный кодекс нравственных правил: чувство товарищеской солидарности, презрение к опасности, прямотушие, отвага. На офицерских пирушках в Софии постоянно звучали стихи «гусарского Беранже» Дениса Васильевича Давыдова, которого хорошо знали в полку,— он еще сравнительно недавно служил здесь.

Уже в первые годы царствования Александра I Давыдов понял сущность его лицемерной политики. Острые политические стихи молодого офицера-кавалергарда — с 1801 по 1804 год Давыдов служил в гвардейском кавалергардском полку — распространялись по всей России. Это не прошло для него бесследно. По приказу царя двадцатилетний поэт был переведен в армейский Белорусский гусарский полк. С тех пор до конца жизни он считался в официальных кругах человеком, настроенным оппозиционно по отношению к правительству.

Через два года Давыдову удалось вернуться в гвардию. В июле 1806 года он был зачислен в лейб-гвардии гусарский полк, а в декабре того же года назначен адъютантом к Багратиону. К началу Отечественной войны 1812 года он был подполковником Ахтырского гусарского полка. Давыдов справедливо называл себя «человеком, рожденным единственно для рокового 1812 года». Именно в период Отечественной войны он раскрылся как личность, как военный деятель. Он был одним из организаторов и руководителей партизанского движения.

¹ Священный союз — заключенный в Париже 26 сентября 1815 года реакционный политический союз Австрии, Пруссии и России, целью которого являлось обеспечение неизблемости решений Венского конгресса 1814—1815 годов. Основные решения Венского конгресса сводились к восстановлению феодальных порядков, уничтоженных во время Великой французской революции и наполеоновских войн, к реставрации свергнутых династий, борьбе с революционным движением.

Героика событий 1812 года питала и его поэтическое творчество. Денис Давыдов был хорошо знаком с многими декабристами и близкими к декабристам людьми — М. Ф. Орловым, И. Г. Бурцовым, А. А. Бестужевым, Ф. Н. Глинкой и другими. Герой стихов Давыдова — лихой гусар, рубака на «ухарском коне», неизменно искренний и смелый, пламенный патриот.

В «гусарской» поэзии Давыдова, по словам В. Г. Белинского, «истинно русская душа — широкая, свежая, могучая, раскидистая», в ней «удалое разгулье, любовь к шумным пирам и веселой жизни» соединяются с «высокостью чувств, благородством в помыслах и жизни».

Интересны и произведения Давыдова в прозе, составляющие большую часть его творческого наследия.

Очень высоко всегда ценил талант Дениса Давыдова А. С. Пушкин, испытавший в юности определенное влияние его поэзии. В 1836 году, посылая ему «Историю Пугачевского бунта», вышедшую годом раньше, великий поэт писал:

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.

С лейб-гвардии гусарским полком связано много славных имен. В течение девяти лет в этом полку служил Александр Гарсеванович Чавчавадзе — выдающийся грузинский поэт и мыслитель, один из передовых людей своего времени, впоследствии известный грузинский общественный деятель.

А. Г. Чавчавадзе родился в 1786 году в Петербурге. Его отец, видный политический деятель, посол грузинских царей при русском дворе Гарсеван Чавчавадзе был одним из проводников русской ориентации в Грузии. Будущий поэт воспитывался в одном из частных пансионов, затем в Пажеском корпусе. С 1809 года он в лейб-гвардии гусарском полку. К моменту взятия Парижа был адъютантом у главнокомандующего Барклая-де-Толли.

Годы службы в лейб-гвардии гусарском полку имели для Чавчавадзе огромное значение: и в заграничном по-

ходе, и по возвращении в Царское Село он постоянно находился в атмосфере идей преддекабристской эпохи.

В творчестве Чавчавадзе глубоко отразился тот исторический перелом, который произошел в судьбе Грузии в самом начале XIX века: в 1801 году обескровленная непрерывными персидско-турецкими нашествиями Грузия присоединилась к России. Чавчавадзе прекрасно понимал огромное значение этого события для исторических судеб Грузии. Он навсегда остался пламенным поборником дружбы и культурного сотрудничества русского и грузинского народов. Преклоняясь перед прогрессивной русской культурой, он смело выступал против царизма, в защиту народа.

Чавчавадзе сблизил грузинскую литературу с русской и западной передовой культурой. Не только талантливый поэт, но и переводчик Вольтера, Расина, Корнеля, Эзопа, Лафонтена, Гюго, персидских лириков, он переводил на грузинский язык и произведения русских писателей. Одним из первых стал переводить стихи Пушкина.

В 1818 году Чавчавадзе перешел из лейб-гвардии гусарского полка в Нижегородский драгунский полк, стоявший в Кахетии. Его дом в Тифлисе посещали многие представители прогрессивных кругов России и Грузии. У него бывали В. К. Кюхельбекер, который в 1820-х годах служил в Тифлисе, А. С. Грибоедов, В. А. Соллогуб, художник Г. Г. Гагарин и другие. Старшая дочь Чавчавадзе Нина в 1828 году стала женой Александра Сергеевича Грибоедова. Когда в 1829 году Грибоедов был убит в Персии, ей было всего семнадцать лет. Многие достойные люди, бывавшие в доме ее отца, добивались ее руки, но она осталась навсегда верна памяти Грибоедова.

Чавчавадзе был близок со многими декабристами, сосланными после поражения восстания в войска Кавказского корпуса. В секретном донесении военному министру Чернышеву барон Розен обращал его внимание на то, что Чавчавадзе, «будучи тестем покойного Грибоедова, имел в нем средство усовершенствоваться в правилах вольнодумства».

Можно предположить, что Чавчавадзе бывал в Царском Селе не только во времена своей молодости, но и позже — в середине 30-х годов. По свидетельству современников, летом 1835 года на даче в Царском Селе жила Прасковья Николаевна Ахвердова — близкий друг

семьи Чавчавадзе, вдова кавказского генерала Ф. И. Ахвердова, который одно время был губернатором Грузии. Где она жила в Царском Селе — пока установить не удалось.

П. Н. Ахвердова — дальняя родственница Лермонтова (ее девичья фамилия — Арсеньева). Молодость ее прошла в Петербурге, здесь она получила прекрасное образование. С 1815 по 1830 год Прасковья Николаевна жила в Тифлисе, где сблизилась с семьей Чавчавадзе. Она воспитывала дочь Чавчавадзе Нину. В Тифлисе у Ахвердовой часто бывал Грибоедов, который очень тепло относился к ней и часто называл ее второй матерью Нины.

В начале 1820-х годов дом Ахвердовой нередко посещал Кюхельбекер. На всю жизнь он сохранил к ней чувство глубокой, искренней дружбы. Ахвердова была знакома и с Пушкиным.

В 1834—1836 годах Чавчавадзе находился в Петербурге — был выслан из Грузии в связи с делом о противоправительственном заговоре 1832 года. Заговор был организован представителями крупной грузинской знати, которые путем вооруженного восстания собирались восстановить в Грузии старую феодальную монархию и отъединить Грузию от России. Хотя Чавчавадзе относился отрицательно к русскому самодержавию, разрыв с Россией он считал для Грузии губительным. Чавчавадзе понимал, что только с Россией, огромной, могучей страной, связано будущее Грузии. Он не только отверг предложение участвовать в заговоре, но и убеждал заговорщиков «оставить свои замыслы». Но поскольку Чавчавадзе знал о существовании заговора и его целях, его сочли причастным к делу. В 1834 году «по высочайшему повелению» Чавчавадзе был сослан в Тамбов, где прожил два с половиной месяца, а затем ему удалось добиться разрешения приехать в столицу, где он находился в 1835 и 1836 годах. В Петербурге Чавчавадзе постоянно виделся с Ахвердовой и, по всей вероятности, посещал ее и на даче в Царском Селе.

В апреле 1816 года из Ахтырского гусарского полка в лейб-гвардии гусарский полк был переведен двадцатидвухлетний поручик Петр Яковлевич Чаадаев. Красивый, блестяще образованный, всегда державшийся с подлинным аристократизмом, Чаадаев в любом обществе обращал на себя внимание. «Его разговор и даже одно его присутствие, — писал один из современников, —

действовали на других, как действует шпора на благородную лошадь. При нем как-то нельзя, неловко было отдаваться ежедневной пошлости. При его появлении всякий как-то невольно нравственно и умственно осматривался, прибирался и охорашивался.

Уже в ранней юности Чаадаев поражал современников «необыкновенной самостоятельностью и независимостью мышления». После окончания Московского университета, следуя общепринятой в дворянских семьях традиции, Чаадаев пошел на военную службу. В мае 1812 года он вступил лейб-прапорщиком в Семеновский полк, участвовал в крупнейших сражениях Отечественной войны. В 1813 году он перешел в Ахтырский гусарский полк, а затем в лейб-гвардии гусарский и в период службы в этом полку жил в Царском Селе.

В 1817 году Чаадаев получил назначение адъютантом командира гвардейского корпуса генерал-адъютанта Васильчикова. Это был путь к блестящей карьере, но Чаадаев неожиданно для всех вышел в 1820 году в отставку.

В историю русской общественной мысли Чаадаев вошел как автор знаменитых «Философических писем». В сентябре 1836 года в 15-м номере журнала «Телескоп» было напечатано его первое «Философическое письмо». По словам А. И. Герцена, «Письмо» явилось «мрачным обвинительным актом» против николаевской России. «Письмо... произвело... потрясающее впечатление на тогдашнюю публику», — писал Н. Г. Чернышевский.

Журнал «Телескоп» был немедленно закрыт, редактор сослан, цензор отстранен от должности. Николай I «высочайше объявил» автора «Философических писем» сумасшедшим. Чаадаев был взят под домашний арест, ему было запрещено писать. «Итак, — писал он Якушкину в ссылку в 1837 году, — вот я сумасшедшим скоро уже год, и впредь до нового распоряжения. Такова, мой друг, моя унылая и смешная история».

В 1895 году, оценивая роль Чаадаева в истории русского освободительного движения, Плеханов писал: «...одним „Философическим письмом“ он сделал для развития нашей мысли бесконечно больше, чем сделает целыми кубическими саженьями своих сочинений иной трудолюбивый исследователь России „по данным земской статистики“ или бойкий социолог фельетонной „школы“».

Летом 1816 года в Царском Селе с Чаадаевым познакомился Пушкин. Впервые они встретились у Н. М. Карамзина, который жил тогда там на даче (ныне Комсомольская улица, 12).

Чаадаев стал одним из духовных наставников Пушкина. Юный лицеист был покорен умом и образованностью офицера-гусара, с волнением слушал его полные негодования высказывания о самодержавии и позоре крепостничества.

Прекрасной характеристикой Чаадаева могут служить строки известного пушкинского стихотворения:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.

В 1820 году, когда поэту грозила ссылка на Соловки или в Сибирь, Чаадаев, первым узнав об угрозе, нависшей над его другом, поздним вечером приехал к Карамзину и убедил его заступиться за Пушкина...

Находясь в южной ссылке, Пушкин писал в своем дневнике: «Получил письмо от Чаадаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье». Когда цензура наконец разрешила печатать трагедию «Борис Годунов», один из экземпляров трагедии 2 января 1831 года Пушкин отправил Чаадаеву, сопроводив его письмом: «Вот, друг мой, мое любимое сочинение. Вы прочтете его, так как оно написано мною,— и скажете свое мнение о нем. Покамест обнимаю вас и поздравляю с новым годом». Чаадаев, в свою очередь, переслал Пушкину рукопись двух «Философических писем».

С 1816 года в лейб-гвардии гусарском полку служил Петр Павлович Каверин, участник Отечественной войны 1812 года. Он начал войну ополченцем. Позднее Каверин стал членом Союза благоденствия. Именно в Царском Селе в лицейские годы с ним познакомился Пушкин. Поэт дал выразительную характеристику своего приятеля:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

В этом же полку с 1814 года служил Николай Николаевич Раевский — младший сын прославленного гене-

рала Н. Н. Раевского, героя Отечественной войны 1812 года. В годы Отечественной войны была широко распространена легенда о том, что в одном из сражений генерал послал в бой двух своих сыновей — десяти и четырнадцати лет. Позже, во вступлении к поэме «Кавказский пленник», посвященной Н. Н. Раевскому-младшему, Пушкин писал:

... .. вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умиленьем,
Как жертву милую, как верный цвет надежд.

Гусарский офицер Панфамир Христофорович Молоствов был, по-видимому, также близок Пушкину, так как позже поэт назвал его в числе своих друзей.

В лейб-гвардии гусарском полку в эти же годы служил Дмитрий Константинович Ипсиланти — брат Александра Ипсиланти, греческого офицера, находившегося на русской военной службе и ставшего впоследствии вождем тайного греческого общества, которое боролось за освобождение Греции от турецкого ига. Александр Ипсиланти приезжал к брату в Царское Село.

Память о друзьях-гусарах Пушкин сохранил навсегда и позже, вспоминая годы юности, писал:

...с Кавериним гулял,
Бранил Россию с Молоstoffовым,
С моим Чадаевым читал...

«В КРУГУ МИЛЫХ ВОСПОМИНАНИЙ»

В конце мая 1831 года из петербургской гостиницы Демута выехала, направляясь в Царское Село, молодая чета — Александр Сергеевич Пушкин и его жена Наталья Николаевна. У Демута Пушкины прожили недолго — они прибыли в столицу из Москвы всего на несколько дней.

18 февраля 1831 года в Москве состоялась свадьба Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой. Впервые поэт встретил свою будущую жену на одном из московских балов в 1828 году, ей шел тогда семнадцатый год. Предложение Пушкина было принято не сразу — брак с «неблагонадежным» поэтом, не имевшим к тому же достаточного состояния, не был в глазах семьи На-

тальи Николаевны удачной партией. Только в 1830 году Н. И. Гончарова дала согласие на брак дочери.

26 марта 1831 года Пушкин писал в столицу своему другу П. А. Плетневу: «В Москве остаться я никак не намерен... После святой отправляюсь в Петербург. Знаешь ли что? мне мочи нет хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей. А дома вероятно ныне там недорого: гусаров нет, двора нет — квартал пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы я всякую неделю, с Жуковским также — Петербург под боком — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение».

Плетнев нанял для Пушкина дом на углу Колпинской (ныне Пушкинская) улицы и Кузьминской дороги (ныне улица Васенко); его современный адрес: Пушкинская улица, 2. Дом принадлежал Анне Китаевой — вдове придворного камердинера Якова Китаева, для которого он и был построен в 1827 году по указу Николая I. Проект дома составлял «архитекторский помощник» А. М. Горностаев и «просматривал» В. П. Стасов.

Это был одноэтажный деревянный дом с мезонином. Из небольшого палисадника в дом вела просторная открытая веранда с колоннами, занимавшая всю его угловую часть. Над верандой в мезонине был открытый балкон. Дом состоял из двух половин, каждая из которых имела отдельный вход со двора. В нем было одиннадцать комнат: восемь снимал Пушкин, в трех остальных жила хозяйка дома.

До наших дней дом дошел в значительно измененном виде. В 1868 году он был перестроен: открытую веранду и балкон мезонина застеклили, к каждой половине пристроили еще по две комнаты, со стороны Кузьминской дороги сделали новый парадный вход. Таким дом можно видеть в наши дни. На фасаде его установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь жил Пушкин в 1831 году». 21 декабря 1958 года в доме Китаевой был открыт мемориальный музей — филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

...Дорога из Петербурга в Царское Село была во времена Пушкина лучшей в России. Вдоль нее стояли гранитные обелиски, на каждом из которых было высечено

обозначение версты. Некоторые из этих верстовых столбов и поныне стоят вдоль шоссе, ведущего из Ленинграда в Пушкин. Между Петербургом и Царским Селом существовали тогда три заставы — так называемые «рогатки». На заставах этих случались иногда курьезные происшествия. Об одном из таких происшествий рассказывает П. А. Вяземский: «...проказники сговорились проезжать часто чрез Петербургские заставы и записываться там самыми причудливыми и смешными именами и фамилиями. Этот именной маскарад обратил внимание начальства. Приказано было задержать первого, кто подаст повод к подозрению в подобной шутке. Дня два после такового распоряжения проезжает через заставу государственный контролер Балтазар Балтазарович Кампенгаузен и речисто, во всеуслышание, провозглашает имя и звание свое. «Некстати вздумали вы шутить,— говорит ему караульный,— знаем вашу братью; извольте-ка здесь посидеть, и мы отправим вас к г-ну коменданту». Так и было сделано».

Правительство постоянно принимало все меры к тому, чтобы дорога была благоустроенной и удобной для езды. Так, писатель К. С. Сербинович, рассказывая об одной из своих поездок в Царское Село в 1825 году, писал: «В это лето царскосельская дорога представляла то удобство, что была вся, для спокойной езды, вымощена досками, положенными вдоль по дороге, в четыре ряда, называвшиеся колесопроводами: каждый экипаж, держась правой стороны, ехал по двум колесопроводам. Гладкость дороги делала езду скорою и спокойною; но в дождливую осень доски превратились в щепы».

В начале дороги, с левой стороны, был расположен Чесменский дворец — ближайший к Петербургу загородный дворец Екатерины II, предназначавшийся для кратковременных остановок двора по пути из Петербурга в Царское Село. Дворец строился в 1774—1777 годах по проекту Ю. М. Фельтена. Чесменским назван в 1780 году — в память замечательной победы русского флота в Эгейском море у Чесменской бухты во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов. При Павле I во дворце находился капитул ордена Мальтийских рыцарей. Позже, в середине 30-х годов XIX века, в этом здании разместились так называемая Чесменская богадельня — приют для увечных и престарелых солдат. В наши дни здание принадлежит Институту авиационного приборостроения (улица Гастелло, 15).

Несколько далее — у Средней Рогатки — находился второй путевой дворец, построенный в 1755 году по проекту Б. Растрелли. Возле дворца стоял столб, указывавший направление на Москву, Петербург, Петергоф и Царское Село. В пушкинское время во дворце размещалась почтовая станция. Дворец снесен в связи с новой застройкой и формированием площади Победы.

У Пулковского холма царскосельская дорога сворачивала влево. В 1807 году на склоне, обращенном к Петербургу, по проекту архитектора А. Н. Воронихина был сооружен фонтан. Через два года появился фонтан и у подножия холма, его автор — архитектор Тома де Томон. А в 1839 году на Пулковском холме была построена обсерватория. Сейчас Пулково известно во всем мире как центр советской астрономической науки.

Дальше путь в Царское Село лежал через Кузьмино — одно из сел «царскосельской государственной вотчины», заселенное потомками тех крестьян, которые были переведены сюда для строительства Царского Села из центральной России еще в начале XVIII века. Наконец, дорога приводила к Царскосельской городской заставе, или Кузьминским (Египетским) воротам. Ворота были построены в 1829 году архитектором Менеласом в египетском стиле; скульптор Демут-Малиновский моделировал для них иероглифы.

Влево от ворот тянулся бульвар (ныне Октябрьский), который затем сворачивал на юго-запад (ныне Советский бульвар). Бульвары появились еще в первой четверти XIX века. По ним можно было, выехав из Екатерининского парка, обогнуть весь город и вернуться в Александровский дворец через Александровский парк. Вал, проходивший когда-то по Московской улице, был срыт еще в 1808 году, и к началу 30-х годов город разросся уже до бульваров.

И. Яковкин в книге «Описание села Царского», вышедшей в 1830 году, указывает, что в то время в Царском Селе существовало «улиц 15, кои суть: Садовая, Средняя (иначе Большая), Малая (иначе Грязная), Московская, Колпинская, Магазиная и Бульварная — все продольные с запада на восток. Последние три улицы называются вообще «новыми местами», потому что начали быть застраиваемы с 1810 года. Кузьминская, Церковная, Певческая, Леонтьевская, Оранжерейная, Конюшенная, Набережная и Госпитальная — все поперечные с юга на север». И дальше: «...всего каменных и

деревянных, казенных и обывательских, 374 строения». О численности населения Царского Села Яковкин пишет: «...не касаясь дворцового управления, находилось жителей всякого состояния мужеска пола, в 1825 году, 4136 душ...» Сколько проживало тогда в городе «душ» женского пола, Яковкин не сообщает.

Поселившись в Царском Селе, Пушкин сразу же известил об этом своих друзей. 1 июня он сообщил Вяземскому: «Я живу в Царском Селе в доме Китаевой на большой дороге». В тот же день он написал П. В. Нащокину: «Теперь, кажется, все уладил и стану жить потихоньку, без тещи, без экипажа, следственно без больших расходов и без сплетен».

Вокруг стояли небольшие деревянные дома, как правило, с мезонинами, колоннадами и балкончиками. В наши дни их осталось уже совсем немного. Дома были окружены садами, где, по словам Пушкина, «липы престарелы с черемухой цветут», а также много сирени. В сочетании с нарядными дворцами и административными зданиями эти домики создавали своеобразный и неповторимый облик Царского Села того времени.

Жизнь в Царском Селе нравилась поэту. Спокойствием веет от писем Пушкина этого периода. «Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; насили до нас и вести доходят...» — пишет он П. В. Нащокину.

По утрам, после чая, Пушкин уходил работать в свой кабинет, который находился наверху, в мезонине. Фрейлина императорского двора А. О. Россет, с которой Пушкин был знаком по Петербургу, вспоминала, что кабинет поэта выглядел очень просто. Перед диваном стоял большой круглый стол, на столе — бумага, тетради, простая чернильница и перья. В кабинете был еще маленький столик, на котором стоял графин с водой и банка варенья. И повсюду: на столе, на полках, на полу — книги. Гардин в комнате не было, и в ясные дни кабинет был залит солнцем. Пока Пушкин работал, Наталья Николаевна обычно сидела с книгой или вышиванием вниз. Во второй половине дня их можно было видеть на прогулке в аллеях царскосельских парков, чаще всего в Екатерининском.

Один из современников вспоминал, что «летом 1831 года в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гулял под руку с женою; обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круг-

лой шляпе, и на плечах свитая по-тогдашнему красная шаль».

В Царском Селе все напоминало поэту лицейские годы, друзей юности. Далеко в Сибири был Пушкин, в крепости находился Кюхельбекер. Некоторых уже не было в живых. В январе 1831 года умер Дельвиг... О смерти С. Броглио, погибшего в 1829 году в рядах борцов за освобождение Греции, Пушкин тогда еще не знал. «Шесть мест упраздненных стоят»,— писал он в стихотворении, посвященном лицейской годовщине 1831 года.

Поэт часто навещал Лицей. Я. К. Грот, окончивший Царкосельский лицей в 1832 году, а затем ставший его профессором, вспоминал о первом посещении Пушкиным Лицея в 1831 году. «Никогда не забуду восторга, с каким мы его приняли. Как всегда водилось, когда приезжал кто-нибудь из наших «дедов», мы его окружили всем курсом и гурьбой провожали по всему Лицею... Обращение его с нами было совершенно простое, как со старыми знакомыми, на каждый вопрос он отвечал приветливо, с участием расспрашивал о нашем быте, показывал нам свою бывшую комнатку и передавал подробности о памятных ему местах».

Нередко лицеисты встречали Пушкина в парках. Один из них — П. И. Миллер — впоследствии писал: «Я пошел парком... Не сделал я двадцати шагов, как вышел из-за деревьев на ту же дорогу человек среднего роста, с толстой палкой в руке. Он шел мне навстречу скоро, большими шагами. Хотя он был еще далеко от меня, но по походке и бакенбардам нетрудно было узнать Александра Сергеевича. Я не спускал с него глаз и решился подойти к нему. За несколько шагов, сняв фуражку, я сказал ему взволнованным голосом: «Извините, что я вас останавливаю, Александр Сергеевич; но я внук вам по Лицею и желаю вам представиться». — «Очень рад,— отвечал он, улыбнувшись и взяв меня за руку,— очень рад». Непритворное радушие было видно в его улыбке и глазах... Многие расставленные по саду часовые ему вытягивались, и если он замечал их, то кивал им головою. Когда я спросил, отчего они ему вытягиваются, то он отвечал: „Право, не знаю; разве потому, что я с палкой”».

В Царское Село Пушкину приходили письма от Чаадаева: в это лето их переписка была особенно оживленной. 6 июля 1831 года поэт писал Чаадаеву: «Друг мой...

продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся. Вам известно, что у нас происходит...»

Тихая, спокойная жизнь, «как в глуши деревенской», продолжалась недолго. В Петербурге вспыхнула эпидемия холеры. Вокруг Царского Села были поставлены карантинные посты, все сразу подорожало. «Холера прижала нас,— писал Пушкин Нащокину 26 июня,— и в Царском Селе оказалась дороговизна. Я здесь без экипажа и без пирожного, а деньги все-таки уходят».

Вопрос о деньгах все больше тревожил Пушкина. П. И. Бартенев — крупнейший русский археолог и библиограф, опубликовавший большое количество исторических и литературных документов, ссылаясь на слова Нащокина, писал: «Пушкин, получив из Опекунского совета до 40 тыс., сыграл свадьбу и весной 1831 г., отъезжая в Петербург, уже нуждался в деньгах, так что Нащокин помогал ему в переговорах с закладчиком Верером». О том, что Пушкин испытывал материальные затруднения, вспоминал и Н. М. Смирнов: «С первого года женитьбы Пушкин узнал нужду, и хотя никто из самых близких не слышал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо».

В середине июля, спасаясь от холеры, из Петербурга в Царское Село переехал двор. Вместе с двором приехал В. А. Жуковский, который был в это время воспитателем наследника престола и жил в Александровском дворце.

Перед колоннадой дворца стоят бронзовые статуи: «Играющий в бабки» работы скульптора Н. С. Пименова и «Играющий в свайку» работы скульптора А. В. Логановского. В 1831 году этих статуй здесь еще не было. В 1836 году Пушкин увидел их на выставке в Академии художеств, где эти произведения русских скульпторов привлекли всеобщее внимание. Им посвящены известные четверостишия Пушкина: «На статую играющего в бабки» и «На статую играющего в свайку».

«Пушкин мой сосед, и мы видаемся с ним часто,— писал Жуковский. — ...А женка Пушкина очень милое творение. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше». Оба поэта много времени проводили вместе: гуляли, бывали в Лицее, однажды присутствовали на лицейском экзамене истории. Они делились своими литературными планами, обсуждали

вопрос об издании альманаха «Северные цветы» на 1832 год, посвященного памяти Дельвига, который был его основателем.

Почти ежедневно приходил пешком из Павловска Н. В. Гоголь. Он прожил в Павловске все лето 1831 года домашним учителем в семье князя А. В. Васильчикова. С Пушкиным и Жуковским Гоголь познакомился немного раньше в Петербурге. В доме Китаевой Гоголь читал «Вечера на хуторе близ Диканьки», о которых Пушкин в 1831 году в письме к издателю «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» писал: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился».

Именно в Царском Селе летом 1831 года родилась та дружба, которая потом связывала Пушкина и Гоголя. «Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я,— писал Гоголь своему другу А. С. Данилевскому, 2 ноября 1831 года.— О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей!» В то время Жуковский писал «Сказку о царе Берендее», а Пушкин «Сказку о царе Салтане».

Нередко Жуковский и Гоголь обедали у Пушкиных. За обеденным столом здесь можно было видеть и Александру Осиповну Россет. Она вспоминала: «В столовой красный диван, обитый кретоном, два кресла, шесть стульев, овальный стол и ломберный, накрываемый для обеда... Хотя летом у нас бывал придворный обед, довольно хороший, я все же любила обедать у Пушкиных. У них подавали зеленый суп с крутыми яйцами, рубленые большие котлеты со шпинатом или щавелем и на dessert варенье из белого крыжовника».

А. О. Россет, как фрейлина при дворе, летом 1831 года вместе с другими придворными дамами жила в Царском Селе. Смуглая, с прекрасными черными глазами, гладко причесанная по тогдашней моде, необыкновенно изящная, Россет пользовалась шумным успехом в свете. «...Все мы, более или менее, были военнопленными красавицы»,— писал впоследствии Вяземский. Многие поэты воспевали ее красоту. Россет посвящено и известное стихотворение В. Туманского:

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные.

Те были нежные такне,
А эти непокорные.

Эта светская женщина привлекала внимание не только красотой, но и острым, своеобразным умом. Не случайно Вяземский как-то раз шутливо писал: «Мой нижайший поклон царскосельским академикам, фрейлинам: Василию Андреевичу Жуковскому и Александре Осиповне Россет».

Пушкин познакомился с Россет в 1828 году, но сблизило их лето 1831 года. Александра Осиповна вспоминала, что Пушкин и Жуковский часто бывали у нее по вечерам перед собраниями у императрицы, которые обычно назначались на 9 часов вечера. Россет постоянно посещала Пушкиных в доме Китаевой. Впоследствии она писала: «Я приезжала к одиннадцати часам, когда не дежурила, и поднималась вместе с его женой в его кабинет. У него было ужасно жарко. Он любил жару. Всякое утро он брал холодную ванну и тотчас одевался, кроме галстука. Кудрявые волосы еще были мокры, он писал свои сказки, перемарывал так, что трудно будет разобрать его пометки. Возле него стояла банка варенья зеленого крыжовника и стакан самой холодной воды от «Лебеда», это лучшая вода в Царском. Когда мы входили, он тотчас начинал читать, а мы делали свои замечания».

В январе 1832 года А. О. Россет вышла замуж за Николая Михайловича Смирнова, который имел звание камергера и в то время служил в министерстве иностранных дел.

В стихотворении 1832 года, посвященном Смирновой-Россет, Пушкин подчеркивает те черты характера, которые высоко ценил в ней:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

Познакомившись летом 1831 года в Царском Селе с Гоголем, Россет впоследствии стала и его близким другом.

Несмотря на то что с переездом двора Царское Село, по словам Пушкина, «закипело и превратилось в столицу», он много и напряженно работал. Кроме «Сказки о царе Салтане» — самого крупного художественного произведения, созданного в это лето, — здесь были написаны письмо Онегина к Татьяне, стихотворения «Чем чаще празднует лицей...» («19 октября» 1831 года), «Эхо» и другие, начаты «Рославлев» и «Роман на Кавказских водах».

Пристально следил Пушкин за политическими событиями того времени. Июльская революция во Франции, восстание в Польше, холерные бунты в России — все эти события привлекали его пристальное внимание.

В доме Китаевой Пушкин написал стихотворения «Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», которые явились его откликом на польское восстание 1831 года.

В то лето Пушкин написал также ряд полемических статей — памфлетов, направленных против Булгарина и всей официальной журналистики. Подписанные псевдонимом Феофилакт Косичкин, они были напечатаны в журнале «Телескоп». Поэт, который мечтал издавать свой журнал, сделал попытку получить разрешение на издание «политического и литературного журнала», но разрешение не было дано.

Прожив в Царском Селе некоторое время, Пушкин понял, как несбыточны были его мечты о жизни без особых затрат «в уединении вдохновительном». Неизбежными стали встречи с царской семьей. Поэт находился под негласным надзором полиции, но Николай I, действовавший со своим обычным лицемерием, был с ним очень любезен и выражал пожелание, чтобы он появлялся при дворе.

И. С. Аксаков рассказывал: «Однажды Пушкин, гуляя по Царскому Селу, встретил коляску, вмещавшую в себе ни более, ни менее, как Николая Павловича. Царь приказал остановиться и, подозвав к себе Пушкина, потолковал с ним о том, о сем очень ласково. Пушкин прямо с прогулки приходит к Смирновой. «Что с вами?» — спросила Смирнова, всматриваясь в его лицо. Пушкин рассказал ей про встречу и прибавил: «Черт возьми, почувствовал подлость во всех жилах». Я это слышал от самой Смирновой».

Еще в конце июля 1831 года Н. О. Пушкина писала своей дочери, О. С. Павлицевой, сестре поэта: «Сообщу

тебе новость, император и императрица встретили Наташу с Александром, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем этого не желая, появляться при дворе».

Постепенно Пушкины стали втягиваться в самую гущу придворной жизни, которая была им не по средствам и отвлекала поэта от работы. «Царское Село может свести с ума; в Петербурге гораздо легче уединиться», — писал он Е. М. Хитрово.

К концу пребывания в Царском Селе Пушкин оказался в еще более затруднительном материальном положении. Об этом свидетельствует письмо к П. В. Нащокину от 7 октября 1831 года: «Мне совестно быть неаккуратным, но я совершенно расстроился: женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро».

Николай I предложил Пушкину должность в министерстве иностранных дел с постоянным жалованьем и правом доступа во все архивы. Очень скоро поэт понял подлинный смысл любезности царя. «Я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами... — писал он жене 8 июня 1834 года. — Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни».

Лето 1831 года было переломным в жизни великого поэта: именно тогда началась его официальная служба и мучительно тяготившее его общение с придворными кругами, конфликт с которыми будет все более обостряться. И нужно было обладать пушкинским оптимизмом, чтобы сохранить ту веру в жизнь, которая звучит в письме к Плетневу от 22 июля 1831 года:

«Опять хандрить. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хры-

чи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; мальчишки станут повесничать, а девчонки сентиментальничать, а нам то и любо. Вздор, душа моя; не хандри — холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы».

В СЕМЬЕ ИСТОРИОГРАФА

Впервые Н. М. Карамзин приехал в Царское Село с женой и четырьмя детьми в 1816 году. Его старшей дочери Софье было тогда четырнадцать лет, младшему сыну Александру — всего несколько месяцев. Семья писателя поселилась в одном из кавалерских домиков, который стоит на углу Садовой (ныне Комсомольская) улицы и Леонтьевской (ныне улица Труда). Дом этот и теперь часто называют домом Карамзина; нынешний его адрес: Комсомольская, 12.

Как вспоминал один из современников, Карамзин был «высокого роста, немолодых лет и прекрасной наружности... Лицо его было продолговатое, чело высокое, открытое, нос правильный, римский. Рот и губы имели какую-то особенную приятность и, так сказать, дышали добродушием. Глаза небольшие, несколько сжаты, но прекрасного разреза, блестели умом и живостью. Вполовину поседелые волосы зачесаны были с боков на верх головы. Физиономия его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума... В его приемах, обращении и во всех движениях соединялось глубокое познание светских приличий с каким-то необыкновенным добродушием и простотою патриархальных времен».

Известный писатель, поэт, литературный критик и издатель Николай Михайлович Карамзин начиная с 90-х годов XVIII века в течение тридцати с лишним лет был одной из центральных фигур в исторической науке, литературной и общественной жизни России.

В 1803 году Карамзин приступил к работе над фундаментальным многотомным сочинением «История государства Российского». Этот труд имел огромное общественное значение. Недаром специальным указом Александра I от 31 октября 1803 года Карамзин был удостоен официального звания историографа. Создание «Истории» стало целью всей жизни писателя. Он работал над ней 21 год, до самой смерти.

Обращение Карамзина к истории России не было случайным. В ряде своих статей, излагая программу развития русской словесности, он указывал, что основной задачей литературы является забота о нравственном образовании народа, и прежде всего о его патриотическом воспитании. «Патриотизм,— писал Карамзин,— есть любовь к благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях». Основой деятельности писателя Карамзин считал убеждение в том, что «труд его не бесполезен для отечества», что писатель помогает своим читателям «лучше мыслить и говорить». Карамзин подчеркивал, что воспитание патриотизма успешнее всего осуществляется на конкретных примерах, а история России дает в этом смысле замечательный материал, ибо именно в русской истории художник может найти «героические характеры».

К декабрю 1815 года были закончены первые восемь томов, и в начале февраля 1816 года Карамзин приехал из Москвы в столицу, чтобы представить свой труд Александру I. Царь одобрил сочинение историографа. Карамзину было предложено продолжать свою работу и поселиться в Петербурге. 4 апреля он извещал своего брата: «Положено печатать в Петербурге, а мне жить летом в Царском Селе... Петербург славный город, но жить в нем дорого, не знаю, как мы там устроимся».

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранится «Дело об отводе статскому советнику Карамзину в Царском Селе особенного дома, для жительства его с семейством». 5 апреля 1816 года известный государственный деятель того времени князь А. Н. Голицын писал члену Государственного совета графу Ю. П. Литта о том, что Александр I распорядился, чтобы «историографу Российской империи г. статскому советнику Карамзину отведен был в Царском Селе особый дом для жительства его с семейством».

На это письмо Ю. П. Литта 9 апреля 1816 года ответил князю А. Н. Голицыну: «...для такового помещения г. Карамзина остается там один только кавалерский дом по Садовой улице, противу дома, занимаемого управляющим Царским Селом, имеющий в нижнем этаже 6 и в верхнем две комнаты, при коем в недавнем времени выстроены по распоряжению моему службы и людские. Но как дом сей с прочими таковыми вовсе не обмешлирован, то не угодно ли будет вашему сиятельству отнестись о сем обстоятельстве к г. обергофмарша-

лу графу Николаю Александровичу Толстому, ибо без мебели там жить неудобно».

Управляющий Царским Селом жил на углу Садовой и Леонтьевской улиц. С. Н. Вильчковский — автор вышедшего в 1910 году путеводителя по Царскому Селу — писал: «За Оранжерейной улицей (ныне улица Коминтерна. — Г. Б.) и вплоть до Леонтьевской правую сторону Садовой занимает здание Большой оранжереи... Собственно для лавровых деревьев предназначены застекленные части здания между так называемыми павильонами. Павильоны, а также надворная часть всего здания за самыми оранжереями заняты квартирами служащих по дворцовому управлению... ..В так называемом 1-ом павильоне, на углу Леонтьевской улицы, со времен императора Александра I живут начальники Царского Села».

Писатель К. С. Сербинович вспоминал о своей поездке к Карамзину в 1820 году: «Пользуясь первым удобным случаем побывать в Царском Селе, я поехал туда 16-го мая. Николай Михайлович жил в небольшом отведенном для него доме, возле старого сада, на углу улиц Садовой и Леонтьевской, против квартиры управляющего Царским Селом».

Все эти сведения подтверждают, что Н. М. Карамзин жил в доме, стоявшем напротив дома управляющего.

25 мая 1816 года, уже из Царского Села, Карамзин писал своему другу поэту Ивану Ивановичу Дмитриеву: «Мы приехали благополучно 25 мая в пятом часу вечера и нашли свой домик приятным...» Неделю спустя в письме к Вяземскому он сообщал: «...мы живем позднему в приятном месте. Домик изрядный, сад прелестный; ежу верхом, ходим пешком и можем наслаждаться уединением».

В Царском Селе Карамзин продолжал работу над «Историей государства Российского» и следил за печатанием первых ее томов, которое затянулось на два года. Вяземский позже вспоминал: «Он вставал довольно рано, натошак ходил гулять пешком или ездил верхом, в какую пору года ни было бы и в какую бы ни было погоду. Возвратясь, выпивал две чашки кофе, за ними выкуривал трубку табаку... и садился вплоть до обеда за работу, которая для него была также пища и духовная и насущный хлеб...»

Работая над «Историей», Карамзин стремился пре-

жде всего к точности изображения событий, он собрал и систематизировал тысячи фактов, причем многие из них были впервые лично им обнаружены в летописных источниках. Переписывать главы «Истории» помогала ему жена Екатерина Андреевна, а потом эту работу с ней стали разделять и его дочери Софья и Екатерина.

Летом 1816 года в Царском Селе Карамзина часто навещали его друзья по литературному кружку «Арзамас»: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Д. Н. Блудов, Ф. Ф. Вигель, Д. В. Дашков, А. И. Тургенев и другие.

Кружок этот, сложившийся в 1815 году, объединял людей, связанных не только литературными, но и тесными дружескими отношениями. Он противостоял литературному обществу «Беседа любителей русского слова», которое возглавлял известный государственный деятель и литератор начала XIX века ярый реакционер А. С. Шишков.

В борьбе этих литературных группировок ярко проявились особенности общественной жизни России первой четверти XIX века. В эпоху, предшествовавшую восстанию декабристов, с небывалой ранее остротой встал вопрос о путях развития русской культуры. Передовые деятели русского общества борьбу за развитие национального искусства и литературы связывали с критикой самодержавия и крепостничества, с распространением освободительных идей.

Карамзин и его сторонники стремились приблизить литературный язык к разговорному, очистить его от церковнославянизмов, открыть дорогу заимствованной из других языков лексике, которая обозначала новые, неизвестные в русском общественном быту понятия. Не случайно Пушкин впоследствии писал, что Карамзин «возвратил» русскому языку «свободу, обратив его к живым источникам народного слова». «Арзамасцы» боролись за новые пути в искусстве, проповедовали просветительскую идеологию.

Несмотря на то что «Беседа» пользовалась поддержкой правительства, она не смогла одолеть «Арзамаса», так как на его стороне, по словам В. Г. Беллинского, «был дух времени, жизненное развитие и таланты». К 1817 году «Беседа» распалась, но и «Арзамас» просуществовал недолго. Внутри кружка все резче обозначались два направления: умеренное — во главе с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, Д. Н. Блудовым — и более радикальное, которое составляли А. С. Пушкин,

П. А. Вяземский и будущие декабристы М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев и другие. «Арзамас» собирался все реже и в 1818 году окончательно распался.

Среди дворянских семейств, сыгравших заметную роль в общественно-литературной жизни России первой половины XIX века,— таких, как Муравьевы, Тургеневы, Аксаковы и другие,— семья Карамзиных занимает совершенно особое место. К Карамзину, по словам историка М. П. Погодина, «приезжали друзья, ученые, литераторы и люди государственные, или те молодые таланты, которым было суждено впоследствии занять важнейшие государственные места. Разговор шел обо всех предметах, которые могли интересовать русского гражданина и образованного человека. Новости литературные и политические, отечественные и иностранные, вопросы по разным отраслям государственного управления, известия об отсутствующих родных и друзьях, рассказы о временах прошедших царствований, о тогдашнем состоянии России, о замечательных людях того времени; особенно же о тех, которых собеседующие застали еще в живых,— все эти предметы сменялись одни другими. Разговор всегда шел оживленный. Николай Михайлович особенно одушевлялся, когда дело шло о России и об ее пользах».

Душой семьи и того дружеского кружка, который группировался вокруг Карамзина, была жена писателя Екатерина Андреевна. Она происходила из давно близкой Карамзину семьи Вяземских. Петр Андреевич Вяземский, который был на двенадцать лет моложе ее, приходился ей сводным братом. Екатерина Андреевна была второй женой Карамзина. Первым браком он был женат на Елизавете Ивановне Протасовой, которая умерла вскоре после рождения старшей дочери писателя, Софьи.

Биограф Карамзина А. В. Старчевский пишет: «Карамзина была в молодости необыкновенно красива, и следы этой красоты остались у нее в старости». В 1816 году ей было 36 лет. «Красавицей» называет ее, со слов Д. Н. Блудова, П. И. Бартенев, имея в виду 1816—1817 годы. Она была хорошо образована, живо интересовалась вопросами литературы, истории, европейской политики. Современники вспоминают о ней как о женщине очень умной, «характера твердого и всегда ровного, сердца доброго, хотя, по-видимому, с первой встречи, холодного».

В Царском Селе Карамзин обычно старался оставаться как можно дольше, до глубокой осени. Один из современников вспоминает: «Приходя ранее других в осенние вечера, я заставал все семейство Карамзиных у круглого стола... В 11 часов подавали чай, который разливала сама Екатерина Андреевна».

«Обыкновенными посетителями Карамзина,— пишет Погодин,— были граф Румянцев, сын фельдмаршала, помнивший до самых мелочных подробностей весь двор Екатерины... Дмитрий Николаевич Блудов, живая энциклопедия всевозможных сведений и современных известий; князь П. А. Вяземский, остроумный поэт, родственник и друг Карамзиных; В. А. Жуковский и А. С. Пушкин, уже любимые в России поэты, взрослые пред глазами Карамзина; Д. В. Дашков, пылкий приверженец Карамзина, владевший пером человека государственного; А. И. Тургенев, который успевал быть везде...»

Постоянно бывал у Карамзиных и поэт К. Н. Батюшков. Ближе всех Карамзину были В. А. Жуковский и А. И. Тургенев. Именно Карамзин представил Жуковского ко двору и рекомендовал в учителя русского языка для жены будущего императора Николая I. Александр Иванович Тургенев — старший брат одного из видных теоретиков декабризма Н. И. Тургенева — занимал должность директора департамента духовных дел и вероисповеданий, был человеком широко образованным и обладал удивительной разносторонностью интересов: прекрасно знал литературу, историю, собирал старинные рукописи, редкие книги.

А. И. Тургенев был верным исполнителем поручений Карамзина, сообщал ему самые различные новости, «доставлял,— по словам Погодина,— сведения об исторических сочинениях и предприятиях во всей Европе». Карамзин всегда очень тепло отзывался о А. И. Тургеневе: «Я давно знаю его чистую открытую душу, чуждую всяких интриг, ненавидящую лесть, его редкое стремление к добру. Таких людей у нас мало... Для нас же, для нашего дома, он незаменим».

Летом 1816 года у Карамзина почти ежедневно бывал Пушкин. Юный поэт пользовался книгами из обширной библиотеки Карамзиных и нередко вел долгие и серьезные беседы с почтенным хозяином дома. «Нас посещают здесь питомцы Лицея: поэт Пушкин, историк Ломоносов и смешат своим добрым простосердечием.

Пушкин остроумен», — писал Карамзин Вяземскому. Лиценст Горчаков в одном из своих писем сообщал: «Пушкин свободное время свое во все лето проводил у Карамзина, так что ему стихи на ум не приходили, но так как Карамзин сегодня уезжает совсем, то есть надежда, что в скором времени мы услышим и знакомый голос домашней лиры».

«Пушкин с молодых лет был принят в доме Карамзина... — писал Погодин, — он нашел в Карамзине первого покровителя и советника, которого часто, впрочем, выводил из терпения. В Царском Селе всякий день, после классов, прибегал он к Карамзиным из Лицея, проводил у них вечера, рассказывал и шутил, заливаясь громким хохотом, но любил слушать Николая Михайловича и унимался, лишь только взглянет он строго или скажет слово Екатерина Андреевна; он любил гулять с его семейством и играть с детьми».

Летом 1816 года в Царском Селе в семье Карамзиных Пушкин сблизился с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым. У Карамзина произошла его первая встреча с П. Я. Чаадаевым.

Дружбу с Карамзиными Пушкин сохранил на всю жизнь. Находясь в ссылке, поэт писал 24 марта 1821 года Н. И. Гнедичу: «Что делает Николай Михайлович? Здоровы ли он, жена и дети? Это почтенное семейство ужасно недостает моему сердцу». А в конце октября 1824 года он обращается к Жуковскому: «Введи меня в семейство Карамзина, скажи им, что я для них тот же. Обними из них кого можно; прочим — всю мою душу».

С совершенно особым чувством Пушкин всегда относился к Екатерине Андреевне Карамзиной. «Предмет его первой и благородной привязанности» — так называет Карамзину одна из их общих знакомых, рассказывая о последних минутах поэта. Это чувство благоговейной любви и привязанности, возникшее в юности, оставило в душе Пушкина след на всю жизнь. Став женой Н. Н. Гончаровой, поэт обращается мыслью к Карамзиной, желая знать ее мнение, ей одной из первых он сообщает о своей женитьбе. Письмо Екатерины Андреевны к Пушкину от 3 марта 1831 года полно участия и заботы о будущем поэта. Можно предположить, что во время работы над романом «Евгений Онегин», делая наброски стрóf, изображающих гостиную Татьяны, Пушкин вспоминал гостиную Карамзиных.

В гостинной истинно дворянской
Чуждались щегольства речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных судей.
Хозяйкой светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал ее ушей
Живую странностью своей...

Никто насмешкою холодной
Встречать не думал старика,
Заметь воротник немодный
Под бантом шейного платка.
И новичка-провинциала
Хозяйка спесью не смущала.
Равно для всех она была
Непринужденна и мила.

В феврале 1818 года первые восемь томов «Истории» Карамзина вышли в свет. Многотомное сочинение с научным заглавием, изданное большим по тем временам тиражом — три тысячи экземпляров, — разошлось за один месяц. В конце того же года начало выходить второе издание.

П. А. Вяземский писал, что появление труда Карамзина «было истинно народным торжеством и семейным праздником для России», что страна, «долго не знавшая славного родословия своего, в первый раз из книги сей узнала о себе, ознакомилась со стариною своею, с своими предками, получила книгою сею свою народную грамоту, освященную подвигами, жертвами, родною кровью, пролитою за независимость и достоинство имени своего». Тогда же, в 1818 году, Карамзин был принят в члены Российской Академии.

Но «Историю» не просто с интересом читали — она вызвала страстные, непримиримые споры. Это было время, когда в России особенно остро встал вопрос об уничтожении крепостного права. Карамзин же, верный своим убеждениям, утверждал «спасительную пользу самодержавия» для России, пытался доказать, что многие факты прошлого «мирят» с несовершенством настоящего. Будущие декабристы, отдавая должное литературным достоинствам «Истории», были возмущены политической идеей этого произведения. Пушкин разделял мнение своих друзей и не скрывал этого от Карамзина. По всей вероятности, в это время произошла та перемена в их отношениях, о которой поэт позднее писал: «Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность».

Но несмотря на холодные отношения, которые установились между ними, Карамзин принял большое участие в смягчении участи Пушкина в 1820 году, когда решался вопрос о ссылке поэта. Вообще Карамзин относился к Пушкину очень благожелательно, хотя политическое свободомыслие поэта, мятежный дух его поэзии были ему чужды.

После того как вышли в свет первые восемь томов «Истории», Карамзин продолжал работать над девятым и десятым томами, посвященными Ивану Грозному и Борису Годунову. Особенно хорошо работалось летом в Царском Селе. Историк считал Царское Село прекрасным местом — «без сомнения лучшим вокруг Петербурга». 19 апреля 1820 года он писал И. И. Дмитриеву: «Думаем недели через две ехать в Царское Село на лето. Хорошо, если бы бог дал мне дописать там царя Ивана. Еще две главы остается о Сибири и проч.». Однако вскоре после переезда Карамзина в Царское Село произошло событие, которое заставило историка на некоторое время прекратить работу.

12 мая 1820 года случился пожар в Екатерининском дворце. Сгорела дворцовая церковь и прилегающие к ней помещения. Огонь перекинулся на Лицей и кавалерские домики. 14 мая Карамзин сообщал И. И. Дмитриеву: «Пишу к тебе с пепелища: третьего дня сгорело около половины здешнего великолепного дворца: церковь, Лицей, комнаты императрицы Марии Федоровны и государевы. Часу в третьем, перед обедом, я спокойно писал в своем новом кабинете, и вдруг увидел над куполом церкви облако дыма с пламенем: бегу к дворцу... Ветер был сильный... Огонь пылал, и через десять минут головни полетели и на историографический домик: кровля наша загорелась. Я прибежал к своим. Катерина Андреевна не теряет головы в таких случаях; она собрала детей и хладнокровно сказала мне, чтобы я спасал свои бумаги».

В письме к П. А. Вяземскому Карамзин, рассказывая о пожаре во дворце, писал: «Дело окончилось убытком миллионов до двух: мирская шея толста».

Все же в 1820 году Карамзин оставались в Царском Селе, как обычно, до глубокой осени. «Видишь, что мы еще наслаждаемся сельскими красотами!.. — писал историк 19 октября Дмитриеву. — Вывезу отсюда Ермака с Сибирью и смерть Иванову...»

Осенью друзья приезжали реже, и свободное по ве-

черам время посвящалось чтению. Карамзин обычно сидел спиной к свету, чтобы дать отдохнуть глазам. Остальные члены семьи читали по очереди вслух. «Романы, в особенности Вальтер-Скоттовы, составляли вечерние наслаждения Карамзина,— писал М. П. Погодин. — Часто, около полночи, когда прекращалось семейное чтение, он упрашивал чтецов остаться на несколько минут... и прочесть сколько-нибудь более».

В 1821 году вышел в свет девятый том «Истории». Он вызвал еще больший интерес, чем первые восемь. Для Карамзина не прошли бесследно ни споры вокруг его исторического труда, ни события 1819—1820 годов. Не меняя своих идейных позиций, Карамзин на многочисленных примерах показывал, как легко и часто русские самодержцы отступали от своих высоких обязательств, пренебрегая интересами отечества. Девятый и вскоре вышедший в свет десятый тома «Истории» воспринимались читателями как злободневный политический урок.

Огромное политическое значение девятого и десятого томов карамзинской «Истории» сразу осознали и высоко оценили декабристы. С восхищением отозвался о девятом томе «Истории» Рылеев: «Ну, Грозный! ну, Карамзин! — не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита!»

Рылеев в работе над своими историческими думами использовал материалы девятого тома, причем «История» Карамзина дала ему много сюжетов, подсказала пути художественного изображения некоторых исторических характеров.

Девятый том читали с упоением, и не случайно декабрист Н. Лорер писал: «...в Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанна Грозного».

Пересмотрел свой взгляд на «Историю» и Пушкин. Оценивая это произведение, поэт писал, что «древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». И далее: «„История государства Российского“ есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Работая над трагедией «Борис Годунов», Пушкин для изучения исторических фактов пользовался сочинением Карамзина, разделяя его политической концепции. Карамзину Пушкин и посвятил свою трагедию.

В 1822 году семья Карамзина переселилась из кавалерского дома в Китайскую деревню.

«Мы уже 10 дней в Китае: чисто и красиво»,— писал Н. М. Карамзин 19 мая 1822 года. И. И. Дмитриев, который, приезжая летом 1822 года в Царское Село, останавливался в Китайской деревне, позже рассказывал: «Живущие в домиках имеют позволение давать... для приятелей и соседей своих обеды, концерты, балы и ужины. В каждом домике постоялец найдет все потребности для нужды и роскоши: домашние приборы, кровать с занавесом и ширмами; уборный столик, комод для белья и платья, стол, обтянутый черною кожею, с чернильницею и прочими принадлежностями, самовар, английского фаянса чайный и кофейный прибор с лаковым подносом и, кроме обыкновенных простеночных зеркал, даже большое, на ножках, цельное зеркало. Всем же этим вещам, для сведения постояльца, повешена в передней комнате у дверей опись, на маленькой карте, за стеклом и в раме. При каждом домике садик: посреди круглого дерна куст сирени, по углам тоже, для отдохновения железные канапе и два стула, покрытые зеленою краскою. Для услуг определен придворный истопник, а для надзора за исправностью истопников один из придворных лакеев».

И дальше, вспоминая первые числа июня 1822 года, Дмитриев сообщает: «Я нашел Карамзина в Сарском Селе. Государь... назначил ему с семейством его два китайские домика, которые и были занимаемы с начала весны до губокой осени...

В Сарском Селе,— продолжает Дмитриев,— мне был отведен для временного житья один из китайских домиков, в ближайшем соседстве с Карамзиным... Наши домики разделяемы были одним только садиком, чрез который мы друг к другу ходили. Всякое утро он, отправляясь в придворный сад, захаживал ко мне и заставлял меня еще в постели... По возвращении с прогулки Карамзин выкуривал трубку табаку и пил кофий с своим семейством. Потом уходил в кабинет и возвращался к нам уже в исходе четвертого часа, прямо к обеду. После стола он садился в кресло дремать или читать заграничные ведомости; потом, сделав еще прогулку, проводил вечер с соседями или короткими приятелями. В числе последних чаще других бывали В. А. Жуковский и старший Тургенев».

В Китайской деревне у Карамзина бывал и А. С.

Грибоедов. «...Стыдно было бы уехать из России, не выдавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами. Я посвятил ему целый день в Царском Селе и на днях еще раз поеду на поклон»,— писал Грибоедов Вяземскому перед отъездом в Персию.

С каждым годом Карамзин все более привязывался к Царскому Селу. 14 октября 1824 года он писал Вяземскому: «Живем в уединении, которое имеет свои прелести. Поутру занимает меня «История», а ввечеру романы. Сидим семейным кружком, читаем вслух и плачем. Барышни наши уверяют, что таких приятных вечеров не может быть в городе. На сей раз и домики наши довольно теплы. Думаем остаться здесь до ноября».

О душевном состоянии Карамзина в этот период его жизни в Царском Селе можно судить по письму к И. И. Дмитриеву от 22 октября 1825 года: «...я точно наслаждаюсь здешнею тихою, уединенною жизнью, когда здоров и не имею сердечной тревоги. Все часы дня заняты приятным образом: в девять утра гуляю по сухим и в ненастье дорогам вокруг прекрасного, нетуманного озера... в 11-м завтракаю с семейством и работаю с удовольствием до двух, еще находя в себе и душу и воображение; в два часа на коне, несмотря ни на дождь, ни на снег, трясусь, качаюсь— и весел; возвращаюсь с аппетитом, обедаю с моими любезными, дремлю в креслах, и в темноте вечерней еще хожу час по саду, смотрю вдаль на огни домов, слушаю колокольчик скачущих по большой дороге и нередко крик совы; возвратясь свежим, читаю газеты, журналы... в девять часов пьем чай за круглым столом, и с десяти до половины двенадцатого читаем с женою и с двумя девицами Вальтер-Скотта, романы... всегда жалея, что вечера коротки. ...Рад жить так до конца жизни. ...Что мне город? ...Работа сделалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я с слезами чувствую признательность к небу за свое Историческое дело?»

Лето 1825 года было последним в жизни Карамзина. 15 ноября 1825 года Карамзины переехали в Петербург. В январе 1826 года Карамзин тяжело заболел и 22 мая умер. Он не успел закончить «Историю». Двенадцатый том обрывался на фразе: «Орешек не сдавался...»

* * *

После смерти Карамзина его вдова Екатерина Андреевна и старшая дочь Софья Николаевна сумели со-

хранить и расширить тот литературно-общественный кружок, который группировался вокруг писателя. Авторитет имени Карамзина, простота и сердечность в обращении, принятые в его семье, возможность в непринужденной обстановке обсудить новости литературной и общественной жизни России и Европы — все это привлекало к Карамзиным писателей, общественных деятелей и просто умных и интересных людей. Именно в эти годы сложился знаменитый «салон Карамзиных».

«Салон Екатерины Андреевны Карамзиной,— писала в своих воспоминаниях А. Ф. Тютчева — старшая дочь поэта Ф. И. Тютчева,— в течение двадцати и более лет был одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света». И далее: «Трудно объяснить, откуда исходило то обаяние, благодаря которому, как только вы переступали порог салона Карамзиных, вы чувствовали себя свободнее и оживленнее, мысли становились смелее, разговор живей и остроумней. Серьезный и радушный прием Екатерины Андреевны, неизменно разливавшей чай за большим самоваром, создавал ту атмосферу доброжелательства и гостеприимства, которой мы все дышали...»

По словам А. И. Кошелева, известного в то время публициста, постоянного посетителя салона Карамзиных, «эти вечера были единственными в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски».

«В карамзинской гостиной,— вспоминал Кошелев,— предметом разговоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и рассказы. Литературы, русская и иностранные, важные события у нас и в Европе... составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед...» «Ковчегом Арзамаса» называла салон Карамзиных А. О. Смирнова-Россет, «радушным, милым, высокоэстетичным домом» — писатель В. А. Соллогуб.

И после смерти историографа его семья нередко проводила лето в Царском Селе. В частности, Карамзины жили здесь в 1836 и 1837 годах, но, по всей видимости, уже не в Китайской деревне.

Об этом свидетельствует и письмо Софьи Николаевны Андрею Карамзину от 3 марта 1837 года. Рассказывая о том, что на одном из петербургских балов она

танцевала с князем Абамелеком, С. Н. Карамзина сообщает брату: «...с моим кавалером, гусарским офицером князем Абамелеком, я договорилась о найме его дома в Царском Селе, напротив Александровского сада; при доме галерея, теплица, несколько плодовых деревьев и много цветов, и все это — за две тысячи рублей».

В другом письме к брату — от 13 апреля 1837 года — С. Н. Карамзина снова рассказывала о даче в Царском Селе: «Мы будем очень хорошо там устроены в этом году... у нас будет маленький сад, много цветов и ворота парка — напротив нас».

Определить участок, на котором стоял дом Абамелека, пока не удалось.

В Царском Селе у Карамзиных по-прежнему бывали П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, А. О. Смирнова-Россет и ее братья, а также Д. В. Дашков, Д. Н. Блудов с дочерью, В. А. Соллогуб, поэтесса Е. П. Ростопчина и другие. Приезжал к Карамзиным и Пушкин с женой.

Многие из постоянных посетителей этого салона летом тоже жили в Царском Селе, и здесь обычно собиралось довольно большое и интересное общество. Так, в 1836 году на даче в Царском Селе проводили лето братья Виельгорские. Михаил Юрьевич Виельгорский, музыкант и композитор, один из самых блестящих и образованных людей своего времени, играл огромную роль в музыкальной жизни Петербурга. Его имя, как и имя его младшего брата Матвея Юрьевича, было широко известно среди музыкантов Европы. Часто бывала в Царском Селе у Карамзиных и семья Баратынских. Ираклий Абрамович Баратынский, брат поэта Е. А. Баратынского, с 1834 года служил в лейб-гвардии гусарском полку. Его жена, Анна Давидовна Баратынская-Абамелек, была известна как талантливая переводчица. Еще при жизни Пушкина она перевела на французский язык его стихотворение «Талисман», а позднее ею был переведен на французский и английский языки целый ряд других его стихотворений. Много раз за границей издавались ее переводы стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, А. К. Толстого, Некрасова. Она переводила на русский язык Шиллера и Гейне.

Анна Давидовна происходила из просвещенной армянской семьи. Отец ее — Давид Семенович Абамелек — в 1798 году корнетом поступил в лейб-гвардии гусарский полк. В этом же полку служили два его младших

брата, Петр Семенович и Александр Семенович Абамелеки. Из Царского Села вместе со своим полком все трое отправились на войну с Наполеоном. Давид Семенович был тогда уже в звании полковника. После окончания войны два старших брата вскоре были переведены в другие полки, а младший уволен с военной службы по болезни. С 1835 года в лейб-гвардии гусарском полку служил брат Анны Давидовны Семен Давидович.

Семью Абамелек хорошо знал Пушкин, он познакомился с ней в Царском Селе в лицейские годы. Анна Давидовна была тогда еще совсем маленькой девочкой. В 1835 году она вышла замуж за И. А. Баратынского.

Современники вспоминали, что Анна Давидовна была необыкновенно красива. «Любезной родины прекрасное светило», — писал о ней П. А. Вяземский. В 1832 году ей посвятил одно из своих стихотворений Пушкин:

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

В 1830-х годах большую роль в салоне Карамзиных играла старшая дочь историкографа Софья Николаевна. Один из современников, в молодые годы часто посещавший Карамзиных, писал впоследствии: «...Софья Николаевна была, поистине, движущей пружиной, направляющей и оживляющей разговор как в общей, так и в частной беседе. Она имела удивительный талант всех приветствовать, рассадить и группировать гостей согласно их вкусам и симпатиям, находя вечно новые темы для разговора и выказывая ко всему живейшее и непринужденное участие. Разговаривая с людьми, даже и не очень с ней знакомыми, она не старалась блеснуть своим остроумием или познаниями, а умела вызывать то и другое в собеседнике, так что он после разговора с ней оставался всегда как-то очень доволен собой...»

17 сентября 1836 года в Царском Селе праздновались именины Софьи Николаевны. На именины был приглашен и Пушкин. Софья Николаевна писала 21 сентября 1836 года И. И. Дмитриеву: «...ваше желание мне провести домашний праздник весело сбылось совершен-

но: у нас было много приятелей из Петербурга, и между прочим Пушкин, которого я так люблю, милый, добрый наш Жуковский и Виельгорский, который ввечеру танцевал с нами до упаду».

Но в этот вечер у Карамзиных собрались не только друзья Пушкина. В числе их официальных светских знакомых были и люди, ненавидевшие великого поэта. Среди приглашенных на именины Софьи Николаевны был Жорж Дантес, кавалергардский офицер, приятель ее братьев Александра и Владимира. В письме к Андрею Карамзину из Царского Села от 19 сентября 1836 года, рассказывая о том, как прошли именины, Софья Николаевна отмечала: «...среди гостей были Пушкин с женой и Гончаровыми (все три — ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями)...» Далее, перечисляя присутствовавших и рассказывая о праздничном времяпрепровождении, она пишет: «...получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который все время грустен, задумчив и чем-то озабочен... Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же штуки, что и прежде, — не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, все же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий. Боже мой, как все это глупо!»

Не только Карамзины, но даже Жуковский и Вяземский тогда еще, очевидно, не могли понять всю глубину и общественное значение трагедии Пушкина, — в то время они видели в ней на первом плане чисто личные причины. Только после дуэли и смерти поэта они смогли правильно оценить события, развивавшиеся у них на глазах. Им открылся общественный, политический характер трагедии великого поэта. Горьким было это прозрение.

13 марта 1837 года Александр Карамзин писал своему брату Андрею в Париж: «Без сомнения, Пушкин должен был страдать, когда при нем я дружески жал руку Дантесу, значит, я тоже помогал разрывать его благородное сердце, которое так страдало...» И дальше он продолжает: «Только после его смерти я узнал правду о поведении Дантеса и с тех пор больше не виделся

с ним. ...Может быть, причиной этого предубеждения было то, что до тех пор я к нему слишком хорошо относился, но верно одно — что он меня обманул красивыми словами и заставил меня видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига... ты не должен подавать руку убийце Пушкина».

Перед смертью, прощаясь с друзьями, Пушкин вспомнил о Карамзиных. Тотчас же послали за Екатериной Андреевной. На другой день после смерти Пушкина она писала сыну: «Милый Андрюша, пишу тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина!.. Я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал. ...Потеря для России, но еще особенно наша: он был жаркий почитатель твоего отца и наш неизменный друг 20 лет».

КОРНЕТ ГУСАРСКОГО ПОЛКА

Двадцатого февраля 1837 года в квартире корнета лейб-гвардии гусарского полка М. Ю. Лермонтова в Царском Селе в присутствии начальника штаба гвардии генерала П. Ф. Веймарна был произведен обыск. Квартира была пустой и уже много дней не топленной: ее хозяин все последнее время жил в Петербурге. «Начальник штаба делал обыск и опечатывал все, что нашел у Лермонтова из бумаг, не снимая шубы», — вспоминал один из современников. Обыск был произведен и в столице, в квартире бабушки поэта Е. А. Арсеньевой. Лермонтов и его друг Святослав Афанасьевич Раевский были арестованы. Раевскому пришлось дать письменное объяснение «о связи его с Лермонтовым и о происхождении стихов на смерть Пушкина». Так возникло «Дело о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским». Эти стихи сделали имя Михаила Юрьевича Лермонтова известным всей России.

Впервые Лермонтов прибыл в лейб-гвардии гусарский полк 13 декабря 1834 года. Он только что закончил петербургскую Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и получил назначение в этот полк, квартировавший в Царском Селе. Его родственница Н. А. Столыпина в письме от 14 декабря 1834

года сообщала своей дочери: «Лермонтов мундир надел, кажется, 1 декабря, вчерась приезжал прощаться и поехал в Царское Село».

В этот сумрачный зимний день заснеженный городок был тихим и пустынным. Направляясь в Софию, Лермонтов миновал Екатерининский дворец, и, возможно, проезжая мимо здания Лицея, он думал о Пушкине, произведения которого хорошо знал и любил.

Лермонтову было тогда двадцать лет. Один из его современников вспоминал: «Невысокого роста, широкоплечий, он не был красив, но почему-то внимание каждого, и не знавшего, кто он, невольно на нем останавливалось». Лицо его было бледным, немного скуластым, взгляд черных, как смоль, пронзительных глаз обладал какой-то необыкновенной силой. Большею частью этот взгляд был тяжелым и задумчивым, иногда иронически-насмешливым, в кругу близких людей — теплым и ласковым, вспыхивающим временами озорным огоньком.

Дальний родственник Лермонтова Алексей Григорьевич Столыпин, служивший в эти годы в лейб-гвардии гусарском полку в чине поручика, представил его командиру и офицерам полка. С 1834 по 1839 год полком командовал генерал-майор Михаил Григорьевич Хомутов, который вступил в полк еще тогда, когда в нем служили П. Я. Чаадаев, П. П. Каверин, Н. Н. Раевский, А. Г. Чавчавадзе. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 — 1814 годов, Хомутов двадцатилетним офицером побывал с русской гвардией в Париже. Он был образованным человеком, проявлявшим глубокий интерес к литературе. «Я уважаю, люблю его», — говорил о Хомутове А. С. Пушкин, вспоминая то время, когда лицеистом часто бывал в гусарском полку. По словам поэта, полк «был его колыбелью», а Хомутов его «ментором». Хомутов был знаком с П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и многими другими литераторами Петербурга. Известный поэт И. И. Козлов приходился ему двоюродным братом. К Лермонтову Хомутов отнесся очень доброжелательно и впоследствии высоко ценил его поэтический талант.

Лермонтов был назначен в 7-й эскадрон, которым командовал ротмистр Николай Иванович Бухаров, а в 1835 году переведен в 4-й эскадрон, находившийся под командованием полковника Федора Васильевича Ильина. Как вспоминал о Бухарове один из современников, это был «настоящий тип старого гусара прежнего времени,

так верно и неподражаемо описанного Денисом Давыдовым... Вечно добродушный собутыльник, дорогой и добрейший товарищ, он был любим всеми офицерами полка». Бухарова хорошо знал Пушкин, познакомившийся с ним, по-видимому, еще в бытность лиценстом.

Лермонтов посвятил Бухарову два стихотворения, которые говорят о теплых, дружеских отношениях между ними и дают выразительную характеристику Бухарова. В одном из них поэт пишет:

Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья;
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин,

Бухаров был для Лермонтова представителем «могучего, лихого племени» гусар 1810-х годов. Старшие офицеры часто вспоминали о заграничном походе 1813—1814 годов, в разговорах постоянно называли имена ветеранов полка. Не случайно Лермонтов в «Герое нашего времени» упоминал поговорку «одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным». Он имел в виду Каверина. Гусарскому полку посвящена строфа в поэме «Тамбовская казначейша»:

Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не щипи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леса
Бросает луч исподтишка!

«Гусарские пиры» здесь воспеты Лермонтовым не случайно. В лейб-гвардии гусарском полку в какой-то

мере еще сохранялся традиционный дух независимости. Но все же гусары 30-х годов были уже другими. Николаевские времена принесли чувство подавленности, безысходности. Когда-то бесшабашное гусарское веселье было проявлением своеобразного фрондерства, теперь в нем все острее чувствовалось просто желание забыться, отвлечься от мелкого и пошлого существования. Сослуживец Лермонтова корнет А. В. Васильев вспоминал, что офицеры полка устраивали грандиозные пирушки с музыкой и огнями, в полку было много страстных игроков, проигрывались десятки тысяч рублей. Часто бывали гусары в Павловске, где одно время обосновался знаменитый соколовский хор. Илья Соколов руководил цыганским хором много лет: с 1810-х по 1840-е годы. Это ему посвящены строки Пушкина, написанные в 1831 году:

Так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на удаль плясовую
Да чешет голову седую,
Под лад плечами шевеля.

Один из современников вспоминал: «Михаил Юрьевич частенько наезжал с товарищами к цыганам в Павловск, но и здесь, как во всем, его привлекал не кутеж, а их дикие разудалые песни, своеобразный быт, оригинальность типов и характеров, а главное, свобода, которую они воспевали в песнях...» Пожалуй, это было единственное удовольствие, которое Лермонтов по-настоящему любил.

Он принимал участие в гусарских пирушках и светских похождениях, его любили в полку за «гусарскую удаль», но очень многое в жизни лейб-гусаров было ему чуждо. По свидетельству А. В. Васильева, «Лермонтов бывал везде и везде принимал участие, но сердце его не лежало ни к тому, ни к другому».

О той душевной трагедии, которую переживал поэт в эти годы, можно судить по письмам его к М. А. Лопухиной. Вскоре после прибытия в полк, 23 декабря 1834 года, он написал своим московским друзьям полное отчаяния письмо. «..Моя будущность, хотя бы на первый взгляд и блестящая, на самом деле пуста и пошла» — таково горькое заключение Лермонтова о той военной карьере, которая его ожидала.

К этому времени Лермонтов был уже вполне сложившимся поэтом. Однако, будучи очень требователь-

ным к себе, он не торопился выступить со своими произведениями в печати.

Лермонтов был прекрасно образован, владел несколькими иностранными языками, был очень музыкален — играл на скрипке, фортепьяно, пел арии из любимых опер, пробовал даже сам сочинять музыку. Современники вспоминают, что Лермонтов легко решал сложные математические задачи, был сильным шахматистом. Он с большим мастерством рисовал и писал маслом. В начале 1837 года по заказу лейб-гвардии гусарского полка Лермонтов написал картину «Атака лейб-гвардии гусар под Варшавой 26 августа 1831 года». Обычно свои картины Лермонтов не подписывал, эта же — одна из немногих — подписана им. Картина в течение многих лет висела в кордегардии гусарского полка; ныне находится в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

В литературе о Лермонтове на основании свидетельств современников обычно указывается, что в Царском Селе он жил на углу Большой и Манежной улиц.

Однако на планах Царского Села 1840-х годов Большой улицы нет. Вместе с тем И. Яковкин в книге «Описание Села Царского», вышедшей в 1830 году, упоминает улицы Садовую, Среднюю (иначе Большая), Малую (иначе Грязная) и т. д. Это дает основание предполагать, что современники Лермонтова имели в виду Среднюю улицу (ныне улица Коммунаров). Но эта улица не пересекается с Манежной, которая находилась в Софии. Зато Средняя улица пересекается с Конюшенной (ныне улица Первого Мая), а на углу Конюшенной и Садовой стоит здание манежа. Возможно, ее современники Лермонтова и называли Манежной (хотя официально она так не называлась).

Манежная улица в Софии пересекалась с Волконской — очень длинной улицей, которая проходила вдоль юго-западной границы парка, и Стессельской — короткой и узкой улицей. Вряд ли современники могли называть Волконскую Большой — она никогда так не называлась. Не подходит название Большая и к Стессельской. Поэтому, надо полагать, квартира Лермонтова находилась на углу нынешней улицы Коммунаров и улицы Первого Мая. В память о жизни Лермонтова в Царском Селе бывшая Гусарская улица в Софии переименована в улицу Лермонтова.

Лермонтов жил вместе с А. Г. Столыпным, позже

к ним присоединился двоюродный дядя поэта Алексей Аркадьевич Столыпин, по прозвищу «Монго», который служил в лейб-гвардии гусарском полку с 1835 года. Происхождение прозвища объясняли по-разному. Так, современник Лермонтова, историк литературы и библиограф М. Н. Лонгинов писал: «Прозвище «Монго», помнится, дано было Столыпину от клички, памятной современникам в Царском Селе, собаки, принадлежавшей ему. Собака эта, между прочим, прибегала постоянно на плац, где происходило гусарское ученье, лаяла, хватала за хвост лошадь полкового командира М. Г. Хомутова и иногда даже способствовала тому, что он скоро оканчивал скучное для молодежи ученье».

Биограф Лермонтова П. А. Висковатый со слов Д. А. Столыпина (младшего брата А. А. Столыпина-Монго) утверждал, что происхождение прозвища случайное: Лермонтов взял два первых слога подвернувшегося ему под руку французского романа «Путешествие Монгопарка». Поэму хорошо знал весь Петербург, и прозвище осталось за Столыпинам, который назвал им свою любимую собаку.

Осенью 1836 года Лермонтов посвятил А. А. Столыпину шутивную повесть в стихах под названием «Монго».

В конце декабря 1834 года в Царское Село к Лермонтову из Тархан были отправлены четверо крепостных: слуга, повар и два кучера. Для поездок в Петербург Лермонтов имел экипаж и нескольких лошадей. Несмотря на то что корнеты лейб-гвардии получали довольно большое жалованье, его все-таки не могло хватить при том образе жизни, который был принят в гусарской среде, и бабушка Михаила Юрьевича, Е. А. Арсеньева, выдавала ему 10 000 рублей в год, хотя ей, помещице средней руки, и нелегко было собирать такую сумму.

Служба в гусарском полку оставляла много свободного времени. Правда, летом, когда полк находился в лагере, учения проводились почти каждый день, и в них, так же как в маневрах и смотрах, должны были участвовать все офицеры. Но зато когда кончались учения, служба, как правило, ограничивалась караулом во дворце, дежурством в полку или случайными нарядами. Царскосельские гусары бывали в Петербурге почти ежедневно, посещая балы, маскарады, театры, и далеко не всегда своевременно возвращались в полк.

Рассказывая о Лермонтове, его друг А. П. Шан-Гирей вспоминал: «Он жил постоянно в Петербурге, а в Царское Село, где стояли гусары, ездил на учения и дежурства».

Довольная успехами внука в свете, Е. А. Арсеньева 31 декабря 1834 года писала своей родственнице П. А. Крюковой: «Гусар мой по городу рыщет, и я рада, что он любит по балам ездить: мальчик молоденький, в хорошей компании и научится хорошему, а ежели только будет знаться с молодыми офицерами, то толку немного будет».

Но Лермонтов смотрел на свою жизнь иначе, чем его бабушка. Несмотря на светское времяпрепровождение, он много читал и работал над своими новыми произведениями. В период между окончанием юнкерской школы и первой ссылкой он создал три редакции «Маскарада», драму «Два брата», поэмы «Боярин Орша» и, возможно, «Тамбовская казначейша», начал роман «Княгиня Лиговская», поэмы «Сашка» и «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», написал много стихов. Но, как вспоминают современники, когда товарищи офицеры просили его почитать стихи, Лермонтов делал это очень неохотно и для немногих, словно боясь произвести неблагоприятное впечатление.

В Царском Селе в те годы подолгу жил писатель и драматург Андрей Николаевич Муравьев, у которого часто бывал Лермонтов. Их знакомство относится к концу 1834 года. В Царском Селе Лермонтов написал портрет Муравьева, изобразив его сидящим под деревом, в архалуке, в глухом черном жилете. Все знавшие Муравьева находили, что портрет очень похож. Н. С. Лесков впоследствии писал: «Так, кажется, и видишь эту дылдистую фигуру, с умными, но неприятными глазами и типическим русским коком... всегда в высоком черном жилете „под душу“...» В настоящее время портрет находится в музее Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

«Лермонтов,— вспоминал Муравьев,— просиживал у меня по целым вечерам; живая и остроумная его беседа была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкий и пронзительный его смех был неприятен для слуха... не один раз просил я... «смеяться проще». Часто читал мне молодой гусар свои стихи, в которых отзывались пылкие страсти юношеского возраста, и я говорил ему,

отчего не изберет более высокого предмета для столь блистательного таланта. Пришло ему на мысль написать комедию в роде «Горе от ума», резкую критику на современные нравы...».

«Маскарад» — так назвал поэт это произведение. Живым маскарадом представлялась ему великосветская жизнь Петербурга.

Летом 1835 года в Царском Селе Лермонтов, вероятно, бывал у Прасковьи Николаевны Ахвердовой, которая жила в то время там на даче. У Ахвердовой несомненно бывала и Е. А. Арсеньева — в этот период они постоянно встречались и поддерживали между собой родственные отношения. «Я часто выдаюсь с... Прасковьей Николаевной», — сообщала Е. А. Арсеньева в одном из писем.

Весной 1836 года Лермонтов писал Е. А. Арсеньевой из Царского Села: «Скоро государь, говорят, переезжает в Царское Село — и нам начнется большая служба, и теперь я больше живу в Царском, в Петербурге нечего делать. — я там уж полторы недели не был; все по службе идет хорошо — и я начинаю приучаться к царскосельской жизни».

В то лето, в связи с тем, что в Царском Селе находились Николай I и великий князь Михаил Павлович, командовавший гвардейским корпусом, военные учения происходили почти ежедневно, и Лермонтов находился там неотлучно.

Однажды в начале лета 1836 года с Лермонтовым встретился в царскосельском парке художник М. Е. Меликов, знакомый с ним с отроческих лет по Москве. Позже он вспоминал: «Я был тогда в Академии художеств своекоштным пансионером... царскосельский сад, замечательный по красоте и грандиозности, привлекал меня к себе с карандашом в руке. Живо помню, как, отдохнув в одной из беседок сада и отыскивая новую точку для наброска, я вышел из беседки и встретился лицом к лицу с Лермонтовым после десятилетней разлуки. Он был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашел значительную перемену. Я видел уже перед собой не ребенка и юношу, а мужчину в цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной теплотой. Казалось мне в тот миг, что ирония, скользившая в прежнее время на губах поэта, исчезла. Михаил Юрьевич сейчас же узнал меня, обменялся со мною несколькими

вопросами, бегло рассмотрел мои рисунки, с особенной торопливостью пожал мне руку и сказал последнее про-сти... Заметно было, что он спешил куда-то, как спешил всегда, во всю свою короткую жизнь. Более мы с ним не виделись...»

Вероятно, Лермонтов неплохо знал Царское Село. Но в творчестве его мы не найдем прямого отражения царскосельских впечатлений. Лишь отдельные детали некоторых произведений напоминают о них. Так, в романе «Княгиня Лиговская» Лермонтов иронически говорит о «наших доморощенных дипломатах», утверждавших, что они знают Россию вдоль и поперек, потому что «бывали несколько раз в Царском Селе и даже в Парголове». Можно предположить также, что в словах Демона, обращенных к Тамаре:

Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря...—

отразились впечатления Лермонтова от Екатерининско-го дворца.

Летом 1836 года всеобщий интерес вызвало строительство первой в России железной дороги — между Петербургом и Павловском. Строительные работы начались в мае, а в сентябре прокладка линии была закончена. Во второй половине сентября 1836 года состоялись пробные поездки, причем первое время состав передвигался конной тягой.

Вот как рассказывает об одной из таких поездок Е. А. Карамзина своему сыну Андрею Карамзину в письме из Царского Села, датированном 29 сентября 1836 года: «...в воскресенье все — от двора до последнего простолюдина — отправились смотреть пробу паровых карет на дороге в Павловск. ...Подъехали все четыре повозки, разделенные на два состава — в каждом по одной закрытой и по одной открытой, составляющие одно целое; пара не было, каждый состав тащили две лошади, запряженные одна за другой, гусем, в каждом составе помещалось около ста человек, лошади шли галопом. Проба эта была устроена для того, чтобы показать удобство и легкость такого способа передвижения; говорят, что к середине октября все будет готово, и кареты будут ходить уже паром, это очень интересно».

6 ноября 1836 года по железной дороге прошел первый паровоз. В начале января 1837 года происходили

новые пробные поездки, уже с паровозами, а 30 октября 1837 года состоялось торжественное официальное открытие дороги.

Интересная подробность сообщается в путеводителе И. П. Золотницкого «По Царскосельской дороге». «Курьезны меры предосторожности, которые в то время принимались для охранения безопасности движения,— рассказывается в путеводителе о первых годах существования железной дороги. — Так как паровозные свистки „наводили ужас“ на публику, то начальство приказало их заменить музыкаю. Для этого впереди дымовой трубы паровоза ставились особо для этого выписанные заграничные органы, исполнявшие разные музыкальные пьесы с аккомпанементом сильных труб и барабанов. Ручку органа, во время хода поезда, вертел особый агент службы движения».

А вот как описывал свои впечатления от поездки по первой железной дороге в конце августа 1838 года один из современников Лермонтова: «Удивительное изобретение! Представьте, 12 экипажей, из которых каждый есть соединение трех карет — больших, 8-местных. Таким образом, в каждом экипаже сидит 24 человека, а во всех — 288 человек. Все экипажи продолжаютсаженей на 15. Вся эта страшная масса, этот сухопутный корабль, летит до Царского Села (20 верст) едва полчаса. Но вы не примечаете скорости, если не будете смотреть на окружающие вас предметы: тут не трясет, и при этой летящей езде можно читать преспокойно книгу. Вы едва успеете сесть — уже на месте! Между тем огненный конь пускает клубами дым, который расстилается величественным, бесконечным флюгером. В ночное время этот дым освещается пламенем машины, и часто сыплются искры. Удивительная картина! Никак не можешь к ней привыкнуть; совершенное волшебство. Была какая-то старинная сказка, что Емеля-дурачок ездил на печке; теперь все, что было сказкою, видим на деле. Опасности нет никакой...»

Известие о железной дороге очень взволновало бабушку Лермонтова. Она потребовала от внука обещания, что он ни под каким видом не будет пользоваться этим новым, неизвестным и, как ей казалось, опасным видом транспорта.

С постройкой железной дороги Царское Село стало расти еще быстрее, город начал застраиваться и в районе вокзала.

Осенью 1836 года, по окончании военных учений в Царском Селе, Лермонтов поселился в Петербурге, в квартире бабушки (ныне Садовая улица, 61) и в полк ездил только на дежурства. Вместе с ним жил крестник Е. А. Арсеньевой С. А. Раевский — умный, глубоко образованный человек, служивший тогда в департаменте военных поселений военного министерства. Михаил Юрьевич был очень дружен с ним.

27 января 1837 года по Петербургу разнеслась весть о том, что на дуэли с Дантесом смертельно ранен Пушкин. Лермонтов в то время был болен и находился в Петербурге. Его лечил доктор Н. Ф. Арендт, посещавший в эти же дни раненого Пушкина. От Арендта Лермонтов узнал о страданиях умиравшего поэта.

В квартире Е. А. Арсеньевой на Садовой улице Лермонтов написал свое знаменитое стихотворение «Смерть поэта». Оно свидетельствует о том, что Лермонтов хорошо знал все обстоятельства жизни Пушкина, которые привели его к дуэли, понимал общественный характер трагедии великого поэта. И в этом смысле большое значение имело то, что Лермонтов служил именно в лейб-гвардии гусарском полку, где было немало людей, лично знавших Пушкина. Это не только Хомутов и Бухаров, о которых уже упоминалось, но и князь Р. А. Долгорукий, жена которого, Екатерина Алексеевна Долгорукая, была близко знакома со всей семьей Пушкина. Е. А. Долгорукая (1811—1872) — дочь друга Н. М. Карамзина, историка и археографа Алексея Федоровича Малиновского, брата первого директора Лицея.

П. И. Бартенев писал о Е. А. Долгорукой: «...она подружилась с Лермонтовым, товарищем ее мужа князя Ростислава Алексеевича по службе их в Царскосельском лейб-гусарском полку, и с Пушкиным, супруга которого была московскою подругою ее молодости. Лермонтов раскрывал перед нею тайны души своей, а от умиравшего Пушкина не отходила она по целым часам и, стоя на коленях у его ложа, слышала его последние заветы жене и друзьям». Именно от Е. А. Долгорукой Лермонтов мог знать подробно обо всем, что происходило с Пушкиным.

В лейб-гвардии гусарском полку служил брат Н. Н. Пушкиной — корнет Иван Николаевич Гончаров. Не исключено, что Лермонтов знал его не только по службе, но и по встречам у писателя А. Н. Муравьева, который был дружен со многими лейб-гусарами и особенно

коротко сошелся с Гончаровым. С Пушкиным встречались и другие сослуживцы Лермонтова. По всей вероятности, имя Пушкина упоминалось в определенном кругу лейб-гусаров довольно часто. И Лермонтов, который несомненно интересовался всем, что было связано с именем великого поэта, от них мог узнать о многих событиях, предшествовавших дуэли.

Лермонтов немного знал и Ж. Дантеса, во всяком случае, мог близко наблюдать его в кругу военной молодежи, приближенных царской фамилии.

На смерть Пушкина откликнулись многие крупнейшие русские поэты: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, В. К. Кюхельбекер, Ф. Н. Глинка. Но стихотворение Лермонтова было самым первым, а главное, самым гневным, самым непримиримым, оно звучало как обвинительный приговор тем, кто виноват в гибели Пушкина.

И. И. Панаев вспоминал, что «стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми». Ходили даже слухи о том, что копия стихотворения «Смерть поэта» была передана кем-то Николаю I с надписью «Воззвание к революции». В некоторых списках стихотворения был поставлен эпитафия — строки из трагедии французского драматурга Ротру «Venceslas» («Венцеслав») в переводе А. Жандра, взывавшие к справедливому возмездию. Первые слова эпитафия «Отмщение, государь, отмщение» можно было истолковать как обращение к Николаю I.

Один из таких списков попал в Третье отделение. В те дни шеф жандармов Бенкендорф писал царю: «Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». На этом письме Николай I написал: «Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он, а затем мы поступим с ним согласно закону».

Очевидно, Николай I сначала собирался поступить с Лермонтовым так, как совсем недавно поступил с П. Я. Чаадаевым. Но или что-то изменило намерения царя, или старший медик гвардейского корпуса отказался признать Лермонтова сумасшедшим. Через не-

сколько дней, 25 февраля 1837 года, военный министр Чернышев сообщил Бенкендорфу повеление Николая I: «Л.-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова за сочинение известных вашему сиятельству стихов перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского за распространение стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу по усмотрению тамошнего гражданского губернатора».

Нижегородский драгунский полк уже тридцать с лишним лет находился в Закавказье, где шла война с горцами. Переводя Лермонтова в этот полк, Николай I хладнокровно и расчетливо отправил поэта под пули горцев. 19 марта 1837 года Лермонтов выехал из Петербурга в первую ссылку.

В конце 1837 года, благодаря настойчивым хлопотам Е. А. Арсеньевой, Лермонтов был переведен из Нижегородского драгунского полка в Гродненский гусарский полк, стоявший неподалеку от Новгорода; а затем бабушке удалось добиться возвращения внука в лейб-гвардии гусарский полк. В конце апреля 1838 года Лермонтов возвратился в Петербург, а 14 мая прибыл в свой полк в Царское Село.

Как и в прежние годы, в то лето в Царском Селе жила семья Карамзиных. Впервые они услышали о Лермонтове сразу после гибели Пушкина как об авторе стихотворения «Смерть поэта». Это стихотворение сблизило Лермонтова с друзьями погибшего поэта еще до знакомства с ними. Именно как об авторе этого стихотворения узнали о Лермонтове также В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, А. И. Тургенев.

Знакомство Лермонтова с семьей Карамзиных произошло в Царском Селе в конце августа 1838 года, когда кто-то из общих знакомых привел его к ним на дачу. Летом у них устраивались танцевальные вечера, ставились различные пьесы и водевили.

Лермонтов стал почти ежедневно бывать у Карамзиных. Так, в сентябре 1838 года он был приглашен Софьей Николаевной участвовать в домашнем спектакле, который был задуман по случаю окончания летнего сезона. Но незадолго до спектакля по приказу великого князя Михаила Павловича Лермонтов был заключен под

арест за то, что явился на парад или на развод с очень короткой саблей, которая не полагалась по форме.

Спектакль состоялся в конце сентября, но без участия Лермонтова. Ему пришлось пробыть под арестом не две, а три недели. Софья Николаевна писала своей сестре Е. Н. Мещерской, что 11 октября утром она совершила «очень приятное путешествие по железной дороге с Абамелеком и бедным Лермонтовым, освобожденным, наконец, из-под 21-дневного ареста, которым заставили его искупить маленькую саблю, вот что значит иметь имя слишком рано знаменитым».

Лето 1839 года Карамзины снова проводили в Царском Селе, и Лермонтов был завсегдаем их салона. К этому времени его уже связывала с этой семьей искренняя и глубокая дружба. Карамзины любили молодого гусара и высоко ценили его как поэта. «Присутствие Лермонтова всегда приятно и живо»,— писала С. Н. Карамзина 30 июля 1839 года. С Софьей Николаевной он был особенно дружен. «Софи Карамзина без ума от его таланта»,— сообщал П. А. Плетнев Я. К. Гроту 3 декабря 1840 года. С большой сердечностью относилась к Лермонтову и Екатерина Андреевна.

Круг людей, посещавших салон Карамзиных и в Петербурге и в Царском Селе в эти годы, был почти тот же, что и при Пушкине: П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. И. Мещерский, А. О. Смирнова-Россет, Е. П. Ростопчина и другие. Таким образом, бывая у Карамзиных, Лермонтов оказался среди друзей Пушкина. К молодому поэту очень тепло относились В. А. Жуковский и А. И. Тургенев. Всегда в курсе его литературной работы и всех событий его жизни был П. А. Вяземский. Одним из близких друзей поэта стала Смирнова-Россет, с которой он познакомился еще в 1838 году. О характере их отношений можно судить по стихотворению Лермонтова, посвященному Смирновой:

Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? — речью безыскусной
Ваш ум зажать мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

Есть предположение, что в своей неоконченной повести «Штосс», описывая один из музыкальных вечеров

у М. Ю. Виельгорского; в образе Минской Лермонтов запечатлел черты А. О. Смирновой: «...она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли».

В салоне Карамзиных Лермонтов сблизился и с этессой Елизаветой Петровной Ростопчиной. Ее брат, Сергей Сушков, рассказывая о ее дружбе с поэтом, писал: «...они сошлись в одном общем им дружеском семействе Е. А. Карамзиной, где встречались на вечерах почти ежедневно. Весьма скоро они сблизились между собой, потому что между ними было много общего и сочувственного... Оба принадлежали к одному кружку общества, имели общих друзей».

У Карамзиных Лермонтов познакомился с Анной Алексеевной Олениной. Ее отец Алексей Николаевич Оленин — директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств — сыграл большую роль в развитии русской культуры 1810—1830 годов. В салоне Оленина в течение многих лет бывали поэты, писатели, художники, артисты. С семьей Оленина был дружен Пушкин. В конце 20-х годов он был серьезно увлечен Анной Алексеевной и даже сделал ей предложение. В 1840 году Анна Алексеевна вышла замуж за сослуживца Лермонтова, полковника лейб-гвардии гусарского полка Ф. А. Андро де Ланжерона.

Многие поэты посвятили ей свои стихи: Пушкин, Крылов, Гнедич, Козлов, Веневитинов. 11 августа 1839 года, в день ее рождения, — ей исполнился тридцать один год — было написано «Приветствие больного гусарского офицера и поэта г. Лермонтова Анне Алексеевне Олениной в ее альбом».

Лермонтов любил бывать у Карамзиных. Здесь он чувствовал себя особенно легко и непринужденно. Здесь, среди близких ему людей, он отдыхал душой, исчезала его едкая насмешливость, он становился самим собой.

По-прежнему Лермонтов отдавал много времени литературной работе. По свидетельству современников, поэт часто читал свои произведения у Карамзиных. Так, 12 сентября 1839 года он познакомил своих друзей с одной из частей «Героя нашего времени». А. И. Тургенев, который присутствовал у Карамзиных при этом чтении, записал в дневнике: «...слушал чтение Лермонтова — повесть».

Обычно Лермонтов почти никогда не читал в светских гостиных своих произведений. Если уж его очень настойчиво об этом просили, он, как правило, отделялся какой-нибудь эпиграммой. И лишь у Карамзиных, среди друзей Пушкина, он не только любил читать свои произведения, но и внимательно прислушивался к строгой, но доброжелательной критике.

Из представителей молодого поколения, посещавших салон Карамзиных, Лермонтов близко сошелся с сыном П. А. Вяземского — П. П. Вяземским и его зятем Петром Александровичем Валуевым. Валуев, женатый на дочери Вяземского Марии Петровне, был человеком, интересовавшимся философией, историей, вопросами государства и права. В то время Валуевы летом жили в Царском Селе. (Впоследствии Валуев стал крупным государственным деятелем: в 1861—1868 годах он был министром внутренних дел, затем министром государственных имуществ и председателем комитета министров.)

Часто посещал Лермонтов своего сослуживца по полку И. А. Баратынского. Его жена, Анна Давидовна, хорошо знала Лермонтова. В ее альбом поэт вписал свое стихотворение «Последнее новоселье», она бережно хранила список стихотворения «Смерть поэта». А. Д. Баратынская перевела на английский язык стихотворения Лермонтова «Молитва», «Ветка Палестины», «К портрету». Переводы увидели свет в Штутгарте в 1876 году.

Бывал Лермонтов и у Марии Алексеевны Щербатовой, которая летом жила на даче в Павловске. С этой умной, образованной молодой женщиной он познакомился, по всей вероятности, у Карамзиных. Щербатова была очень красива — «что ни в сказке сказать, ни пером описать», — говорил о ней Лермонтов Шан-Гирею. Поэт посвятил ей несколько стихотворений.

5 августа 1839 года в Царском Селе Лермонтов закончил поэму «Мцыри». В этом произведении наиболее полно выразилось чувство неудовлетворенности поэта окружающей действительностью, стремление к свободе и жажда борьбы. Тема эта волновала Лермонтова уже давно. Еще в 1830 году он написал поэму «Исповедь» — о мятежном юноше, томящемся в монастыре. Через несколько лет он создал поэму «Боярин Орша», в которой были использованы многие стихи из «Исповеди». Поэма «Мцыри» завершила многолетние творческие поиски

поэта. В нее вошли многие строки из «Исповеди» и «Боярина Орши».

А. Н. Муравьев в своих воспоминаниях рассказывал: «Мне случилось однажды в Царском Селе уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что с тобой?» — спросил я. «Сядьте и слушайте», — сказал он и в ту же минуту в порыве восторга прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму «Мцыри»... которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера. Внимая ему, и сам пришел я в невольный восторг: так живо выхватил он из ребр Кавказа одну из его разительных сцен и облек ее в живые образы пред очарованным взором. Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления. Много раз впоследствии перечитывал я его «Мцыри», но уже не та была свежесть красок, как при первом одушевленном чтении самого поэта».

В 1838 или в 1839 году художник А. И. Клюндер написал 34 акварельных портрета офицеров лейб-гвардии гусарского полка, в том числе и Лермонтова. Портреты были выполнены по несколько экземпляров каждый для взаимного обмена между сослуживцами в полку. Современники утверждали, что из всех портретов поэта портрет работы Клюндера был самым похожим.

М. Н. Лонгинов (историк литературы и библиограф, в юности близко знавший Лермонтова) писал, что в квартире Лермонтова и А. А. Столыпина-Монго в Царском Селе часто «собирались гусарские офицеры, на корпус которых они имели большое влияние. Товарищество... было сильно развито в этом полку...»

Особенно близок Лермонтов был с Ксаверием Браницким, Александром Долгоруким, Андреем Шуваловым и Николаем Жерве. Н. А. Жерве и А. П. Шувалов еще в 1835 году были высланы Николаем I на Кавказ и служили вместе с Лермонтовым в Нижегородском драгунском полку. Лишь в 1838 году они, как и Лермонтов, вернулись в Петербург, в свой полк. Все они входили в группу оппозиционно настроенной молодежи — так называемый «кружок шестнадцати», который возник в Петербурге осенью 1839 года. Впоследствии К. Браницкий писал об этом кружке: «Это общество составилось частью из окончивших университет, частью из кавказских

офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там, после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии вовсе и не существовало — до того они были уверены в скромности всех членов общества...»

У Долгорукого и Шувалова в Царском Селе были собственные дома, и, по всей вероятности, друзья лейб-гусары собирались у них. Оппозиционный дух товарищества, который поддерживали Лермонтов и близкие ему офицеры-гусары, страшно раздражал командира гвардейского корпуса великого князя Михаила Павловича и самого Николая I. Великий князь не раз говорил, что «разорит это гнездо».

18 февраля 1840 года Лермонтов дрался на дуэли с сыном французского посла де Барантом. По свидетельству Е. П. Ростопчиной, причиной столкновения между ними был спор об ответственности Дантеса за смерть Пушкина. 10 марта Лермонтов был арестован и предан военному суду. Ему ставилось в вину «недонесение о дуэли». 13 апреля Николай I повелел: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином».

В начале мая 1840 года Лермонтов отправился во вторую ссылку, а в конце июля 1841 года в Царское Село к Карамзиным из лагеря в Красном Селе, где происходили маневры, прискакал флигель-адъютант И. Д. Лужин и сообщил, что в главной квартире получено известие о трагической гибели Лермонтова. По словам Лужина, Николай I, узнав о том, что Лермонтов убит на дуэли, сказал: «Собаке собачья смерть».

4 августа 1841 года П. А. Вяземский писал из Царского Села: «Мы все под грустным впечатлением известия о смерти бедного Лермонтова. Большая потеря для нашей словесности. Он уже многое исполнил, а еще более обещал».

«ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ПУШКИНА» XIII КУРСА

Пять лет провел в Царском Селе будущий выдающийся русский писатель-сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, произведения которого дают художествен-

но-сатирическую картину общественно-политической жизни России на протяжении нескольких десятилетий.

...Михаил Салтыков поступил в Лицей двенадцатилетним мальчиком в 1838 году. Со времени первого — «пушкинского» — выпуска прошло более двадцати лет. «Прежнего Лицея там и тени нет», — с горечью рассказывал в одном из писем в 1836 году бывший его директор Е. А. Энгельгардт.

Жесточайшая реакция, воцарившаяся в стране после разгрома восстания декабристов, не могла не отразиться на жизни Лицея. «Казарма и канцелярия стали главной опорой николаевской политической науки», — отмечал А. И. Герцен. А Салтыков, определяя сущность официальной педагогики в николаевскую эпоху, писал впоследствии: «К какой исключительной цели направлено было все наше воспитание? ...Эта цель, эта задача определялась двумя словами: приготовить чиновника». Этой цели было подчинено все: и постановка преподавания, и организация учебного процесса, и быт лицейств.

Поскольку Лицей готовил воспитанников к «важным частям службы государственной», администрация стремилась привлечь лучших преподавателей, но все-таки теперь они часто подбирались не столько по профессиональным знаниям и воспитательскому таланту, сколько по политической благонадежности. Среди таких преподавателей был, например, известный в официальных кругах ученый, человек крайне реакционных взглядов Я. И. Баршев, с 1837 года читавший в Лицее курс уголовного права и судопроизводства, — один из тех, кого можно узнать в сатирических образах ученых, созданных впоследствии Салтыковым.

Искоренение вольнолюбивого «лицейского духа» началось еще при Александре I, который вскоре после окончания Отечественной войны 1812 года, когда Россия, Австрия и Пруссия заключили реакционный Священный союз, направленный на борьбу с революционным движением в Европе, и во внутренней политике встал на путь открытой реакции. Свообразной мерой в этом плане и явился перевод Лицея в 1822 году из ведения министерства народного просвещения в военное ведомство. Однако получилось так, что именно это спасло Лицей от насаждавшейся министерством народного просвещения реакционной идеологии, смысл которой определяла формула «самодержавие, православие, на-

родность», связанная с именем графа С. С. Уварова, ставшего с первых лет царствования Николая I одним из главных идеологов реакции. Военное начальство мало интересовалось Лицеем. Брат Николая I великий князь Михаил Павлович, управлявший учебными заведениями, причисленными к военному ведомству, в учебную программу Лицея почти не вникал. Типичный представитель российской военно-бюрократической системы, он, по словам Ф. Ф. Вигеля, человека далекого от передовых взглядов, «ничего ни письменного, ни печатного... с малолетства не любил. ...И полагал, что военный порядок достаточен для государственного управления». От Лицея его «высочайший» шеф требовал именно «военного порядка», т. е. внешней дисциплины. Эти обстоятельства и помогли тому, что Лицей все же устоял под ударами реакции и сумел сохранить славу одного из лучших учебных заведений России.

Характеризуя Лицей начала 1840-х годов, А. И. Герцен сказал о нем знаменательные слова: «Лицей... оставался еще тем же великим рассадником талантов; завещание Пушкина, благословение поэта, пережило грубые удары невежественной власти».

В Лицее по-прежнему было немало замечательных преподавателей, которые умели многое дать своим воспитанникам.

Это профессор Петербургского университета И. А. Ивановский, читавший в старших классах Лицея курс политической экономии, сравнительной статистики и государственного права Англии. Его имя в рассказах бывших лицейцев упоминается с неизменной теплотой и признательностью. Ивановский преподавал в Лицее много лет. Надо полагать, что его лекции способствовали пробуждению интереса Салтыкова к вопросам политической экономии, которые впоследствии нашли отражение почти во всех его произведениях. Такими же увлекательными были и лекции И. П. Шульгина, крупного ученого, преподававшего русскую историю и русскую историческую топографию. Возможно, именно ему Салтыков в большой мере обязан прекрасным знанием русской истории и постоянным интересом к ней. Характеризуя Шульгина, А. В. Никитенко написал в своем дневнике 2 января 1837 года: «...он не способен к лести и искательству перед сильными». Эта черта Шульгина не могла быть не замечена и лиценстами, которые с глубоким уважением относились к этому преподава-

телю. С 1841 года французский язык и словесность в Лицее преподавал И. А. Курнанд, знаток истории французской литературы, автор ряда интересных работ на эту тему. Годом позже службу в Лицее начал преподаватель английского языка Ф. И. Шоу. Он был блестяще образован (учился в Кембридже), проявлял большой интерес к русской литературе. Шоу успешно переводил на английский язык произведения А. С. Пушкина и других русских классиков.

Лицей давал воспитанникам хорошие знания в области юриспруденции. Лицейстам была предоставлена возможность практиковаться на делах, проходивших через министерство юстиции. Так, в январе 1841 года в Лицей был направлен «реестр четырнадцати печатных записок для занятия воспитанников Императорского царскосельского лицея практикою относительно прав состояний и имуществ». Таким образом, Салтыков уже в юности не только теоретически, но и из непосредственных источников получил представление о сущности тогдашнего судопроизводства.

В сравнении с пушкинским временем изменился лицейский быт. В нем появилась казарменность. Число воспитанников увеличилось вдвое — до ста человек. Отдельных комнат лицеисты уже не имели — вместо них появились общие дортуары. К. С. Веселовский, известный историк, академик, окончивший Лицей в год поступления туда Салтыкова, вспоминал: «...нам было запрещено иметь у себя какие-либо ящики или шкатулки, запирающиеся на ключ; для хранения книг, тетрадей и других учебных принадлежностей у нас были устроены открытые полки, разделенные на столько отделений, сколько было учеников в классе, и над каждым отделением была прибита металлическая дощечка с именем ученика...»

Лицейское начальство делало все, чтобы вытравить из жизни воспитанников традиции лицейского братства. «В третьем этаже была одна комната, — рассказывал Веселовский, — называвшаяся цейхгаузом и служившая местом хранения белья, платья и всей амуниции воспитанников; тут же был и особый кабинет Оболенского (инспектора. — Г. Б.), который в случае надобности призывал сюда того или другого воспитанника, которого считал особенно для этого пригодным, для допроса или расспроса относительно кого-нибудь из его товарищей и сам вызывал этим на доносы».

Несоответствие между внешней формой лицейского быта и теми интересами, которыми жили лучшие преподаватели и наиболее умные и серьезные воспитанники, очень характерно для Лицея того периода, когда в нем учился Салтыков. Об этом красноречиво говорит и факт, в свое время потрясший Е. А. Энгельгардта. По его свидетельству, директор Лицея генерал-лейтенант Ф. Г. Гольтгоер, вступая в должность, заявил воспитанникам: «Думайте что хотите, только будьте исправны перед начальством!!!»

Среди однокурсников Салтыкова оказалось особенно много сыновей крупных высокопоставленных чиновников и петербургских аристократов, мечтавших только о служебной карьере, т. е. тех, кто позже пополнил ряды представителей высшей бюрократии николаевской России. Впоследствии во многих своих произведениях — «Господа ташкентцы», «Письма к тетеньке», «Мелочи жизни» и других — великий сатирик с удивительной глубиной и точностью показал процесс формирования «нравственности» царских чиновников, используя, в частности, и лицейские впечатления.

Большинству сокурсников Салтыков оставался совершенно чуждым и нередко вызывал даже насмешливое отношение. Они «загадочно переглядывались между собой и сначала шепотом, а потом громче и громче стали называть меня „умником”», — писал он впоследствии. Кстати, со словом «умник» в XIX веке часто ассоциировалось слово «вольнодумец». «Название «умник», — продолжает писатель, — далеко не пользовалось почетом в «заведении», отражавшем в себе, «как в малой капле вод», настроение тогдашнего, не любившего умников, общества. Начальство преследовало умников, воспитанники смотрели на них как на людей, занимавшихся несвойственными дворянскому званию занятиями».

Юного Салтыкова тянуло к тем, кто, по его словам, понимал, что «за ученьем может стоять целый разнообразный мир отношений. Что существует общество, родная страна, дело, подвиг... Что все это неудержимо влечет к себе человека; что знание есть не больше, как подготовка...»

В Лицее он подружился с М. В. Бугашевичем-Петрашевским. Через несколько лет Петрашевский организовал политический кружок, вошедший в историю русского революционного движения под его именем. С это-

го кружка, по словам В. И. Ленина, в России началось формирование социалистической интеллигенции.

Петрашевский был тремя курсами старше Салтыкова, лицеиста XIII курса. Во многом сходные характеры, серьезные умственные интересы, увлечение литературой — все это быстро их сблизило.

«Отношения между старшим и младшим курсами были установлены искони, на основании преданий,— вспоминал А. Н. Яхонтов, будущий поэт-демократ, окончивший Лицей в 1838 году. — ...Почти каждый из старших имел между младшими своего клиента, которого навещал в свободное время и которому поручал переписывать записки и лекции профессоров, взамен чего передавал ему, по окончании курса, все свои тетради». Возможно, именно так и началась дружба между Петрашевским и Салтыковым.

В Лицее Салтыков сблизился и с В. П. Гаевским, лицеистом XIV курса. Впоследствии Гаевский — талантливый адвокат, выступавший на политических процессах. В свое время он тайно сотрудничал в «Полярной звезде» Герцена и в 1862 году привлекался к следствию о «сношениях с лондонскими пропагандистами». Известен Гаевский и как историк литературы, автор работ о лицейских годах А. С. Пушкина. Незадолго до окончания Лицея Салтыков близко сошелся с А. М. Унковским, поступившим в Лицей в 1843 году. Впоследствии Унковский стал видным общественным деятелем, убежденным сторонником освобождения крестьян. В 1850—1860 годах он возглавлял либеральную дворянскую оппозицию правительству. Один из крупнейших русских адвокатов второй половины XIX века, он, как и Гаевский, не раз выступал на политических процессах, в частности был защитником на процессе по делу о покушении на Александра II 1 марта 1881 года. Гаевский и Унковский оставались близкими друзьями писателя в продолжение всей его жизни.

Салтыков и близкие ему по духу лицеисты внимательно следили за крупнейшими современными журналами. Поскольку выписывать их разрешалось только со второго класса, то, по-видимому, сначала журналы Салтыков получал через родителей. В письме из Царского Села, датированном 7 марта 1839 года, он просит их приобрести «Библиотеку для чтения», «Сын отечества», «Отечественные записки» и особо отмечает, как понравившийся, журнал «Московский наблюдатель», ко-

торый с 1838 года фактически возглавил В. Г. Белинский. Вообще, круг чтения Салтыкова в лицейские годы был необычайно широк. Он прекрасно знал произведения как русских, так и зарубежных классиков, особенно любил Г. Гейне.

Первая половина 1840-х годов — время назревавшего перелома русской общественной мысли. А. И. Герцен в книге «О развитии революционных идей в России», отмечая, что «картина официальной России внушала только отчаянье», вместе с тем подчеркивал: «Зато внутри государства совершалась великая работа, — работа глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная; всюду росло недовольство... Влияние литературы заметно усиливается и проникает гораздо далее, чем прежде...»

«У народа, лишенного общественной свободы, — писал Герцен в той же книге, — литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести».

Неудивительно, что события в литературе, привлекавшие внимание всех мыслящих людей, не могли не вызывать пристального интереса и у Салтыкова и его лицейских товарищей.

«Влияние литературы было в Лицее очень сильно: воспоминание о Пушкине обязывало... — рассказывал Салтыков впоследствии. — Журналы читались с жадностью, но в особенности сильно было влияние «Отечественных» записок», и в них критики Белинского...»

В своих ежегодных обзорах русской литературы, которые критик с 1841 года делал для журнала «Отечественные записки», он, насколько это позволяли рамки подцензурного издания, выступил с критикой русской действительности. В своих произведениях Белинский неразрывно связывал литературные и философские идеи с идеями революционными. Он, по словам В. И. Ленина, явился первым революционным демократом в России, который «еще при крепостном праве» был «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении».

В 1840-х годах «властителям дум» передовой русской интеллигенции стали западноевропейские социалисты-утописты Фурье, Сен-Симон, Оуэн и другие. Их произведения хорошо знали, горячо обсуждали. Знали их и в Лицее. Лицейсты были знакомы со многими книготорговцами-ходебщиками, которые снабжали их сочинениями этих авторов. Впоследствии А. М. Унков-

ский, вспоминая о Лицее, рассказывал, что в то время не было ни одной иностранной запрещенной книги, которая бы не появилась в его стенах.

В лицейские годы увлекся идеями Фурье и Петрашевский, вокруг которого позже сплотился кружок единомышленников. Фурье захватил Петрашевского беспощадной критикой основ классового общества и его «моральной нищеты», верой в неизбежность гибели частнособственнического мира и в утверждение социальной справедливости. С работами французских социалистов-утопистов в Лицее познакомился и Салтыков, и многие другие лицеисты. Не случайно в числе привлеченных по делу петрашевцев оказалось немало воспитанников Лицея.

Что касается Салтыкова, то, возможно, возникновению его интереса к социалистам-утопистам немало способствовало общение с Петрашевским.

В докладе высшего военного суда Николаю I говорилось, что Петрашевский «еще в Лицее был замечен в вольнодумстве». Это проявлялось и в его отношении к лицейской администрации. Лицеист XI курса В. Р. Зотов, будущий писатель и театральный критик, рассказывая впоследствии о Петрашевском, вспоминал его частые «столкновения с лицейским начальством, к которому он относился весьма недружелюбно и непочтительно...»

Петрашевский был выпущен из Лицея с X курсом в 1839 году, затем продолжил свое образование на юридическом факультете Петербургского университета, который окончил в 1841 году.

Он приезжал в Царское Село и виделся с близкими ему лицеистами и Салтыковым. Надо полагать, что и Салтыков, бывая в отпускные дни в Петербурге, посещал своего друга. После окончания Лицея он участвовал в «пятницах» Петрашевского, а позднее, когда Петрашевский был на каторге, посвятил ему необычайно теплые проникновенные строки в «Губернских очерках»: «Помню я и тебя, многолюбимый и незабвенный друг и учитель наш! Где ты теперь? какая железная рука сковала твои уста, из которых лились на нас слова любви и упования?»

«Столкновения с лицейским начальством» случались и у Салтыкова. Он участвовал в обструкции, устроенной лицеистами в апреле 1843 года профессору русского языка Гроздову, человеку необычайно ограниченному и не-

далекому. Многим участникам этого происшествия, в том числе и Салтыкову, даже грозило исключение из Лицея.

Несмотря на то, что лицейское начальство делало все, чтобы вытравить ненавистный ему «лицейский дух», лучшие воспитанники, мечтавшие о служении Родине, старались поддерживать традиции «пушкинского» выпуска. С радостью встречали они выпускников прошлых лет.

«Такое посещение,— вспоминал А. Н. Яхонтов,— составляло маленькое событие в нашей жизни. Обычно старшие делали с гостем обход всего Лицея... Весь старший курс следовал за ним толпою, всегда шумною и веселою, придавая этому шествию какую-то особую торжественность, как бы доказывавшую независимость свою от наших дисциплинарных порядков... Мы с любопытством рассматривали приезжего, всегда имевшего в наших глазах особое обаяние, как представитель лучших времен Лицея, которые мы называли золотым веком».

Уже после «пушкинского» выпуска воспитанники Царскосельского лицея поставили в лицейском саду дерновый памятник кубической формы с белой мраморной доской. Золотые буквы латинской надписи гласили: «Genio loci» («гению места»). Со временем этот памятник стали связывать с именем А. С. Пушкина. Шли годы, памятник ветшал. Его возобновили лицеисты XI выпуска. В 1842 году великий князь Михаил Павлович даже запрашивал директора Лицея о том, по какому случаю и с чьего разрешения в лицейском саду поставлен памятник Пушкину. Директору пришлось объяснить, что это памятник «местному воображаемому гению», а не Пушкину, что существует он уже много лет и лицеисты просто привели его в порядок. Когда в 1843 году Лицей перевели в Петербург, памятник был установлен в саду перед новым зданием. Дальнейшая его судьба неизвестна.

По традиции, отмечали лицеисты день 19 октября. Обычно в этот день устраивались самодеятельные спектакли, в одном из которых, в 1843 году, принимал участие и Салтыков. Он исполнял главную роль в комедии Н. Полевого «Иван Федорович Недотрога».

Воспитанники бережно хранили списки «Прощальной лицейской песни» на слова А. А. Дельвига и списки всех лицеистов первых выпусков. По примеру своих

предшественников они выпускали рукописные журналы, к которым, кстати сказать, лицейское начальство относилось весьма неодобрительно. В них были помещены первые стихотворные опыты будущего великого сатирика — свой литературный путь он начал со стихов.

В одной из автобиографических заметок Салтыков впоследствии вспоминал: «В то время Лицей был еще полон славой знаменитого воспитанника его, Пушкина, и потому в каждом почти курсе находился воспитанник, который мечтал сделаться наследником великого поэта».

В память о Пушкине каждый курс выбирал своего «продолжателя Пушкина». Для XI курса им стал В. Р. Зотов, для XIV — В. П. Гаевский. XIII курс выбрал Салтыкова.

Через много лет, в своей автобиографии 1878 года, написанной от третьего лица, писатель рассказывал: «В Лицее Салтыков, уже в 1-м классе, почувствовал решительное влечение к литературе, что и выразилось усиленную стихотворною деятельностью. За это, а равным образом за чтение книг, он терпел всевозможные преследования как со стороны гувернеров, так и, в особенности, со стороны учителя русского языка Гроздова. Он вынужден был прятать свои стихи... в рукав куртки и даже в сапоги, но их и там находили. Это повлияло на ежемесячные отметки «из поведения»...»

Впоследствии Салтыков скептически относился к своим стихам. Из написанного им в лицейские годы известна только небольшая часть.

Первое печатное произведение Салтыкова — стихотворение «Лира», посвященное А. С. Пушкину и Г. Р. Державину, было опубликовано в 1841 году в журнале «Библиотека для чтения» за подписью «С-в». Не отличаясь литературным совершенством, оно привлекает глубокой любовью к великому русскому поэту.

Два мужа на лире гремели,
Гремели могучей рукой:
К ним звуки от неба слетели
И приняли образ земной.

Один был старик величавый:
Он мощно на лире бряцал.
Венцом немерцающей славы
Поэта мир хладный венчал.

Другой был любимый сын Феба:
Он песни донеть не успел
И в светлой обители неба
Уж исповедь сердца допел.

Всю жизнь Салтыков преклонялся перед Пушкиным, как «величайшим русским художником». Знал юный Салтыков и стихотворение М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» и другие его произведения. Лермонтова он вообще очень хорошо знал и любил.

Стихи Салтыкова пронизаны настроениями безысходности и печали. В этом отношении особенно характерно стихотворение «Наш век».

В наш странный век всё грустью поражает..

Мы жить спешим. Без цели, без значенья
Жизнь тянется, проходит день за днем —
Куда, к чему? не знаем мы о том.

И лира наша вслед за жизнью влет
Ужасной пустотою: тяжело!
Усталый ум безвременно коснеет
И чувство в нас молчит, усыплено.

Здесь явственно ощущается подражание лермонтовской «Думе», в которой переданы настроения и «думы» передовой молодежи, задыхавшейся в условиях николаевской России.

Не исключено, что Лермонтова, который уже вернулся из ссылки и служил в Царском Селе в лейб-гвардии гусарском полку, Салтыков мог не раз видеть. Возможно, о нем рассказывали лицейцам посещавшие их офицеры этого полка. А. Н. Яхонтов писал в своих воспоминаниях: «К нам в ограду часто приходили, для свидания с воспитанниками старшего курса, молодые лейб-гусарские офицеры и вносили разнообразие в нашу замкнутую жизнь».

Вскоре Салтыковым заинтересовался профессор Петербургского университета П. А. Плетнев — издатель основанного А. С. Пушкиным в конце 1836 года журнала «Современник». Плетнев был близким другом А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя; ему великий русский поэт посвятил роман «Евгений Онегин». «Современник» перешел к Плетневу по завещанию Пушкина. «С особенным сочувствием и благодушием, — вспоминал о Плетневе Я. К. Грот, — относился он к молодежи...»

Плетнев приехал в Лицей в конце 1843 года, чтобы познакомиться с «продолжателем Пушкина» XIII курса и с 1844 года начал печатать его стихи в своем журнале. На страницах «Современника» увидели свет во-

семь стихотворений Салтыкова. Благодаря Плетневу он еще лицеистом вошел в литературные круги Петербурга, в частности, стал бывать у друга В. Г. Белинского М. А. Языкова, знакомство с которым поддерживал до 1885 года — до смерти Языкова.

Михаил Александрович Языков, директор императорского стеклянного завода, проявлял глубокий интерес к литературе и искусству и был близок со многими известными литераторами. Он всегда стремился оказать поддержку истинным талантам и собирал у себя не только знаменитых деятелей литературы и искусства, но и с удовольствием принимал начинающих писателей, только что вступивших на литературное поприще.

А. Я. Панаева рассказывала в своих воспоминаниях о Салтыкове: «Я видела его еще в мундире лицеиста в начале сороковых годов в доме М. А. Языкова. Он приходил к нему по утрам по праздникам. Юный Салтыков и тогда не отличался веселым выражением лица. Его большие серые глаза сурово смотрели на всех, и он всегда молчал. ...Он всегда садился не в той комнате, где сидели все гости, а помещался в другой, против дверей, и оттуда внимательно слушал разговоры.

Как теперь помню Белинского, рассказывающего по комнате...»

Можно предположить, что Языков познакомил Салтыкова с Белинским.

Как уже отмечалось, на рубеже 1843—1844 годов по «высочайшему повелению» от 6 ноября 1843 года Лицей был передан из военного в гражданское ведомство, с «причислением к собственной его величества канцелярии по IV отделению», и переименован в Императорский Александровский лицей. Тогда же решено было перевести Лицей в Петербург. Лицей переехал из Царского Села в Петербург к 1 января 1844 года, и после рождественских каникул занятия начались на новом месте.

Лицею было предоставлено трехэтажное здание с двумя небольшими флигелями на Каменноостровском проспекте (ныне дом 21 по Кировскому проспекту), где до этого размещался Александровский сиротский дом. Здание сохранилось с некоторыми изменениями. Сейчас в нем находится среднее профессионально-техническое училище № 38.

Закончил Лицей Салтыков уже в Петербурге.

«ОСЕННЕЙ ПОЗДНЕЮ ПОРОЮ...»

Осенью Тютчев особенно любил одинокие прогулки в парке. Небольшого роста, худощавый, седой, небрежно одетый, он шел, погруженный в глубокую задумчивость, иногда останавливаясь, чтобы что-то быстро набросать в записной книжке, с которой никогда не разлучался.

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою обят —
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...—

писал он в октябре 1858 года в одном из стихотворений, посвященных Царскому Селу.

Молодость Федора Ивановича Тютчева прошла за границей. Восемнадцать лет он окончил Московский университет, был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел, почти сразу же получил назначение в русскую миссию в Баварии и в 1822 году уехал в Мюнхен. Тютчев был хорошо знаком с Гейне, который называл его «лучшим из своих мюнхенских друзей». Крупнейший немецкий философ Шеллинг говорил о нем как о «превосходном и образованнейшем человеке, общение с которым всегда доставляет удовольствие».

За границей Тютчев прожил более 20 лет. За эти годы он написал десятки стихотворений, многие из которых принадлежат к числу лучших в его лирике. Но печатался он мало, и даже в литературных кругах России почти не был известен. В 1836 году стихи Тютчева были впервые опубликованы в пушкинском «Современнике» и продолжали там печататься до 1840 года. По всей вероятности, многие из них были отобраны еще самим Пушкиным, который дал высокую оценку поэзии Тютчева.

В 1844 году Тютчев вернулся в Россию. Он был зачислен в министерство иностранных дел в звании камергера, затем назначен чиновником особых поручений при государственном канцлере, а в 1848 году — старшим цензором при особой канцелярии министерства иностранных дел. В 1858 году Тютчев получил должность председателя Комитета цензуры иностранной, в которой оставался до конца жизни.

Профессиональным литератором Тютчев не стал. Он не стремился к поэтической известности и, по словам Фета, «болезненно сжимался при малейшем намеке на его поэтический дар, и никто не дерзал заводить с ним об этом речи». С 1850 года, после долгого перерыва, Тютчев снова начал печататься. В 1854 году вышло первое издание его стихотворений.

После возвращения из-за границы Тютчев сошелся близко с семьей Карамзиных и летом часто посещал их в Царском Селе. Упоминания об этом можно встретить и в письмах самого поэта, и в воспоминаниях его современников. Где тогда в Царском Селе жили Карамзины — установить не удалось. Вообще большинство царскосельских адресов Тютчева не выяснено.

Как вспоминала дочь поэта, А. Ф. Тютчева, часто посещавшая Карамзиных, «вдохновенной руководительницей и душой этого гостеприимного салона была несомненно София Николаевна... она умела устроить так, что каждый из гостей совершенно естественно и как бы случайно оказывался в той группе или рядом с тем соседом или соседкой, которые лучше всего к ним подходили. У ней в этом отношении был совершенно организаторский гений».

Карамзины, как и все, кому довелось лично знать Тютчева, ценили в нем не только поэта: всех прежде всего поражал и восхищал его блестящий ум, тонкое остроумие, глубокий интерес к науке, литературе, политике. Высказывания поэта по вопросам философии и политики, его меткие эпиграммы и своеобразные афоризмы вызывали огромный интерес у современников.

В. А. Соллогуб, вспоминая о своих встречах с Тютчевым во второй половине 1840-х годов, рассказывал о нем: «Он сидел в гостиной на диване, окруженный очарованными слушателями и слушательницами. Много мне случалось на моем веку разговаривать и слушать знаменитых рассказчиков, но ни один из них не производил на меня такого чарующего впечатления, как Тютчев. Остроумные, нежные, колкие, добрые слова, точно жемчужины, небрежно скатывались с его уст. Он был едва ли не самым светским человеком в России, но светским в полном значении этого слова. Ему были нужны, как воздух, каждый вечер яркий свет люстр и ламп, веселое шуршанье дорогих женских платьев, говор и смех хорошеньких женщин. Между тем его наружность очень не соответствовала его вкусам; он был дурен со-

бою, небрежно одет, неуклюж и рассеян; но все, все это исчезало, когда он начинал говорить, рассказывать; все мгновенно умолкали, и во всей комнате только и слышался голос Тютчева; я думаю, что главной прелестью Тютчева в этом случае было то, что рассказы его и замечания *coulaient de source* (текут из источника. — Г. Б.), как говорят французы; в них не было ничего приготовленного, выученного, придуманного...»

Тютчев был очень привязан к Карамзиным. Вместе со всей семьей как личное горе переживал он смерть Екатерины Андреевны. 4 сентября 1851 года он писал жене: «Бедная m-me Карамзина скончалась 1-го числа. Вчера я был у Андрея Карамзина, приехавшего накануне из имения Мещерских, чтобы заказать все для похорон, и... я узнал от него о последних минутах этой достойной и прекрасной женщины. ...Вот еще один провал и потеря в мире наших привычек и привязанностей».

С Карамзиными поэт разделил скорбь по поводу еще одной утраты: в 1854 году в Румынии в бою с турками погиб Андрей Карамзин. «Я только что вернулся... из Царского Села, — сообщал Тютчев жене 11 августа 1854 года, — где мне удалось наконец видеть Мещерских-Карамзиных. Это — первый раз после постигшего их несчастья. Я видел князя Петра Мещерского, затем Лизу Карамзину и Николая Мещерского. Несчастье, после которого прошло уже два месяца, носит уже такой окончательный, утвердившийся отпечаток. И, однако, контраст между положением этого бедного семейства теперь и тем, чем оно было прежде, очень поражает. Что касается Софи, она сегодня вышла первый раз. Говорят, что ее здоровье лучше, но это не тот же человек». Мещерские — родственники Карамзиных: одна из дочерей Н. М. Карамзина, Екатерина Николаевна (о ней уже упоминалось) была замужем за П. И. Мещерским.

В Царском Селе у Карамзиных Тютчев часто виделся с П. А. Вяземским, который был одним из ближайших его друзей. 25 июня 1855 года он пишет жене: «Поговорим теперь о Вяземских... Мне пришлось ехать к князю в Царское Село, где он находится и теперь, удобно устроившись у Мещерских». А Вяземский, в свою очередь, 23 июня 1855 года помечает в записной книжке: «Вчера был у нас Тютчев. Ездил с ним в Павловский вокзал».

Павловский вокзал (воксал) был построен «для увеселения публики» одновременно с открытием железной

дороги от Петербурга до Павловска. Название произошло от английского слова *Vauxhall* — так называлась местность близ Лондона, где устраивались музыкальные вечера. В России это слово было впервые применено для названия станции железной дороги в Павловске, а позже так стали называть здания для обслуживания пассажиров на железнодорожных станциях.

Павловский вокзал, или, как его еще называли, курзал — зал отдыха, стал и первой русской филармонией. Здесь выступали известные русские и иностранные дирижеры, часто впервые исполнялись произведения крупнейших композиторов. Концерты в Павловском вокзале сыграли большую роль в развитии русской музыкальной культуры. В Павловском вокзале с 1856 года выступал «король вальсов» Иоганн Штраус. Здание вокзала стояло неподалеку от Чугунных ворот, на том месте, где до Великой Отечественной войны находилась железнодорожная станция Павловск-1.

В Царском Селе Тютчев бывал и у А. О. Смирновой-Россет. В письме от 9 июля 1852 года он рассказывал: «Недавно я навестил m-me Смирнову в Царском Селе». А. О. Смирновой шел в то время сорок четвертый год. По свидетельству современников, правильный тонкий профиль ее лица и черные глаза сохраняли следы былой красоты. Но теперь она часто выглядела больной, глубоко разочарованной, удрученной и только иногда вдруг оживлялась и шутила по-прежнему.

2 августа 1852 года Тютчев писал: «На похоронах Жуковского я встретил Смирнова, который от имени своей жены взял с меня обещание, что я поеду обедать к ней завтра в Царское».

Жуковский умер в Бадене в апреле 1852 года. Прах его в июле был перевезен в Петербург и погребен в Александро-Невской лавре. Тютчев знал поэта много лет. Незадолго до смерти Жуковский написал замечательное стихотворение «Царскосельский лебедь». Рассказывая о старом одиноком лебедь, пережившем ряд поколений и умирающем в одиночестве, он поэтически изобразил свою собственную судьбу, передал свое восприятие Царского Села, с которым была тесно связана вся его жизнь.

В Царском Селе жил близкий знакомый Тютчева князь А. М. Горчаков. Это был один из лицейских товарищей Пушкина, и незадолго перед выпуском юный поэт писал, обращаясь к нему:

Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный, —
Моя стезя печальна и темна...

Предсказание Пушкина сбылось: после окончания Лицея пути их разошлись — Горчаков сделал блестящую карьеру. Он стал известным государственным деятелем: с 1854 по 1855 год был посланником в Вене, с 1856 по 1882 год — министром иностранных дел и с 1867 года — государственным канцлером. Когда-то Пушкин писал:

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Доучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

Горчаков пережил всех лицеистов пушкинского выпуска: он умер в 1883 году.

Тютчев был близок с Горчаковым, хотя нередко порицал его политику. 25 мая 1857 года Тютчев писал о Горчакове: «Мы стали большими друзьями и совершенно искренно. Он — незаурядная натура и с большими достоинствами, чем можно предположить по наружности». В письмах Тютчева часто встречаются упоминания о посещениях Горчакова в Царском Селе. Так, 16 августа 1863 года он сообщает жене: «Ездил в Царское Село, обедал у кн. Горчакова, который принял меня еще радушнее, чем всегда».

Бывая в Царском Селе, Тютчев иногда останавливался у известного дипломата В. П. Титова. Поэт познакомился с ним еще в 1830-х годах в Мюнхене. С 1843 года Титов был русским посланником в Константинополе, затем в Штутгарте. Человек пытливого ума, Титов проявлял глубокий интерес к самым различным областям науки и философии. Как-то раз Тютчев в шутку сказал о нем: «Подумаешь, что господь бог поручил ему составить инвентарь мироздания».

Часто навещал Тютчев своих дочерей — фрейлин императорского двора, которые подолгу жили в Царском Селе. Анна Федоровна — старшая дочь поэта — была назначена фрейлиной в 1852 году и находилась при дворе до 1866 года. В 1866 году она вышла замуж за И. С. Аксакова и тогда оставила придворную службу. Дарья Федоровна была представлена ко двору в 1851

году, после окончания Смольного института. 26 июня 1861 года Тютчев сообщал жене: «Вчера я ездил в Царское Село позидать Дарью...» 8 июня 1863 года он писал ей же из Царского Села: «Я приехал сюда вчера... я больше не мог выносить города... Теперь шесть часов утра, и я пишу тебе в маленькой гостиной Анны. Я спал в ее спальне, которую она мне уступила».

Состоя на придворной службе и будучи камергером, Тютчев обязан был присутствовать и на самых различных придворных церемониях в Царском Селе. Об этом он часто подробно рассказывал в письмах к жене.

Вот описание одного из посещений Царского Села в мае 1857 года: «...теперь упомянув о Царском, перейду прямо к рассказу о появлении моего нового мундира во всем его девственном и непорочном блеске под великолепными лепными потолками дворца великой императрицы. Да, в самом деле, эти чудные своды должны были благосклонно улыбнуться при этом блестящем явлении, которого им еще недоставало и которого они так долго ждали. Что же касается безмозглой толпы, двигавшейся вокруг меня, то я не очень уверен, что она заметила это чудесное появление — по крайней мере один только Вяземский удостоил меня своим вниманием и поздравлением... На этот раз мое пребывание в Царском было очень приятно благодаря гостеприимству Титова».

Постоянно вращаясь в придворном и светском кругу, Тютчев внутренне оставался совершенно чужд ему. И. С. Аксаков, биограф Тютчева, писал: «Он любил свет — это правда; но не личный успех, не утехи самолюбия влекли его к свету. Он любил его блеск и красоту; ему нравилась эта театральная, почти международная арена... Соблюдая по возможности все внешние светские приличия, он не рабствовал перед ними душою, не покорялся условной светской „морали“, хранил полную свободу мысли и чувства. Блеск и обаяние света возбуждали его нервы, и, словно ключом, било наружу его вдохновенное, грациозное остроумие... Он никогда не становился ни в какую позу, не рисовался, был всегда сам собою, таков как есть, прост, независим, произволен. Да ему было и не до себя, т. е. не до самолюбивых соображений о своем личном значении и важности. Он слишком развлекался и увлекался предметами для него несравненно более занимательными: с одной стороны, блистанием света, с другой, — личною, искреннею жизнью сердца, и затем — высшими инте-

ресами знания и ума. Эти последние притягивали его к себе еще могущественнее, чем свет».

И не случайно с такой иронией Тютчев всегда говорил о своих обязанностях камергера, о «безмозглой толпе» придворных, об императоре. В письме от 2 октября 1858 года он рассказывал: «Прошлое воскресенье я отправился в Царское и; подходя по саду к дворцу, на повороте аллеи встретился нос к носу с государем, или скорее с его лошадью; но он был на ней и, с высоты своего коня поклонившись мне очень приветливо, он счел себя обязанным сказать мне, что очень давно меня не видел».

Придворная служба давала обильный материал для политических размышлений. Тютчева поражало равнодушие великосветского общества к судьбе страны. «Ах, в какой странной среде я живу! — писал он 3 октября 1853 года. — Бьюсь об заклад, что в день страшного суда в Петербурге найдутся люди, делающие вид, что не подозревают этого... Здесь, то есть во дворцах, разумеется, безалаберность, равнодушие, застои в умах прямо феноменальны».

Глубоко волновало Тютчева будущее страны. Поражение России в Крымской войне убедило поэта в том, насколько несостоятельной оказалась внутренняя и внешняя политика правительства. Ощущение неблагополучия в России, какой-то нелепости всего происходящего, уже не оставляло Тютчева. Он писал жене из Царского Села 31 июля 1866 года: «Я с каждым днем становлюсь все несноснее, и моему обычному раздражению способствует немало та усталость, которую я испытываю в погоне за всеми способами развлечься и не видеть перед собой ужасной пустоты». В этом же письме он рассказывал: «...когда солнце немного пригреет и небо ясно, то сады Царского Села в самом деле очень красивы; в них чувствуется нечто более изысканное: это грациозно и величественно в одно и то же время. Я люблю также вечера в Павловске, где хорошая музыка заменяет глупые разговоры...»

Поэт любил Царское Село. Для него, прекрасного знатока истории, дворцы и парки Царского Села олицетворяли былое величие России. Именно эта мысль звучит в строфе из его стихотворения «Осенней поздней порою...», написанного в 1858 году:

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов

Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

Царскому Селу — символу «славного былого» посвящено и стихотворение «Тихо в озере струится...», написанное в 1866 году. В конце стихотворения помета автора: «Царское Село».

В Царском Селе прошли последние месяцы жизни Тютчева. Тяжелобольного, его перевезли сюда в карете 19 мая 1873 года. В конце апреля 1873 года дочь поэта Дарья Федоровна, сообщая своей сестре Е. Ф. Тютчевой о том, что его собираются перевезти из Петербурга в Царское Село, указала адрес: Малая улица, дом Иванова.

По «Атласу города Царского Села», составленному в 1858 году полковником Н. И. Цыловым, можно установить, что дом Иванова стоял в начале Малой улицы (ныне улица Революции), по четной стороне, недалеко от входа в Александровский парк, на четвертом земельном участке от угла. Дальше — до Церковной (ныне Пролетарская) улицы было еще четыре таких участка. По-видимому, дом стоял на том участке, где сейчас сквер.

С Федором Ивановичем находилась в Царском Селе его жена. Часто бывала здесь и Д. Ф. Тютчева. 25 мая в Царское Село к Тютчеву приехала старшая дочь — А. Ф. Аксакова, а 9 июня — И. С. Аксаков. Здесь Тютчева часто навещал его сослуживец цензор А. В. Никитенко, живший на даче в Павловске. Иногда и сам Тютчев, отправляясь на прогулку в экипаже, доезжал до Павловска и, как писал Никитенко, «по невозможности выйти из экипажа, останавливался возле моей квартиры, я выходил к нему, и мы несколько минут беседовали с ним...»

Здоровье Тютчева продолжало ухудшаться. 30 мая 1873 года Никитенко записал в дневнике: «Ездил в Царское Село навестить бедного больного Тютчева. Положение его самое плачевное. Половиною тела он совсем не владеет, но голова свежа и умственные отправления все как следует. В произношении он немного и едва заметно затрудняется. Он совершенно остался одиноким: все его близкие и друзья разъехались на лето. Из до-

машних я никого не видел, кроме сиделки да лакея, которые за ним ухаживают, и, кажется, усердно. Он чрезвычайно был рад моему посещению...»

Тяжелобольной Тютчев продолжал проявлять большой интерес к политике и литературе. «Поговорили о литературе, о Франции и о Тьере»,— писал Никитенко. «Сделайте так, чтобы я хоть немного чувствовал жизнь вокруг себя»,— просил Тютчев близких, когда не только дни, но и часы его были уже сочтены. В дневниковой записи 21 июня 1873 года Никитенко отметил: «Был у Тютчева и не видел его. Зять его Иван Сергеевич Аксаков мне сказал, что вся почти эта неделя прошла в борьбе со смертью. Иногда Тютчев приходил в себя на некоторое время, потом опять впадал в забытие...»

Поэт скончался 15 июля 1873 года.

«Ранним утром, 15 июля 1873 года, лицо его внезапно приняло какое-то особенное выражение торжественности и ужаса; глаза широко раскрылись, как бы вперились в даль... Вся жизнь духа, казалось, сосредоточилась в одном этом мгновении, вспыхнула разом и озарила его последнюю верховною мыслью...» — писал Аксаков о последних минутах жизни Тютчева.

18 июля гроб с телом Тютчева перевезли по железной дороге из Царского Села в Петербург. Он похоронен на Новодевичьем кладбище.

Тютчеву посвятил одно из своих стихотворений, связанных с городом Пушкино, известный советский поэт В. А. Рождественский. В этом стихотворении, которое называется «Тютчев на прогулке», есть такие строки:

Но кто же он? Философ? Дипломат?
Сенека петербургского салона?
Иль камергер, что в царскосельский сад
Спустился по ступенькам Камерона?

. . . . .
В сырой, отяжелевшей тишине
На озере, уже в туман одетом,
Мечети призрак, словно в полусне,
Струится одиноким минаретом.

«Нет, все не то». Славянство и Босфор.
Писать царям стихи и наставленья,
Когда в ветвях распахнутый простор,
А из Европы слышен запах тленья!

Менять язык, друзей и города,
Всю жизнь спешить, чтоб сердце задыхалось,
Шутить, блистать и чувствовать всегда,
Что ночь растет, что шевелится хаос.

• • • • •
Непрочен мир! Всем надоевший гость,
Он у огня сидеть уже не вправе.
Пора домой. И старческая трость
Вонзается в сырой, холодный гравий.

Скрипят шаги, бессвязна листьев речь,
Подагра подбирается к коленям,
И серый плед, спускающийся с плеч,
Метет листы по каменным ступеням.

ИНЖЕНЕР-ПИСАТЕЛЬ

У Н. Г. Гарина-Михайловского есть рассказ «Дела», написанный в середине 1890-х годов. В этом рассказе можно найти описание обычной для Царского Села тех лет картины: «Май, яркое умытое утро. Солнце ищет молодую зелень травы, но она еще долго будет прятаться под надежным покровом развесистых, тенистых деревьев.

По укатанному шоссе Царского Села идут и едут: девятичасовой поезд, уносящий в летний душный Петербург всякого рода чиновничий люд на весь день, уже дает повестку длинным протяжным свистком из Павловска.

На вокзале и под навесом платформы сильнее чувствуется бодрящая прохлада свежего утра. Лица отдохнувшие, почти удовлетворенные — нечто вроде хорошенько вычищенного, поношенного все-таки платья.

Шляпы, котелки, цилиндры, всевозможных цветов военные фуражки».

Вечером из Петербурга в Царское Село ехали уже не только чиновники, возвращавшиеся со службы.

«Шесть часов вечера,— рассказывает писатель.— Последний свисток, и уже мчится из Петербурга поезд. Пестрая, разноцветная, нарядная дачная толпа: молодые франты, дамы во всевозможных шляпках. Потонул в этой толпе желто-зеленый чиновничий люд. ...Вот и Царское,— высыпала часть публики, остальные — большинство — умчались в Павловск».

От вокзала герой рассказа Носилов «едет уже на извозчике, там извозчики старинного типа, которого уже нет в Петербурге, но жив он еще в Царском, и прыгает Носилов вместе с неуклюжими дрожками и кучером по тяжелой булыжной мостовой узких улиц Царского Села».

Рассказ Гарина-Михайловского «Дела» (он имеет подзаголовок «Наброски карандашом») автобиографичен.

Талантливый инженер-путеец, мечтавший о быстрейшем экономическом развитии страны, о поднятии благосостояния народа, Гарин-Михайловский в 1892 году приехал в Петербург хлопотать о разрешении на строительство узкоколейной Кротовско-Сергиевской железной дороги в Самарской губернии. Страшный бюрократизм и волокита в петербургских департаментах, мытарства, которые пришлось перенести, прежде чем удалось получить это разрешение, и составляют основное содержание рассказа «Дела».

В этот период бесконечных хождений по департаментам Гарин-Михайловский часто приезжал в Царское Село, где жили его младшие сестры: Анна Георгиевна Михайловская, которую в семье обычно называли Нина, и Варвара Георгиевна Михайловская (адреса их пока установить не удалось). А. Г. Михайловская и ее муж инженер путей сообщения Н. Н. Слободзинский также изображены в рассказе «Дела».

В январе 1892 года Гарин-Михайловский писал жене, которая в то время находилась с детьми в Самарской губернии в своем имении Гундуровка: «Я второй день сижу в Царском. Одну ночь ночую у Нины, а сегодня у Вари».

8 февраля 1892 года в Царском Селе Гарин-Михайловский отпраздновал свое сорокалетие. В этот же день он сообщал жене из Петербурга: «Только что из Царского, где праздновалось мое рождение. У Вари был обед. Мне поднесли серебряную ручку и золотое перо, как писателю. Этим пером в первый раз сел писать тебе письмо».

Именно в то время — в начале 1892 года — вышла в свет первая его повесть «Детство Темы». Это произведение, подписанное никому не известной фамилией — Гарин, было первым выступлением писателя в печати.

Псевдоним он придумал от имени своего годовалого сына Гари (Георгия). Мало кто знал тогда, что автором повести является инженер Николай Георгиевич Михайловский. Повесть сразу же принесла автору широкую популярность, и с этого времени его произведения стали появляться в печати одно за другим. В 1893 году были написаны «Гимназисты», в 1895-м — «Студенты». «Инженеры» напечатаны уже посмертно — в 1908 году.

В самом конце 1892 года в Петербург из Гундуровки приехала с детьми жена писателя — Н. В. Михайловская. Поселиться решили в Царском Селе — здесь жили сестры Гарина-Михайловского, да и детям было лучше на свежем воздухе. В Царском Селе семья писателя жила до конца 1895 года, а затем переехала в Самару.

В 1958 году районная газета «Вперед», выходящая в городе Пушкине, опубликовала беседу с дочерью Гарина-Михайловского Надеждой Николаевной Михайловской-Субботиной, которой тогда было 78 лет. Она рассказывала: «Это было в конце прошлого века. Наша семья жила в Царском Селе на Колпинской улице, по правой стороне, недалеко от собора. Дом был двухэтажный, деревянный. На лето выезжали в деревню Гундуровка...»

Екатерининский собор, который упоминает Н. Н. Михайловская-Субботина, стоял в центре площади, на месте которой ныне находится большой сквер (собор не сохранился).

Возле собора находился сквер. Дома, расположенные вокруг площади по Оранжерейной (ныне улица Коминтерна) и по Леонтьевской (ныне улица Труда), мало изменились с тех пор. Они построены еще в первой половине XIX века. С южной стороны площадь замыкает галерея Гостиного двора. Когда-то Гостиный двор, построенный по проекту архитектора В. И. Гесте — помощника В. П. Стасова, был деревянным. После пожара, уничтожившего деревянную постройку, архитектор Н. С. Никитин во второй половине XIX века выстроил каменное здание, придав ему тот облик, который имел старый Гостиный двор.

В наши дни площадь выглядит нарядно и торжественно. В послевоенные годы проведена большая работа по ее благоустройству: восстановлены разрушенные во время войны дома и Гостиный двор, на площади раскинулся большой городской сквер, в центре которого стоит памятник В. И. Ленину, открытый 22 апреля 1960 года, к 90-летию со дня рождения великого вождя. Авторы памятника — скульптор З. И. Азгур и архитектор Е. А. Левинсон.

Итак, по свидетельству дочери писателя, семья Гарина-Михайловского в Царском Селе жила на Колпинской (ныне Пушкинская) улице. Вместе с тем в адресных книгах «Весь Петербург» Гарин-Михайловский числится проживающим в Царском Селе в эти же годы

по другому адресу: Московская улица, дом Э. Ф. Гассель.

В Центральном государственном историческом архиве СССР и Ленинградском государственном историческом архиве хранятся «Материалы Царскосельской уездной земской управы», в которые входят ежегодные «Раскладочные ведомости налогов на недвижимые имущества уездного города Царского Села С.-Петербургской губернии». По этим ведомостям удалось установить, что домовладелице Э. Ф. Гассель в Царском Селе принадлежали два дома — на Московской и на Колпинской улицах.

По-видимому, семья писателя сначала какое-то время жила на Московской улице, но вскоре переехала в дом той же домовладелицы на Колпинскую улицу.

В «Атласе города Царского Села», составленном полковником Н. И. Цыловым в 1858 году, на Московской улице значится дом, которым в то время владел купец Э. М. Гассель. Он стоял на нечетной стороне улицы, недалеко от Соборной площади — третий дом от Оранжевой улицы (ныне улица Коминтерна) в сторону Конюшенной (ныне улица Первого Мая). Видимо, позже, в 1890-е годы, этот дом принадлежал Э. Ф. Гассель. В «Материалах Царскосельской уездной земской управы» о доме Э. Ф. Гассель на Московской улице сказано: «Деревянный дом с мезонином, во дворе двухэтажный флигель, службы, при коих жилое помещение, сад». До наших дней дом не сохранился.

А вот как в тех же «Материалах Царскосельской уездной земской управы» описываются владения Э. Ф. Гассель на Колпинской: «На углу Колпинской улицы и Торгового переулка дом с мезонином, еще дом по Колпинской улице, во дворе службы, сад». Дома эти не сохранились. Торгового переулка сейчас не существует. Он проходил перпендикулярно к Колпинской и Московской, соединяя их. Место это определить довольно легко. В конце Пушкинской улицы стоит новый дом № 49. На Пушкинскую он выходит боковым фасадом, а главный его фасад идет по линии бывшего Торгового переулка.

В Царском Селе у Гарина-Михайловского бывали многие известные петербургские литераторы. «Мать моя, Надежда Валериевна,— вспоминала Н. Н. Михайловская-Субботина,— была в ту пору издательницей «Русского богатства». У нас в доме бывали Станюкович, Ма-

мин-Сибиряк и другие. Больше всего говорили о Короленко. Н. К. Михайловский запросто не бывал, держался «Юпитером», и у меня осталось о нем какое-то неприятное воспоминание».

Николай Константинович Михайловский, о котором упоминает дочь писателя, — известный публицист-народник, более сорока лет отдавший литературе, в то время редактор журнала «Русское богатство». «Н. К. Михайловский был застенчивый человек, — вспоминал о нем один из руководителей журнала «Русское богатство» писатель С. Я. Елпатьевский, — и, как случается с некоторыми категориями застенчивых людей, видимая суровость и настороженность являлись самозащитой для него».

С журналом «Русское богатство», объединявшим писателей-народников, Гарин-Михайловский был связан тогда очень тесно. Заложив имение Гундуровку, он дал возможность Н. К. Михайловскому и А. И. Иванчину-Писареву купить этот журнал; жена писателя стала издательницей журнала. В журнале сотрудничали Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский и другие. На страницах «Русского богатства» и была опубликована в начале 1892 года повесть Гарина-Михайловского «Детство Темы».

Деятельность инженера-изыскателя требовала частых и длительных отлучек, и Гарину-Михайловскому приходилось надолго уезжать из Царского Села. «Писал большею частью в дороге, в вагоне, в каюте парохода или номере гостиницы, — рассказывал о Гарине-Михайловском С. Г. Скиталец, — редакции часто получали его рукописи, написанные с какой-нибудь случайной станции, с пути его следования. Писал не для славы и не для денег, а так, как птица поет, так и Гарин писал — из внутренней потребности». Нередко с той или иной станции летели телеграммы в редакцию, где он просил изменить фразу, убрать или вставить целую страницу. «Это был единственный русский писатель, — вспоминал С. Я. Елпатьевский, — по телеграфу писавший свои произведения».

В. В. Вересаев в своих воспоминаниях о Гарине-Михайловском рассказывал: «Познакомился я с ним в редакции «Русского богатства». Красавец с седыми волосами. Свежий цвет лица, блестящие молодые глаза — и седые волосы. Это особенно было красиво. Удачник

жизни. Талантливый, богатый, красивый. Исключительный успех у женщин... среди многочисленных даров судьба, между прочим, отпустила ему и литературный талант... Быстрые движения, энергичный... Заработки его как инженера были огромные. Деньгами сыпал. Жил в Царском Селе. Выйдет из дому,— извозчики вскачь мчатся к нему, платил, не торгуясь. Когда ехал в поезде, всем было известно, что едет инженер Михайловский: он золотыми давал на чай всей поездной прислуге, начиная с обер-кондуктора и машиниста и кончая смазчиком и проводником вагона...»

Это был на редкость щедрый человек. «Презрительное отношение к деньгам,— писал один из современников,— создало Гарину репутацию какого-то «Монте-Кристо»... Сегодня у него тысячи, завтра — ищет по городу займы сто рублей. Но менее всего Гарин тратил на себя лично».

«Он мог «швырять деньгами» и действительно швырял,— рассказывал о Гарине-Михайловском публицист и литературный критик П. П. Перцов. — ...Вокруг него кормилось множество народа, и он любил «выручать» из трудного положения — особенно молодежь, которая всегда могла найти у него приветливый прием». Причем «выручал» он с присущим ему огромным тактом. «Было что-то обаятельное в этой чуткой, тонкой, нервной, художественной натуре, удивительно нежной и поразительно искренней»,— вспоминал Елпатьевский.

Страстным, порывистым, легко увлекавшимся самыми различными планами и идеями — таким знали Гарина-Михайловского его современники.

В Царском Селе Гарин-Михайловский сблизился с Михаилом Александровичем Сильвиным — одним из активных деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сильвин, тогда еще совсем молодой человек, студент Петербургского университета, был приглашен домашним учителем к детям писателя.

«Первую половину 1895 года я прожил в Царском Селе,— вспоминал впоследствии Сильвин,— комнату снимал у какой-то немки, а обедал в семье Михайловского-Гарина, у которого я занимался с детьми в качестве как бы домашнего учителя. В доме у Гарина я встречал многих литераторов из круга редакции «Русского богатства»: Н. К. Михайловского, Южакова, Мамина-Сибиряка, Серошевского, Лесевича...»

Сильвин жил на Конюшенной улице (ныне улица Первого Мая) в небольшом деревянном доме, который существовал до Великой Отечественной войны. Сейчас на этом месте стоит новый жилой дом (улица Первого Мая, 13).

2 апреля 1895 года в квартире Сильвина в Царском Селе состоялось совещание группы петербургских социал-демократов, на котором присутствовали В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Сильвин впоследствии вспоминал: «На пасхе у меня съехались товарищи, и Владимир Ильич, очертив положение дела, наметил дальнейший план работы и разделение функций между нами на случай его ареста. Это было в апреле. 25 апреля он уехал за границу».

Возможно, что беседы с Сильвиным сыграли не последнюю роль в том, что Гарин-Михайловский отошел от народничества и встал на сторону марксизма. Он ушел из «Русского богатства», основал газету «Самарский вестник», сотрудничал в ряде печатных органов легальных марксистов. В 1906 году, незадолго до смерти, он передал партии большевиков крупную сумму денег.

Гарин-Михайловский твердо верил в светлое будущее страны. Однажды в разговоре с Горьким он сказал: «Счастливейшая страна Россия! Сколько интересной работы в ней, сколько волшебных возможностей, сложнейших задач! Никогда никому не завидовал, но завидую людям будущего, тем, кто будет жить лет через тридцать, сорок после нас».

«ОН БЫЛ УРАЛЬСКИЙ ЧЕЛОВЕК...»

В начале 1900-х годов на вокзале Царского Села часто можно было видеть человека, одиноко сидевшего в буфете за кружкой пива. Кряжистая грузная фигура, полуседая голова, бледное, обрюзгшее стареющее лицо, и на этом лице сразу обращали на себя внимание глаза — большие, черные, удивительно молодые и яркие. Со своей неизменной трубкой в зубах, он подолгу оставался здесь, зорко наблюдая публику. Это был писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк.

Публика, мелькавшая перед его глазами, была довольно разнообразная. Министры и особы, представлявшие ко двору, — тогда и по зимам двор подолгу жил

в Царском Селе, — чиновники, гвардейские офицеры, ехавшие со своими дамами в Петербург. Многие из них хорошо знали друг друга, по-русски и по-французски звучали приветствия. Чувствовалось, что писателю неприятны все эти люди: на его лице появлялось выражение брезгливости.

В. Варилье — один из знакомых Мамина-Сибиряка по Царскому Селу — вспоминал: «Как-то раз, после того, как поезд унес все это «общество» в Петербург, а мы засиделись за столом, Дмитрий Наркисович разошелся и произнес нечто вроде монолога:

— Какой ужас! Эта человечья тля, полная вырождения, пропившаяся, проигравшаяся, не знающая и не желающая знать ни страны, ни народа, — наши верхи, откуда и только откуда выбирают наших правителей, хозяев судьбы великого народа. Пошелкает он вот так годиков пять шпорами перед размалеванными дамами, и они же пристроят его в губернаторы, а потом в министры, и росчерк пера такой пустышки будет определять жизнь и судьбу многих миллионов».

Иногда Мамин-Сибиряк приходил на вокзал, провожая в Петербург своих друзей, но чаще всего, посидев за столиком в полном одиночестве, брал извозчика и ехал домой.

В Царском Селе Мамин-Сибиряк прожил в общей сложности двенадцать лет. В первый раз Дмитрий Наркисович переехал из Петербурга 27 августа 1894 года со своей двухлетней дочерью Еленой — Аленушкой, как он ласково называл ее. Мать Аленушки, драматическая актриса М. М. Гейнрих-Абрамова, которую писатель страстно любил, умерла через несколько дней после ее рождения. Девочка родилась очень болезненной и слабой, и по совету врачей отец решил поселиться в этом тихом зеленом городке. Как установил краевед Е. М. Головчинер, Мамин-Сибиряк снял квартиру на Колпинской улице, в доме № 43. Дом не сохранился, определить участок, на котором он стоял, не удалось, но, судя по номеру, дом находился где-то в конце Колпинской (ныне Пушкинская) улицы.

Писателю было тогда сорок два года. К этому времени он являлся уже автором таких крупных произведений, как романы «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Золото», и многих других. В. И. Ленин писал: «В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бес-

правием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим разворотом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России».

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк родился и вырос на Урале. Близко знавший его писатель С. Я. Елпатьевский говорил, что псевдоним-прибавку «Сибиряк» следовало бы заменить на «Уралец». «...Одно из первых моих впечатлений и самое характерное для Мамина,— он был уральский человек»,— вспоминал С. Я. Елпатьевский. Он отмечал незаурядность, своеобразие натуры Мамина: «От него веяло не то что провинциализмом, а чем-то не петербургским, своеобразным и оригинальным... Он был всегда заметен во всяком обществе и всегда выделялся на фоне петербургских лиц своим тоном, своими манерами, своей ухваткой...» Связь писателя с Уралом не прекращалась никогда, и его земляки часто бывали у него и в Петербурге, и в Царском Селе.

«Он был прямой, иногда резкий в своих суждениях, его полновесные остроты, его яркие словечки, случалось, задевали людей, и Мамину прощалось то, что не простилось бы другому, может быть, именно потому, что Мамин был прямой, открытый, не желавший обижать людей, потому что Мамина любили...» — вспоминал Елпатьевский.

Одевался писатель всегда очень просто: любимым его костюмом была синяя тужурка со стоячим воротником. Насчет своего кашне он острил, что оно цвета «огорченного таракана». Вообще Мамин-Сибиряк жил в очень скромной обстановке, потому что, несмотря на свою известность, был ограничен в денежных средствах. Человек совершенно бескорыстный, он, по свидетельству одного из современников, «не продавал... не только вдохновения, но и рукописи: за гонорар не торговался, авансов не брал и нередко делал литературные подарки нуждающейся в средствах редакции». Его большие романы расходились не очень бойко, и он часто с горечью шутил: «Мой «Хлеб» меня не кормит, мое «Золото» в карман ко мне не попадает».

Роман «Хлеб» писатель завершил уже в Царском Селе в 1895 году. На год раньше, тоже в Царском Селе, был закончен автобиографический роман «Черты из жизни Пепко». В молодости Мамину-Сибиряку при-

шлось пережить много тяжелого и горького. Вспоминая о нужде в студенческие годы, о полуголодной жизни в период работы репортером в петербургских газетах, он обычно ссылался на этот роман, говоря, что там все это описал.

Обладая огромной работоспособностью, писатель часто просиживал за письменным столом с утра до вечера. Часы работы он считал лучшими в своей жизни.

В Царском Селе создавались и полные сердечности, поэзии и юмора рассказы и сказки для детей. Мамин-Сибиряк сочинял их для маленькой дочери, которую очень любил. После смерти М. М. Гейнрих-Абрамовой он писал 4 апреля 1892 года своей матери: «Буду жить для этого маленького существа, буду работать для него и буду им счастлив...»

Один из сборников своих произведений для детей он назвал «Аленушкины сказки», навсегда связав имя дочери с русской детской литературой. 15 декабря 1896 года Мамин-Сибиряк писал: «Вчера получил только что вышедшую книжку «Аленушкиных сказок»... Это моя любимая книжка — ее писала сама любовь, и поэтому она переживет все остальное».

После переезда в Царское Село в воспитательницы к дочери писателя поступила Ольга Францевна Гувале, которая пользовалась как педагог большой известностью. Мамин-Сибиряк познакомился с ней в семье издательницы журнала «Мир божий» («Современный мир») А. А. Давыдовой, и за последние два с лишним года Гувале оказала ему немало услуг в воспитании девочки. Она стала близким и необходимым человеком Дмитрию Наркисовичу, и в 1900 году он женился на ней.

В Царском Селе в семье Мамина-Сибиряка подолгу жила младшая сестра матери Аленушки Лиза Гейнрих. Когда писатель переехал в Царское Село, ей было двенадцать лет. Дмитрий Наркисович трогательно заботился о девочке, и она навсегда сохранила о нем самые теплые воспоминания. Впоследствии Е. М. Гейнрих вышла замуж за А. И. Куприна.

С Куприным Мамин-Сибиряк был знаком очень близко. По свидетельству писателя Н. Вержбицкого, весной 1904 года, живя в Павловске, Куприн два дня гостил у Мамина-Сибиряка в Царском Селе.

В Царское Село к Мамину-Сибиряку приезжали близкие ему журналисты — сотрудники многих петербургских журналов: Н. К. Михайловский, к которому

писатель был очень привязан, А. А. Давыдова (Мамин-Сибиряк хорошо знал всю ее семью), известный в те годы беллетрист И. Н. Потапенко, член редакции журнала «Русское богатство» С. Н. Южаков и другие.

8 января 1896 года в Царское Село к Мамину-Сибиряку с сестрой писателя Елизаветой Наркисовной Удинцевой и И. Н. Потапенко приехал А. П. Чехов.

В 1890-е годы Мамин-Сибиряк не раз встречался с Чеховым. «Он вызвал в Чехове особый интерес и как человек и как писатель,— писал И. Н. Потапенко,— и Антон Павлович при встречах, видимо, присматривался к нему и наблюдал его. Он как бы любовался его самобытностью...» По свидетельству М. П. Чеховой, до самой своей смерти Антон Павлович не прерывал связей с Д. Н. Маминым-Сибиряком.

Племянник Мамина-Сибиряка Б. Д. Удинцев, несколько раз вместе с матерью писателя Анной Семеновной приезжавший в Царское Село, вспоминал: «Для Мамина Чехов был уже представителем «новых людей», он ласково называл его «Антоша» и всегда с любовью вспоминал о встречах с Чеховым в 1890 гг. и о его замечательных произведениях». В память о пребывании Чехова в Царском Селе Мамин-Сибиряк подарил ему свою книгу «Три конца. Уральская летопись», вышедшую в Петербурге в 1895 году. На книге он сделал надпись: «Обедавшему у меня 8 янв. 96 г. в Ц. Селе Антошу Павловичу Чехову — от Д. Мамина-Сибиряка».

В те годы в Царском Селе, тоже на Колпинской, жил Гарин-Михайловский, и Дмитрий Наркисович часто бывал у него.

В 1896 году Мамин-Сибиряк переехал на Оранжевейную улицу (ныне улица Коминтерна), в дом К. Ф. Бартолициуса. Дом не сохранился. В «Материалах Царскосельской уездной земской управы» того времени можно найти следующее описание дома Бартолициуса: «Деревянный дом, флигель с мезонином, кузница, службы». Вероятно, он стоял в конце Оранжевейной улицы, так как в центре города на ней почти не было деревянных домов.

На Оранжевейной в то время жил известный статистик, экономист и географ Д. И. Рихтер — автор многих работ по экономическим вопросам, член Вольного экономического общества. В тот день, когда Мамин-Сибиряк переехал в дом Бартолициуса, Рихтер послал передать ему, что был бы рад с ним познакомиться. Зна-

комство состоялось. Писатель, которого очень интересовали вопросы экономики и статистики, с удовольствием подолгу беседовал с Рихтером, высоко ценил его знания.

Однажды — это было в марте 1899 года, — когда среди присутствовавших у Рихтера зашел спор о народничестве и марксизме, Мамин-Сибиряк с глубоким убеждением сказал, что «русский марксизм... не только не уменьшится в своем влиянии, но получит еще большее распространение».

По делам, связанным с литературной работой, Мамину-Сибиряку приходилось бывать в Петербурге, и, по свидетельству современников, писатель все чаще жаловался, что очень устает от этих поездок. Кроме того, отдаленность от столицы заметно сокращала круг знакомых, и в 1900 году писатель, по его словам, «рванулся в Петербург». Но жизнь в Петербурге после Царского Села показалась особенно шумной и беспокойной, и в сентябре 1902 года Мамин-Сибиряк возвратился в Царское Село.

Писатель с женой и дочерью поселился на тихой и спокойной Малой улице (ныне улица Революции), в доме № 33, владельцами которого были И. А. и А. А. Никифоровы. Дом стоял в той части Малой улицы, которая находится между Леонтьевской улицей (ныне улица Труда) и Оранжерейной (ныне улица Коминтерна). По данным «Материалов Царскосельской уездной земской управы» за 1902 год, Никифоровым принадлежал «деревянный двухэтажный дом, флигель, службы, сад». До наших дней дом не сохранился.

В. Варилье, рассказывая о бытовом укладе семьи писателя в то время, писал: «Жил он на одной из тихих улиц, далеко от придворных и гвардейских улиц, на даче весьма скромного облика. Какая-то угнетающая чистота и подчеркнутая опрятность бросались в глаза уже в передней: такой вид имеют не жилые дома, а образцовые клиники. И что-то больничное пропитывало все его жилище: полное отсутствие звуков, зря брошенных, как подобает в обжитом доме, вещей, какие-то священнотрепетные движения прислуги. И сам хозяин, сидевший у окна с цветами, здесь совсем не походил на вольготно восседавшего за пивом вокзального завсегда-тая».

Такая подавленность Мамина-Сибиряка была вызвана переживаниями за горячо любимую дочь. Талантли-

вая девочка, неплохо рисовавшая, писавшая стихи, росла очень слабой. Кроме того, у нее обнаружилось тяжелое нервное заболевание. Это очень удручало писателя. Этим объяснялась и больничная обстановка в доме, где стремились создать наиболее благоприятные условия для больного ребенка.

По-прежнему к писателю приезжали старые друзья: Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, И. Н. Потапенко, доктор С. С. Жихарев. Большим горем для Мамин-Сибиряка была смерть Н. К. Михайловского, скончавшегося в 1904 году.

Приезжал к Мамину-Сибиряку и его близкий друг художник А. К. Денисов-Уральский. Он подарил писателю написанную маслом картину, на которой изображен завод. Показывая эту картину, Мамин-Сибиряк пояснял: «Это Висимо-Шайтанский завод. Там я родился». На лицевой стороне картины внизу художник сделал надпись: «Д. Мамину — Денисов-Уральский. Царское Село. СПб. 19. IV. 1903. Дорогому земляку на память о дорогой родине — Урале».

О родном Урале писателю напоминала не только эта картина. Он бережно хранил большую коллекцию уральских камней и старинный иконостас-складень XVI—XVII веков, купленный им у уральского старообрядца.

Мамин-Сибиряк был дружен с жившей тогда в Царском Селе семьей преподавательницы французского языка в женской гимназии Ю. Е. Нольде. Об этом рассказывали старожилы города сестры Варвара Семеновна и Александра Семеновна Волгины. А. С. Волгина вспоминала: «В 1904—1905 годах я была приглашена на семейный вечер к Юлии Евгеньевне Нольде... Меня познакомили с очень полным мужчиной, который плохо слышал и пользовался слуховым аппаратом. Это и был Мамин-Сибиряк».

Квартира Ю. Е. Нольде находилась в доме К. М. и А. К. Костиных — Малая, 34 (угол Леонтьевской). Сейчас этого дома не существует, но место, где он стоял, найти очень легко: это незастроенный участок напротив двухэтажного дома № 17/13 по улице Революции.

Нередко Мамина-Сибиряка можно было встретить в одном из парков. Б. Д. Удинцев, рассказывая о жизни писателя в доме Никифоровых, писал: «В воспоминаниях семьи Дмитрия Наркисовича об этих годах царскосельский парк фигурировал постоянно. По его аллеям любит бродить Аленка, да и сам писатель подолгу остается

здесь. Я помню, как в один из приездов к Маминим я, тогда мальчишка-гимназист, и двенадцатилетняя Аленушка буквально целыми днями пропадали в парке. Кажется, никогда после не узнал я так хорошо этого замечательного дворцово-паркового ансамбля, как в 1904 году, когда нашим постоянным гидом был дядя Митя. Лицейский сад, старый Екатерининский парк, Большой пруд, Камеронова галерея, Чесменская колонна, чудесная «Девушка с кувшином», увековеченная Пушкиным,— по всем этим памятным местам мы прошли не один раз с нашим экскурсоводом. Обходили почему-то только Александровский дворец (там, по-видимому, часто жила царская семья). Зато Екатерининский дворец осматривали досконально. Владелица Царского Екатерина Вторая вызывала у Мамина страстное негодование, пожалуй, не меньшее, чем Грозный... Мамин-Сибиряк напомнил мне, что внешнее величие царствования русской Семирамиды куплено было ценой невероятного внутреннего убожества. Он сказал: „Башкирские бунты, пугачевщина и дубининщина¹ на Урале — прекрасный итог века Екатерины”».

Об одной из встреч с писателем в парке рассказывал и В. Варилье: «Однажды утром я пошел побродить по царскосельскому парку. Я был уверен, что погуляю в одиночестве, как вдруг на скамейке у самого озера я увидел Мамина. Я хотел было пройти мимо, но он окликнул меня...

— Вот только в такую пору и можно как следует наслаждаться этим дивным парком. Много за него грехов опустится матушке Екатерине, но редко кто им пользуется по-настоящему: днем его пакостят светские тараторки, велосипедисты и всякая иная нечисть, не говоря уже про соглядатаев, которыми здесь хоть пруд пруди. А в эту пору вся эта публика еще почивать изволит, и вот тут-то нашему брату и раздолье: дыши воздухом да гляди на воду. Лучше этого ничего на свете и быть не может...

И, словно заправский художник-пейзажист, он стал восторгаться и красками деревьев, и бегущими линия-

---

¹ Дубинщина — восстание крестьян, приписанных к Далматовскому Успенскому монастырю (близ города Шадринска Курганской области). Восстание происходило в 1762—1764 годах. Крестьяне были вооружены главным образом дубинами — отсюда и название «дубинщина» (в воспоминаниях Б. Д. Удинцева — дубининщина),

ми облаков с их отражением на поверхности озера. Но похвал его хватило ненадолго.

— Хорошо, очень хорошо, и все не то, что у нас там, за Уралом...»

В 1908 году, за несколько лет до смерти, Мамин-Сибиряк переехал в Петербург.

В городе Пушкине, на улице Пролеткульта, стоит окруженное деревьями двухэтажное красное кирпичное здание. В нем много лет размещалась библиотека имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (теперь она находится в доме № 20 по улице Революции). Библиотека устраивает выставки, посвященные писателю, проводит читательские конференции. Все это свидетельствует об уважении к таланту большого русского писателя, о стремлении увековечить память о нем.

«РАБОТАЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ БУДУЩЕГО...»

Директор Царскосельской мужской классической гимназии И. Ф. Анненский считался в министерстве народного просвещения человеком не вполне «благонадежным»: не раз с непонятным для чиновников министерства упорством он отстаивал свои педагогические принципы, вступая иногда в спор с попечителем учебного округа.

В. А. Рождественский вспоминал, что когда старшеклассникам Царскосельской гимназии грозило исключение за участие в уличных демонстрациях 1905 года, директор осмелился защищать их. Это было неслыханной дерзостью! Он говорил тогда: «Молодежь прекрасна во всех благородных порывах и возвышенных движениях души». Не случайно существует легенда, что Анненский разрешил отслужить в гимназической церкви панихиду по казненному революционеру — лейтенанту П. П. Шмидту...

Мужская классическая гимназия помещалась тогда в белом трехэтажном здании на углу Малой (улица Революции) и Набережной (улица Пролеткульта) улиц. Здание почти не изменилось с конца прошлого века; нынешний его адрес: улица Пролеткульта, 12. Сейчас здесь помещается вечерняя сменная школа № 173.

Напротив гимназии, со стороны Набережной улицы,— Купальный пруд. В 1785 году берега пруда были отведены под постройки так называемой «бумаж-

ной мельницы» для производства гербовой и ассигнационной бумаги, а затем «бумажная мельница» была превращена в гобеленово-обойную фабрику, обслуживавшую Екатерининский дворец. А на том берегу, где проходит Набережная улица, были построены дома для чиновников, мастеровых, воинской команды и магазинов. Позже на этом месте появилось здание для городской богадельни. В 1870 году его передали мужской гимназии, торжественное открытие которой состоялось 8 сентября 1870 года. Гимназия имела приготовительный и восемь основных классов.

В эту гимназию осенью 1896 года и был назначен директором Иннокентий Федорович Анненский — ученый-лингвист, глубокий знаток античной культуры, поэт, переводчик. Он полюбил Царское Село и остался здесь жить постоянно.

В Царском Селе семье директора была предоставлена квартира при гимназии. Она находилась на втором этаже и имела большую веранду. Окна ее выходили на Малую улицу. Во дворе был личный сад Анненского, который очень любил цветы и с удовольствием разводил их.

В те же годы в Царскосельской мужской гимназии преподавал отец известного советского поэта Всеволода Александровича Рождественского. Его квартира была в первом этаже, окна ее были обращены на Малую улицу. Здесь в 1895 году родился В. А. Рождественский, здесь прошло его детство, он учился в этой гимназии до шестого класса. Затем семья переехала в Петербург. Впоследствии тема Царского Села заняла важное место в творчестве Рождественского. Он вспоминал: «Отец мой занимал казенную квартиру в белом трехэтажном здании классической гимназии. С нею соседствовала огромная директорская веранда, она выходила в сад, где бежали узкие, желтеющие песком дорожки и дремали клумбы с необычайно яркими, пряными цветами, которые так любил их хозяин, И. Ф. Анненский. С самого раннего детства я помню его высокую суховатую фигуру, чинную и корректную даже в домашней обстановке. Сколько раз наблюдал я за ним, играя в оловянные солдатики на подоконнике нашей столовой. Неторопливо раскачиваясь в плетеной качалке, он узкими, тонкими пальцами с какой-то брезгливой осторожностью перебирал страницы журнала или, опираясь на трость, долго следил за танцующим поле-

том лиловой бабочки над ярко распахнутой чашей георгина или мохнатой астры. Но я не знал тогда, как и большинство окружающих его в служебной жизни людей, что он поэт. Я и подозревать не мог, какое место займет он в моей жизни в пору юношеских увлечений поэзией. Для меня, мальчика, он был только директором, самым важным лицом в гимназии...»

Спокойный и горделивый, в туго накрахмаленном высоком воротнике и в широком галстуке старинного покроя, с приветливым взглядом серо-синих глаз — этот человек сразу сумел внушить своим ученикам любовь и преклонение. Современница Анненского Л. Я. Гуревич в статье, посвященной его памяти, писала: «Рассказы гимназистов, его учеников, дополняемые личными впечатлениями, рисовали образ учителя, не похожего на обыкновенных русских учителей, — изысканного, светски-любезного в обращении с старшими и младшими, по-европейски корректного, остроумного, с каким-то особенным, индивидуальным изломом в изящной стройной фигуре, в приемах и речах...»

Ко времени вступления на пост директора гимназии Анненскому было сорок лет. Он родился 20 августа 1856 года в Омске, где в то время служил его отец. В Сибири семья Анненских прожила недолго и вскоре переехала в Петербург, где жила до этого. Большое влияние на Анненского оказала семья его старшего брата Николая Федоровича Анненского — известного публициста, видного деятеля либерально-народнического движения, не раз подвергавшегося преследованиям правительства за свою общественную деятельность.

В 1879 году Анненский окончил историко-филологический факультет Петербургского университета по отделению сравнительного языкознания. Способности к языкам у него были выдающиеся. Сын Анненского, поэт Валентин Кривич, вспоминал: «Помнится мне цифра 14, всегда упоминавшаяся, когда почему-либо заходила речь о языках, ему знакомых. Конечно, одни, как французский и немецкий, он знал с детства, а древние были его, так сказать, профессиональной специальностью, в других же, может быть, он только разбирался, конечно, в этот счет входили и языки славянские, но все же их было 14».

В год окончания университета Анненский женился на Надежде Валентиновне Хмара-Борщевской (близкие обычно называли ее Диной). Жена была старше его,

она была вдовою и от первого брака имела двух сыновей-подростков. В 1880 году у Анненского родился сын Валентин. Впоследствии Валентин Кривич писал: «Считаю излишним упомянуть, что отношения между отцом и пасынками с самого начала не оставляли желать ничего лучшего. И впоследствии всегда мы составляли действительно одну семью... родственно и сердечно близкую».

После окончания университета началась педагогическая деятельность Анненского в гимназиях и на высших женских курсах. Преподавал он древние языки и историю античной литературы, русский язык и теорию словесности.

Поэзия Анненского долгое время была известна лишь небольшому кругу близких ему людей. В печати он начал выступать в 1880-х годах с рецензиями, критическими статьями, заметками на педагогические темы, причем эти выступления носили чисто академический характер. В начале 1890-х годов Анненский приступил к переводу трагедий Еврипида — первому полному стихотворному переводу на русский язык одного из величайших драматургов Древней Греции. В Царском Селе он продолжал эту работу, здесь же она была и завершена.

В своей педагогической деятельности Анненский выходил далеко за рамки официальной учебной программы. Не одно поколение гимназистов обязано ему глубокой любовью к русской классической литературе и широкими познаниями в истории античного мира. Под руководством Анненского гимназисты устраивали спектакли из репертуара мировой классики. Несколько античных трагедий были поставлены для жителей Царского Села на сцене Китайского театра.

Гимназистов увлекала и сама личность этого замечательного педагога. Искусствовед и поэт Э. Голлербах¹, в те годы учившийся в Царскосельском реальном училище, впоследствии подчеркивал в одной из своих газетных статей, что Анненский «пленял своих учеников высоким строем души, лирической и благородной».

Огромное воздействие личности и поэзии Анненского испытал на себе Н. С. Гумилев — ученик Иннокентия Федоровича в Царскосельской мужской гимназии. В стихотворении «Памяти Анненского» он писал:

---

¹ Э. Ф. Голлербах является автором книги о Царском Селе, названной им «Город муз» (1927).

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высший кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространства безымянных
Мечтаний — слабого меня.

Влияние поэзии Анненского сказалось на целой группе поэтов. Это А. Ахматова, В. Рождественский, Э. Голлербах, В. Комаровский и другие.

Педагогические принципы Анненского, его культурные интересы и глубокий внутренний мир — все это неизбежно вступало в противоречия с той казенщиной, которая царила тогда в министерстве народного просвещения. Эти противоречия особенно обострились в царскосельский период его жизни. Все больше тяготился он своей административной деятельностью и обязанностями официального лица. Все более настороженно относилось к Анненскому его начальство по службе. 7 января 1901 года он писал своей родственнице А. В. Бородинной: «Завтра опять — гимназия, и постылое, и тягостное дело, которому я себя закрепостил... Не знаю, долго ли мне придется быть директором... так как за последнее время мои отношения со всем моим начальством стали очень деликатными. Клею, насколько могу, коробку моей служебной карьеры, но я не отличаюсь «умными руками», и дело валится у меня из рук. Как назло, если бы Вы только знали, как у меня теперь работает голова, сколько я пишу, перевожу, творю...»

Среди коллег-преподавателей Анненский чувствовал себя одиноким. Близок он был с очень немногими. Среди них — А. А. Мухин и А. В. Рождественский.

Семья директора гимназии хорошо знала Лидию Ивановну Веселитскую — писательницу, выступавшую в печати под псевдонимом Л. И. Микулич, автора бытовых повестей и рассказов. Веселитская была знакома со многими крупными литераторами, в том числе с Н. С. Лесковым, Ф. М. Достоевским, В. М. Гаршиным. Анненский посвятил ей одно из своих стихотворений о Царском Селе. Хорошо знаком был Анненский и с жив-

шим тогда в Царском Селе художником Д. Н. Кардовским и его женой С. Делла-Вос-Кардовской, тоже художницей. Супруги Кардовские были влюблены в красоту старых парков города и запечатлели ее во многих своих этюдах.

Иногда у Анненских устраивались литературные вечера, на которых собирался узкий круг знакомых. Хозяин дома читал свои переводы Еврипида, новые стихи и заметки.

Литературные занятия были подлинным смыслом жизни Анненского. В Царском Селе он много работал над переводом трагедий Еврипида. В его рабочем кабинете стоял мраморный бюст этого драматурга Древней Греции. 29 ноября 1899 года Анненский писал А. В. Бородинной: «Моя жизнь идет по-прежнему по двум руслам: педагогическому и литературному... Нисколько не смущаюсь тем, что работаю исключительно для будущего, все еще питаю твердую надежду в пять лет довести до конца свой полный перевод и художественный анализ Еврипида — первый на русском языке, чтоб заработать себе одну строчку в истории литературы — в этом все мои мечты».

А через несколько лет, уже заканчивая работу над переводом Еврипида, с характерной для него иронией Анненский сообщал А. В. Бородинной: «Нет опасности, чтобы Еврипид прославил меня, но еще меньше, кажется, может быть опасения, что он развертит меня приливом богатства».

Официальная жизнь Царского Села была чужда внутреннему миру Анненского. В этом тихом городке с его благополучными обывателями, с парадами на дворцовом плацу в дни «тезоименитств» в царской семье он открыл для себя совсем особый мир, рождавший тоску по чему-то высокому и идеальному, какое-то тревожное ожидание. В статуях Екатерининского парка, в строгих классических формах Камероновой галереи или Концертного зала для Анненского продолжала жить античность с ее нетленной красотой и гармонией. И не случайно в трагедии «Лаодамия» поэт вложил в уста бога Гермеса такие слова:

А потом,
Когда веков минует тьма и стану
Я мраморным и позабытым богом,
Не пощажен дождями, где-нибудь
На севере, у варваров, в аллее
Запущенной и темной, иногда

В ночь белую или июльский полдень,
Сон отряхнув с померкших глаз, цветку
Я улыбнусь или влюбленной деве,
Иль вдохновлю поэта красотой
Задумчивой забвенья...

Днем, когда на белом мраморе играли блики солнца, статуи казались ожившими. Одну из них — статую «Мир» — Анненский особенно любил. В то время она стояла недалеко от Эрмитажа, а сейчас перенесена к Екатерининскому дворцу. Статуя выполнена неизвестным итальянским скульптором.

Ей посвящено стихотворение Анненского «Расе» («Мир», итальянск.):

Меж золоченых бань и обелисков славы
Есть дева белая, а вокруг густые травы.

Не тешит тирс ее, она не бьет в тимпан,
И беломраморный ее не любит Пан,

Одни туманы к ней холодные ласкались,
И раны черные от влажных губ остались.

Но дева красотой по-прежнему горда,
И трав вокруг нее не косят никогда.

Не знаю почему — богини изваянье
Над сердцем сладкое имеет обаянье...

. . . . .

О, дайте вечность мне, — и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам.

Во многих своих письмах Анненский дал своеобразные зарисовки царскосельских пейзажей. 29 ноября 1899 года он писал А. В. Бородиной: «У нас зима, глубокая и такая серебряная, какой я никогда не видел. Знаете, на деревьях совсем не видно черноты: ветки стали толстые и искристые от инея; свет голубых электрических звезд среди этих причудливых серебряных кораллов дает минутами волшебное впечатление...» Но совершенно особое очарование поэт находил в царскосельской осени. Осень — пора воспоминаний, а для Анненского сам воздух города был пропитан «тонким ядом воспоминанья». И в тишине осеннего парка рождались стихи:

Раззолоченные, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,

И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вымыться в душистые плоды.

И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья..

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в заворуженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

Во время прогулок Анненский избегал людных мест. В. А. Рождественский рассказывал, что поэт обычно шел по Набережной улице, затем по Садовой до Эрмитажной кухни. Здесь он входил в Екатерининский парк, проходил мимо статуи «Мир», мимо Камероновой галереи, шел берегом Большого пруда; пройдя пруд, поднимался на холм и выходил к Китайской беседке. Здесь всегда было тихо и безлюдно. Одну из уединенных аллей в районе этой беседки поэт особенно любил. Ее когда-то так и называли — аллеей Анненского.

Глубоко чувствовал Анненский связь Царского Села с именем Пушкина, он называл этот город одним из «урочищ пушкинской славы». При самом непосредственном его участии здесь был установлен памятник Пушкину-лицейсту.

В 1899 году в России широко отмечалось 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Анненский был одним из организаторов подписки на сбор средств для сооружения памятника поэту в Царском Селе.

Вопросами, связанными с созданием памятника, занималась специальная комиссия. Проекты памятника представили скульпторы Р. Р. Бах, В. А. Беклемишев, Л. В. Позен и М. А. Чижев. На конкурсе был утвержден проект Баха. Скульптор изобразил юного поэта в момент творческих раздумий, сидящим на старинной чугунной скамье Екатерининского парка. Этот памятник остается и до наших дней лучшим скульптурным изображением Пушкина-лицейста.

Правда, при обсуждении работ, представленных на конкурс, многие высказывали мысль, что этот проект слишком прост и потому неинтересен. Одним из тех, кому удалось отстоять проект Баха, был Анненский.

Пушкинские торжества были крупным событием в культурной жизни Царского Села, и Анненский воспри-

нял их как праздник города. 26 мая (ст. ст.) 1899 года в лицейском саду состоялась закладка памятника Пушкину. На следующий день, 27 мая, в Китайском театре Анненский выступил с речью «Пушкин и Царское Село», в которой дал глубокий анализ связи Пушкина с Царским Селом, подчеркнул совершенно особое значение этого города в развитии таланта великого поэта. Он сказал: «Кто-то говорил, что он глубже чувствует красоты трагедий Расина, когда думает о них, стоя на веранде Версальского дворца... Я применил бы эти слова к царскосельским одам Пушкина, да, пожалуй, и к целой полосу его творчества...»

Речь Анненского явилась одной из ярких страниц пушкиноведения того времени. Закончил он ее следующими словами: «...истинный гений-хранитель наших садов не мог их покинуть, и вчера мы положили первый камень для его царскосельского памятника. Под резцом художника образ поэта уже воплотился, и скоро молодой и задумчивый от наплыва еще неясных творческих мыслей Пушкин снова будет глядеть на свои любимые сады, а мы, любуясь им, с нежной гордостью повторять:

Он между нами жил».

15 октября 1900 года памятник Пушкину был торжественно открыт. Вот как описывалось это событие в декабрьском номере журнала «Исторический вестник» за 1900 год: «Вокруг постамента разбит был газон из живых цветов. К памятнику устроен крытый вход, украшенный флагами и щитами, от входа по обе стороны из тяжелой материи и бархата сделаны шесть лож, дальше — крытые площадки, а за ними высокие помосты. За памятником находился хор из гимназистов и воспитанников городских училищ, а дальше расположился оркестр».

Среди гостей были члены царской фамилии, высокопоставленные чиновники и военные, потомки поэта — его сын генерал А. А. Пушкин и внук Г. А. Пушкин, поручик лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона, Л. Н. Павлищев и другие. Прибыла также депутация от Лицея.

После молебна «завеса, скрывавшая памятник, упала при звуках гимна»... Под звуки оркестра к подножию памятника были возложены венки, историк Д. Ф. Кобецко, в прошлом выпускник Лицея, произнес небольшую речь. «Затем,— рассказывается в журнале «Историче-

ский вестник», — пошли многочисленные делегации от Лицея, царскосельских мужской и женской гимназий, училищ и приютов. Воспитанники проходили парами мимо памятника, возлагая каждая венки, и таким образом весь постамент был засыпан живыми цветами. Около трех часов церемония кончилась».

На гранитном постаменте памятника высечена лаконичная надпись: «Александр Сергеевичу Пушкину», и с трех сторон — строки из произведений великого поэта. Цитаты подбирал Анненский. В. А. Рождественский вспоминал, что Валентин Кривич рассказывал ему о том, как волновался Анненский накануне открытия памятника. Проснувшись ночью, он вдруг подумал, что одну из цитат каменщики выбили неточно: вместо «весной при кликах лебединых» написали «весной при криках лебединых». В пятом часу утра он побежал в лицейский сад и успокоился только тогда, когда, заглянув под серое полотнище, скрывавшее уже установленный памятник, убедился, что цитата воспроизведена правильно.

— Какая разница, — сказал ему один из присутствовавших на открытии памятника, которому поэт рассказал об этом, — «при кликах» или «при криках»?

— Разница большая, — ответил Анненский. — Сто лет. Восемнадцатый и девятнадцатый век!

В тот же день произошел еще один, почти анекдотический, случай. Один из великих князей, осматривая памятник, с неудовольствием заметил, что фигура Пушкина выглядит слишком черной и потому мрачноватой, и предложил ее покрасить «в более веселый цвет».

— Ваше высочество, — с чудесной иронией, мягко, но настойчиво возразил ему Анненский, — не лучше ли покрасить скамейки в сквере?

Князь улыбнулся, свита почтительно рассмеялась, и все согласилось, что скамейки следует предпочесть. Скульптор Бах подошел потом к Анненскому и с благодарностью пожал ему руку.

После революции памятник поэту стал эмблемой города. В начале Великой Отечественной войны, за месяц до того, как фашисты заняли город, памятник зарыли на территории лицейского сада, так как опасались, что он погибнет от бомбежки. Это было сделано тогда же, когда по распоряжению Исполкома Ленгорсовета укрывали памятники в Ленинграде.

Почти четыре года пролежал памятник Пушкину в земле, — его достали из укрытия 24 апреля 1945 года.

В. А. Рождественский в стихотворении «Памятник юноше Пушкину» писал:

Словно клад бесценный, в глубь земли
Руки друга памятник зарыли
И от поруганья сберегли.

.....
Мы копали бережно, нескоро,
Только грудь вздымалась горячо.
Вот он! Под лопатую сапера
Показалось смуглое плечо.

Голова с веселыми кудрями,
Светлый лоб — и по сердцам людским,
Словно солнце, пробежало пламя,
Пушкин встал — и жив и невредим.

В мае 1945 года памятник был поставлен на прежнее место.

И в советские годы, и до революции многие поэты посвящали этому памятнику свои произведения. К числу лучших из них относятся и стихи Анненского:

На синем куполе белеют облака,
И четко ввысь ушли кудрявые вершины,
Но пыль уж светится, а тени стали длинные,
И к сердцу призраки плывут издалека.

.....
Не шевелись — сейчас гвоздики засверкают,

Воздушные кусты сольются и растают,
И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнет,
С подставки на траву росистую прыгнет.

Печатать свои поэтические произведения Анненский стал только в начале 1900-х годов. В 1901 году вышла в свет его трагедия «Меланиппа-философ», в 1902 году — трагедия «Царь Иксион» — обе на сюжеты античной мифологии. В 1904 году увидела свет книга лирических стихов Анненского «Тихие песни», с приложением переводов французских лириков конца XIX века «Парнасцы и проклятые». Книга эта была издана под своеобразным псевдонимом «Ник. Т-о» («Никто»). «Никто» (по-древнегречески «утис») — так назвал себя Одиссей, взятый вместе со своими спутниками в плен в пещере Полифема.

«Тихие песни» Анненский напечатал на свои средства в типографии местного книжного магазина купца Митрофанова. Очень немногие знали, что под псевдони-

мом «Никто» скрывался директор гимназии. Кое-кто даже решил, что автор этих стихов фабрикант Николай Терещенко. В официальных кругах посчитали бы просто неудобным, что директор гимназии выступил в печати с лирическими стихами.

В 1906 году были напечатаны третья мифологическая трагедия «Лаодамия» и сборник критических статей Анненского — «Книга отражений». В том же году появился первый том отдельного издания трагедий Еврипида. В 1909 году вышел второй сборник критических статей Анненского — «Вторая книга отражений». Однако большой поэтической известности все это Анненскому не принесло. И только когда в 1910 году в издательстве «Гриф» вышел второй — посмертный сборник Анненского «Кипарисовый ларец», имя его привлекло к себе внимание всех знатоков и любителей русской поэзии. Два крупнейших русских поэта — Блок и Брюсов — посвятили Анненскому свои статьи.

Значительное место в творчестве Анненского занимают также стихотворные переводы произведений Горация, Гете, Гейне, классика американской литературы Лонгфелло, французских поэтов конца XIX века Леконта де Лиля, Сюлли-Прюдома, Бодлера, Рембо, Верлена и других.

В истории литературы имя Анненского стоит рядом с именами русских декадентов начала XX века. Действительно, глубокий пессимизм, которым проникнуты многие его стихи, иносказательность стиля и ряд других черт и особенностей творчества этого поэта сближают его с декадентами. «И все же,— подчеркивает А. В. Федоров, один из современных исследователей,— в творчестве Анненского много было такого, что не укладывается в рамки идеологии и эстетики декаданса. Эти черты отличия у Анненского настолько значительны, что они и определяют ценность его поэзии для нас. Поэзия Анненского — явление примерно того же порядка (но, конечно, другого масштаба), что и творчество двух других, притом крупнейших, русских поэтов начала XX века — Брюсова и Блока...» В отличие от Брюсова и Блока лирическое творчество Анненского «замкнуто в гораздо более узкий круг мотивов и личных переживаний, имеет более „камерный” характер».

Выдающийся лирик начала XX века, Анненский сумел в своих утонченных и изысканных стихах глубоко изобразить внутренний мир человека, задышающегося в

тоскливых буднях обывательщины, сказать об извечной человеческой мечте о высоких идеалах. Поэт писал о жестокости и несправедливости жизни, о том, что не может быть спокойна совесть человека, пока вокруг есть страдания и несчастья.

В стихотворении «В дороге» он говорит:

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть...

Жалость к людям, сострадание к человеческой боли, любовь и сочувствие ко всему живому, растущему — вот настроения, которые явственно звучат в поэзии Анненского. В этом отношении очень характерно его стихотворение «Дети». В нем есть такие строки:

Нам — острог, но им — цветок..
Солнца, люди, нашим детям!

Глубоко потрясен был Анненский известием о кровавой расправе правительства с участниками революционных выступлений в Прибалтике в 1905—1906 годах. Его стихотворение «Старые эстонки» проникнуто мыслью об ответственности каждого за то, что совершается в мире, беспощадно разоблачает всякую попытку уйти от этой ответственности:

Сыновей ваших... я ж не казнил их..

Я, напротив, я очень жалел их,
Прочитав в сердобольных газетах,
Про себя я молился за смелых,
И священник был в ярких глазетах.

Затрясли головами эстонки.
«Ты жалел их... На что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки,
И ни разу она не сжималась?»

Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней!»

В конце декабря 1905 года Анненский был отстранен от директорства в гимназии и переведен на должность одного из инспекторов Петербургского учебного округа, что явилось, по сути дела, административной мерой, направленной против чересчур гуманного педагога. Квартиру при гимназии Анненскому пришлось освободить,

но он остался в Царском Селе. Иннокентий Федорович поселился на Московском шоссе, недалеко от Московских ворот, в доме врача Эбермана, на правой, нечетной стороне улицы. В этом доме, не сохранившемся до наших дней, Анненский прожил почти два года.

Должность инспектора требовала частых разъездов по северным губерниям — Вологодской, Олонецкой, не давала возможности регулярно заниматься литературным творчеством. Служба стала еще более невыносимой. Однажды, в конце мая 1906 года, оказавшись по делам службы в Вологде, Анненский написал горькие строки:

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода,
Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда...

Последняя квартира Анненского в Царском Селе, где он жил по день смерти, была в доме Панпушко (№ 13) по Захаржевской улице (ныне улица Володарского). Он переехал туда из дома Эбермана. В начале октября 1959 года дом был снесен, и сейчас на его месте стоит дом № 11.

Это был, по воспоминаниям В. Кривича, «старый, каменный белый особняк, не нарядный, но внушительный своей спокойной солидностью; поместительный и удобный. Нижним этажом он ушел в землю, нет в нем электричества, потолки и полы его просты,— но высокие старомодные комнаты глубоки и уютны, комнат много, и окна их смотрят на тихую, зеленую улицу и в небольшой, но тоже старый сад».

Отсюда Анненскому приходилось постоянно ездить в Петербург — он читал лекции по истории греческой литературы на Высших женских историко-литературных курсах Н. П. Раева. Все свободное время он по-прежнему отдавал литературным занятиям.

Вечерами в доме было тихо — стояла та особенная тишина, которая бывает в старых провинциальных домах. В. Кривич вспоминал: «Привычно спокойно горит неяркая лампа на стене. Тускло поблескивают переплеты книг в двухэтажных дубовых шкафах, и матово золотятся рамы на портретах. Желтая прабабка привычно мертво улыбается над старым вольтеровским креслом. Нежно и печально пахнут увядающие розы на письменном столе. На бюваре, под хрустальным пресс-папье с молодым портретом матери, толстая стопка сегодняшней

почты; сбоку, под заложенной разрезательным ножом книгой, нарезанные четвертушки бумаги, с другого — аккуратно сложенные такие же четвертушки рукописи, а на них блестит медный ободок лупы, — увы, верной, хотя и тайной, помощницы отца во многих его работах в последнее время. И книги, книги...»

В этот период Анненский готовил к печати второй сборник своих стихов — «Кипарисовый ларец». Название сборника не случайно: в небольшом кипарисовом ларце хранились рукописи стихов поэта.

У Анненского бывали здесь литераторы, художники, деятели искусства. Весной 1909 года к нему приезжали художественный критик С. К. Маковский и М. А. Волошин. Обсуждался план создания журнала «Аполлон», в котором Анненский позднее принимал самое деятельное участие. Этот литературно-художественный иллюстрированный журнал выходил в Петербурге с 1909 по 1917 год. Художник А. Я. Головин вспоминал, как однажды редактор журнала С. К. Маковский обратился к нему с просьбой написать групповой портрет ближайших сотрудников «Аполлона». «Портрет должен был изображать, — писал А. Я. Головин, — И. Ф. Анненского, В. И. Иванова, А. Н. Толстого, М. А. Волошина, М. А. Кузмина, С. К. Маковского и других».

Художник считал, что прямая, стройная фигура Анненского с гордо поднятой головой в высоком тугом воротнике и старинном галстуке «должна была служить как бы стержнем всей композиции». Однако этому замыслу не суждено было осуществиться.

Осенью 1909 года Анненского навещил А. А. Блок: они были знакомы с 1906 или 1907 года.

...30 ноября (ст. ст.) 1909 года Анненскому предстояло прочесть доклад в «Обществе классической филологии». К началу заседания он не приехал. Собрание уже началось, когда председателю была подана записка: «В Царскосельском вокзале внезапно скончался неизвестный господин, который, будучи доставлен в Обуховскую больницу, был опознан как И. Ф. Анненский. Ошибка возможна, но маловероятна».

Анненский умер от разрыва сердца на ступенях Царскосельского (ныне Витебский) вокзала.

«Неожиданная и безвременная смерть Анненского, — вспоминал Головин, — произвела удручающее впечатление на всех, кто знал этого замечательного поэта. Похороны его в Царском Селе собрали огромное множество

людей, особенно много учащейся молодежи, которая искренно любила Анненского».

Анненского похоронили в Царском Селе, на Казанском кладбище.

...Вечерами, когда схлынет поток экскурсантов, в пушкинских парках бывает как-то по-особенному тихо и торжественно. Исчезает ощущение времени... И тогда сами собой приходят на память строки Анненского, в которых поэт сумел удивительно передать свое восприятие Царского Села:

Там на портретах строги лица,
И тонок там туман седой,
Великолепье небылицы
Там нежно встет резедой.
Там нимфа с таицкой водой,
Водой, которой не разлиться,
Там стала лебедем Фелица
И бронзой Пушкин молодой.

· · · · ·
Там все, что навсегда ушло,
Чтоб навевать сиреням грезы.

· · · · ·
Скажите: «Царское Село» —
И улыбнемся мы сквозь слезы.

РЯДОВОЙ ВОЕННО-САНИТАРНОГО ПОЕЗДА № 143

Весной 1915 года двадцатилетний Сергей Есенин приехал в Петроград. А. А. Блок, одобрительно отозвавшийся о стихах молодого поэта, помог ему войти в среду петербургских литераторов. Есенин познакомился с Сергеем Городецким, к тому времени уже довольно известным поэтом. Дружеская поддержка Городецкого имела для Есенина тогда большое значение. Писатель Михаил Мурашов, сотрудничавший в ряде журналов демократического направления, оказал Есенину содействие в установлении связей с журналами, направление и тематика которых были близки молодому поэту.

Тогда же началась многолетняя дружба Есенина с поэтом Н. А. Клюевым. Николай Алексеевич Клюев, вышедший из крестьян Олонецкой губернии, появлялся в литературных салонах столицы одетым «под мужика», говорил псевдокрестьянским языком, хотя был хорошо образованным человеком. Его стихи, проникнутые религиозно-мистическими настроениями, были посвящены

русской деревне, которая представляла в них смиренной и набожной, с застывшим вековым укладом жизни. Подобные стихи Клюев писал с совершенно сознательным расчетом на успех в петербургских великосветских салонах, где именно такой — старозаветной и покорной — хотели видеть русскую деревню. Клюев пытался встать во главе группы «крестьянских поэтов» и, стремясь всецело подчинить Есенина своему влиянию, по выражению Горсдецкого, «впился в него». Они постоянно бывали вместе, Клюев ввел Есенина в литературные салоны столицы, поощрял патриархальные мотивы в творчестве молодого поэта.

25 марта 1916 года Есенин был призван на военную службу. Благодаря хлопотам литературных друзей, в первую очередь Городецкого, обеспокоенных тем, чтобы Есенин не попал, по выражению Клюева, «на бранное поле к передовым окопам», поэт был назначен в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143. Поезд должен был привозить с фронта раненых в госпитали Петрограда и Царского Села.

Санитарный поезд был организован на частные пожертвования крупных купцов и промышленников. Уполномоченным по поезду был назначен штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте полковник Д. Н. Ломан, пользовавшийся особым расположением царской семьи. Одновременно он возглавил Царскосельский лазарет № 17 при Федоровском соборе и был ктитором этого собора.

Федоровский собор был заложен в 1909 году недалеко от Александровского дворца, куда, напуганный событиями первой русской революции, перенес свою резиденцию Николай II. Проект собора был разработан академиком В. А. Покровским — впоследствии одним из авторов проекта Волховской ГЭС. Собор строился для царской семьи, лиц, близких ко двору, и для офицеров полка, который нес охрану Александровского дворца. А охранялся дворец в предреволюционные годы особенно тщательно. Каждый раз перед возвращением царской семьи в Царское Село производился самый тщательный осмотр не только дворца, но и Александровского парка и всех находившихся в нем сооружений. Осматривались даже дренажные трубы. С 1914 года вход в парк был закрыт для всех.

В 1913 году напротив Федоровского собора началось строительство так называемого Федоровского городка,

предназначавшегося для причта собора. В городке были построены дом для священников, дом для дьяконов, трапезная (перед ней пристройка ктитора), дом для причетников и различные помещения другого назначения.

«Главные здания,— писал автор проекта городка архитектор С. С. Кричинский,— выходящие фасадами к собору, были проектированы в русском стиле XVII столетия, а второстепенные и служебные постройки — в духе гражданских сооружений Новгорода и Костромы». Городок окружала стена со сторожевыми башнями и бойницами. Каменные ворота украшала искусная резьба. Неподдалеку от городка строилась Ратная палата.

Федоровский городок стал центром возникшего в Петрограде в 1915 году «Общества возрождения художественной Руси». Образовавшееся в сложное и противоречивое время, это общество объединяло людей разных политических устремлений и художественных воззрений. В него входило немало художников, в том числе В. М. и А. М. Васнецовы, М. В. Нестеров, Н. К. Рерих, И. Я. Билибин и другие. Они проявляли глубокий интерес к древнерусскому искусству, пытались переосмыслить его и наполнить современным содержанием. В Федоровском городке члены общества собрали коллекцию церковной утвари, икон, оружия, древнерусских орнаментов и других предметов русской старины.

Но шла война... Все увеличивался поток раненых с фронта. Один за другим открывались госпитали в Царском Селе. В начале 1915 года в Федоровском городке был организован Царскосельский лазарет № 17. В доме священников был устроен офицерский лазарет, в доме причетников — солдатский. В то время в соборе и городке еще шли строительные работы.

В 1918 году в Федоровском городке размещался 1-й Детскосельский отряд РККА, а затем городок принадлежал Петроградскому агрономическому институту. В годы Великой Отечественной войны городок был разрушен, сейчас ведутся работы по его восстановлению. Здесь будет открыт туристский комплекс.

...20 апреля 1916 года Есенин прибыл на военную службу в Царское Село. Он был назначен рядовым санитаром вагона № 6 и уже 27 апреля выехал с военно-санитарным поездом № 143, который вез раненых из госпиталей Петрограда и Царского Села в Крым. Затем поезд отправился на Юго-Западный фронт, откуда, взяв

новую партию раненых, вернулся в Царское Село 16 мая.

Служба в поезде была довольно трудной. Поэт выполнял обязанности рядового санитаря, питался из общесолдатского котла.

В середине июня поэт получил двухнедельный отпуск и уехал на родину. Вскоре по возвращении он был прикомандирован к Царскосельскому лазарету № 17 и канцелярии по постройке Федоровского собора. 12 августа 1916 года в письме к поэту Н. Н. Ливкину Есенин сообщал: «...я уже не в поезде, а в Царском Селе при постройке Феодоровского собора». В письмах того времени Есенин указывал свой адрес так: «Царское Село, канцелярия по постройке Феодоровского собора».

Жил поэт вместе с «низшими служащими» лазаретов в здании, которое примыкает к службам. «Здание частью одноэтажное, а частью двухэтажное, с мансардой и башнею,— писал С. С. Кричинский. — Заканчивается это здание с фасада оградой и одною из угловых башен с служебными при ней пристройками». Комната, в которой жил Есенин, находилась в одноэтажной части здания, окна ее выходили во двор (два окна у стены).

М. Мурашов, навестивший Есенина в Царском Селе, позже вспоминал: «Вхожу в открытые двери, попадаю в темный коридор, зажигаю спичку, ищу дверь. Их оказалось три. Пробую стучать по очереди. В первой комнате никого, только стояли серые низкие койки солдат. Во второй также никого. Вхожу в третью. Из правого угла с койки вскакивает Есенин и бросается на шею: «Миша! А я думал, что ты не приедешь!» Начал разглядывать комнату... Мрачная, продолговатая комната. В ней четыре койки, покрытые солдатскими одеялами. Койка Есенина была справа под окном. У койки небольшой столик и табурет. В головах койки чернела дощечка, на которой выведено мелом неровным почерком: «Сергей Есенин». ...Он был одет по-военному: в гимнастерку защитного цвета, русские сапоги и черные шаровары».

Служба в госпитале была не намного легче, чем в поезде. В Петрограде, куда звали поэта литературные дела, удавалось бывать с большим трудом. «В Петроград меня ни за что, по-видимому, не пустят»,— сообщал Есенин М. Мурашову в сентябре 1916 года. «Очень хотелось бы поговорить с Вами,— писал Есенин 20 ноября 1916 года писателю И. Ясинскому,— но совсем закабалили солдатскими узами, так что и вырваться не

могу. Сейчас готовлю книгу, вечерами, для печатания, но прежде хотелось бы провести ее по журналам...»

В Царском Селе Есенин готовил для печати второй сборник стихов «Голубень», много думал над сборником для детей «Зарянка», работал над новыми лирическими стихами. Очевидно, под непосредственным впечатлением службы в лазарете создано единственное стихотворение Есенина, связанное с его пребыванием в Царском Селе, — «В багровом зареве...». Оно проникнуто глубоким сочувствием к крестьянину, вырванному из обычной обстановки и искалеченному на войне:

На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...

Само Царское Село не нашло отражения в творчестве Есенина, — мыслью он постоянно уносился в просторы рязанских полей и лесов — они для него были символом Родины, России, любовь к которой является главной темой его творчества.

Пользуясь правом самому подбирать персонал поезда и лазарета, Ломан зачислил в лазарет, кроме Есенина, графика Г. И. Нарбута и чтеца В. В. Сладкопевцева, который выступал в концертах для раненых.

Ломан в то время часто организовывал в царско-сельских госпиталях концерты, стилизованные под народные празднества. Открывал их обычно оркестр балалаечников сводного пехотного полка, исполнявший официальные патриотические марши. Пенне гуслей сменялось плясками скоморохов, чтение стихов — нравоучительными сценками, частушки чередовались с цыганскими романсами. На концертах выступали ансамбль балалаечников под управлением В. Андреева, ансамбль гуслей Н. Голосова, чтец В. Сладкопевцев, сказительница Варвара Устругова, артист Малого театра Артамонов и другие.

Есенин тоже принимал участие в этих концертах и сблизился с многими артистами.

Об одном из выступлений Есенина в Федоровском городке Ю. Д. Ломан, сын полковника Ломана, вспоминал: «В следующий раз я увидел Есенина на концерте в солдатском лазарете. Там были устроены подмости, на которых выступали артисты. Есенин был одет в русский костюм и читал свои стихи.

После концерта отец устроил для артистов в столовой ужин. Во время ужина артисты пели и играли на

различных музыкальных инструментах. Есенин читал стихи, из которых я запомнил „Русь”».

28 декабря 1916 года в трапезной Федоровского городка состоялся вечер «народного искусства», устроенный «Обществом возрождения художественной Руси».

Вот как рисует трапезную в своих воспоминаниях Ю. Д. Ломан:

«Это был двухэтажный каменный дом, отделанный белым камнем и напоминающий Грановитую палату. В нем было много сводчатых палат, расписанных старинным русским орнаментом, узорчатых лестниц и переходов. Дом был обставлен специально сделанной мебелью в русском старинном стиле.

В трапезной палате, расписанной древними русскими гербами, происходили заседания „Общества возрождения художественной Руси”».

На вечере выступали С. Есенин, артисты Императорских театров Н. Ходотов, В. Давыдов, балерина Агриппина Ваганова, известный исполнитель цыганских романсов Ю. Морфесси, а также ансамбль балалаечников под управлением В. Андреева.

Есенин читал свою поэму «Микола» и стихи из цикла «Маковые побасенки».

Члены «Общества возрождения художественной Руси» нередко собирались в квартире полковника Ломана, которая находилась сначала на императорской ферме, недалеко от Федоровского городка, а с 12 февраля 1917 года — в здании трапезной. По свидетельству Ю. Д. Ломана, квартира была вся заставлена предметами старинного русского обихода. «По вечерам,— вспоминает Ю. Д. Ломан,— в гостиной или кабинете отца собирались художники, архитекторы, музыканты, собиратели древностей и литераторы. Велись горячие споры о русской старине, о чистоте нашей речи и о возрождении художественной Руси.

Из гостей мне запомнились художники В. М. и А. М. Васнецовы, М. В. Нестеров, Н. К. Рерих, И. Я. Билибин; архитекторы А. В. Щусев, А. В. Померанцев и С. С. Кричинский, заходил руководитель великорусского оркестра В. В. Андреев, а коллекционер древних русских икон академик Н. П. Лихачев привозил показывать редчайшие древние иконы».

Бывал у Ломана и Есенин. Первый раз его привел к нему Н. Ключев. Ю. Д. Ломан рассказывает: «...раздался звонок, и в передней появился поэт Ключев, которого

я довольно хорошо знал, а с ним пришел очень молодой кудрявый блондин.

Поразила меня молодость гостя и его волосы. Когда гости ушли, я спросил, кто это был, отец ответил, что это крестьянский поэт, самородок Сергей Есенин и что он будет служить в Федоровском городке».

Во время пребывания в Царском Селе Есенин общался с Разумником Васильевичем Ивановым, который жил там постоянно.

Р. В. Иванов, известный в те годы литературовед и социолог, печатался под псевдонимом Р. Иванов-Разумник. Его идеалистические взгляды не раз подвергал резкой критике М. Горький. После 1917 года Иванов-Разумник примкнул к левым эсерам. Умер в Германии в 1946 году.

Иванов-Разумник стремился внушить Есенину мысль, что Есенин и Клюев являются выразителями «народного духа» в искусстве, своеобразными пророками новой, «мужицкой» России. В. А. Рождественский вспоминал: «Литературные его (Есенина. — Г. Б.) друзья той поры, вроде Р. В. Иванова-Разумника, А. Белого, А. Ремизова, только сбивали его с толку... Они льстили его безграничному самолюбию и провозглашали чуть ли не «пророком» нового мира...»

В Царском Селе Есенин был представлен императрице. Позже в одной из автобиографий он писал об этом: «По просьбе Ломана однажды читал стихи императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылался на бедность, климат и проч.». Ю. Морфесси вспоминал, что Есенин был представлен царице вместе с Клюевым, как «два самородка из мужиков». «Оба они были в стрелецких костюмах,— писал Ю. Морфесси.— Не берусь утверждать, но, кажется, Ломан одел их в стрелецкое платье, чтобы представить... императрице».

Однажды Ломан предложил Клюеву и Есенину издать совместный сборник, который воспевал бы «лик царя и аромат храмины государевой». Поэты отказались. В. А. Рождественский вспоминал, как Есенин ему однажды говорил: «Доложил кто-то, что, вот, есть здесь санитар Есенин, патриотические стихи пишет. Заинтересовались. Велели читать. Я читаю, а они вздыхают: «Ах, это все о народе, о великом нашем мученике-страдаль-

це»...— И платочек из сумочки вынимают. Такое меня зло взяло. Думаю, что вы в этом народе понимаете».

По свидетельству М. Мурашова, Есенин часто просил своего друга «устроить его переезд куда-нибудь». «Я продолжал ездить к нему довольно часто,— писал Мурашов,— он тяготился своим пребыванием в Царском Селе, с каждым днем вокруг него сгущалась тяжелая атмосфера...»

19 февраля 1917 года, накануне Февральской революции, состоялось еще одно выступление Есенина на концерте в Царском Селе. Концерт был организован в трапезной Федоровского городка для членов «Общества возрождения художественной Руси». 24 февраля 1917 года газета «Царскосельское дело» в заметке «Поездка и осмотр членами „Общества возрождения художественной Руси“ русских построек» сообщала, что за «завтраком гостей развлекало прекрасное пение клириков собора и сказание стихов поэта-самородка из Рязани».

Вскоре после Февральской революции Царскосельский военно-санитарный поезд поступил в распоряжение Главного военно-санитарного управления. В связи с передачей поезда и сокращением штата санитаров Есенин был направлен «в распоряжение воинской комиссии при Государственной думе». 17 марта 1917 года его служба в Царском Селе официально закончилась. Вскоре Есенин вообще расстался с армией.

Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу», и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год,—

писал он позже в поэме «Анна Снегина».

Прошло несколько лет, наполненных грандиозными событиями: свершилась Октябрьская революция, отгремела гражданская война. И вот Есенину снова довелось побывать в Царском Селе — теперь уже Детском Селе. Летом 1924 года поэт был приглашен выступать в санатории ЦЕКУБУ (так сокращенно называлась Центральная комиссия по улучшению быта ученых). Санаторий находился недалеко от вокзала, на нечетной стороне Широкой улицы (ныне улица Ленина). Это был двухэтажный деревянный особняк, с улицы почти совсем закрытый густо разросшейся сиренью (до наших дней не сохранился).

Вместе с Есениным в Детское Село приехал В. А. Рождественский, который должен был сделать доклад

о его творчестве. «Поезд подошел к детскосельскому перрону,— вспоминал Рождественский. — Мы вышли на широкую привокзальную улицу, осененную свежей листвою старых дубов... Многие напомнили они и Сергею о той поре, когда в солдатской шинели возвращался он из Петрограда и бегом торопился поспеть в свой госпиталь к вечерней поверке».

За прошедшие годы Есенин очень изменился. В. А. Рождественский, который близко знал поэта, рассказывал далее: «Он быстро переходил от взрывов веселья к самой черной меланхолии, бывал непривычно замкнут и недоверчив. Сколько раз говорил он, что жизнь опережает его и что он боится оказаться лишним, остаться где-то в стороне. ...Тягостным было для него и то, что, несмотря на всю свою славу, он чувствовал себя бесконечно одиноким».

В санатории поэтов уже ждали. Отдыхавшие здесь научные работники и литераторы собрались вокруг длинного стола на большой застекленной веранде. На стол поставили блюдо клубники. Вот как Рождественский рассказывал о выступлении Есенина: «Есенин отбросил в сторону шляпу, взъерошил волосы, снял пиджак, и в белой рубашке, с широко растянутым воротом стал похож на мальчика-подростка, приехавшего домой на каникулы. С веселыми прибаутками болтал он с хозяевами, нещадно поглощал клубнику, передразнивал забежавшую из комнат собачонку, рисовал что-то цветными карандашами в тетрадке двенадцатилетней девочки с толстыми косами, и ни единой тени недавнего горького раздумья не было на его внезапно помолодевшем лице».

Незаметно стемнело, сильнее запахло цветы, из-за деревьев выплыла луна. «Есенин сел на одной из ступенек,— продолжает Рождественский,— и просто, без всякого предисловия начал читать стихи. Это была исключительно лирика — мягкая и бестревожная, как и этот вечер... Есенин читал тихо, без всякого жеста, и каждое его слово приобретало от этого особую выразительность. В белесом отсвете северной ночи чуть поблескивали его глаза».

Ночевать остались в санатории, где поэтам отвели комнату в первом этаже. А рано утром Есенин был уже в лицейском садике... Разбудив по дороге фотографа, он притащил его к памятнику Пушкину и упросил сфотографировать себя рядом.

В том же 1924 году Есенин выступал в Детском Селе в Ратной палате, которая находилась недалеко от Федоровского собора. В то время в Ратной палате размещался студенческий клуб. Вот как рассказывала об этом выступлении поэта старая жительница города К. А. Колясина:

«На сцене появился молодой светловолосый человек в сером костюме с белой астрой в петлице... Студенческая аудитория бурно приветствует его. Он объявляет выступление поэта Ивана Приблудного, потом Николая Клюева... Вдруг раздались дружные возгласы: «Читайте, пожалуйста, сами!» Просьба подхвачена всем залом. И он начинает читать свои стихи.

...Поэт читал увлеченно, щедро даря залу новые и новые стихи: „Разбуди меня завтра рано...“, „Пахнет рыхлыми драценами...“, „Все живое особой метой...“.

После концерта студенты провожали Есенина на вокзал. Когда он спросил, понравился ли концерт, то услышал восторженный ответ: «Понравились ваши стихи!» Прощаясь с поэтом, молодежь просила его почаще приезжать в Детское Село. Он обещал непременно приехать...

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ М. ГОРЬКОГО

Восемнадцатого июня 1941 года, за четыре дня до начала Великой Отечественной войны, в Пушкине в туберкулезном санатории, занимавшем дом № 46 по Пролетарской улице (ныне участок дома № 6 по Октябрьскому бульвару), состоялось торжественное открытие комнаты-музея А. М. Горького. На здании санатория была установлена мемориальная доска, сообщавшая о том, что писатель жил в этом доме в 1919 году.

Санаторий находился здесь с 1921 года. До 1921 года это был частный дом, принадлежавший купцу Скороспехову.

Музей, открытый к 5-летней годовщине со дня смерти Горького, размещался в комнате, которая когда-то служила писателю кабинетом.

На открытии музея присутствовали представители райкома партии и газеты «Большевистское слово», трудящиеся города и отдыхающие в санатории, студенты, школьники. В эти дни газета «Большевистское слово»

опубликовала ряд материалов, связанных с организацией и открытием музея, а также воспоминания людей, когда-то встречавшихся с Горьким в Детском Селе.

Интересно, что сам факт пребывания Горького в Детском Селе почти неизвестен. В «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» о нем не упоминается. В мемуарной литературе пребывание Горького в Детском Селе отмечено только в воспоминаниях немецкого писателя Макса Бартеля, в то время находившегося в Петрограде. Рассказывая об одном из массовых театрализованных представлений в Петрограде перед зданием Биржи, на котором присутствовал Горький, Бартель писал: «И когда, в конце представления, лошадь одного из мчавшихся мимо казаков упала и из уст в уста прошел шепот, что ее придется застрелить... Горький... сказал, что лошадь убивать не следует, что он возьмет ее к себе в Детское Село, будет ходить за нею и вылечит ее».

О том, как удалось установить, где жил Горький в Детском Селе, подробно рассказывает Анастасия Григорьевна Лебедева, в предвоенные годы работавшая в санатории. Машинописная рукопись ее воспоминаний находится в отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом).

«Заведующий санаторием... Михаил Павлович Уманский... как-то сообщил мне, что в главном здании санатория жил некоторое время Горький», — вспоминает Лебедева. И дальше она пишет: «Начались поиски людей, встречавшихся с Горьким в Детском Селе. Это был 1940-й год, то есть нужно было устанавливать события двадцатилетней давности... Удалось уточнить, какие комнаты занимал писатель и кто жил в них».

Были найдены люди, встречавшиеся с Горьким в Детском Селе. Это известная художница В. М. Ходасевич, близкий знакомый Горького по Петрограду Ф. Э. Криммер, жители Пушкина — вдова художника А. Я. Головина, художник В. И. Яковлев и другие.

«В мае 1941 года, — рассказывает А. Г. Лебедева, — во время командировки в Москве, в музее А. М. Горького я встретила с Екатериной Павловной Пешковой. Она сказала, что непременно придет летом вместе с внучками в Пушкин и расскажет о жизни в нем Алексея Максимовича. Она хорошо помнила дом, расположение комнат и обстановку в них. Екатерина Павловна вспомнила также о посещении Алексеем Максимови-

чем дворцов-музеев...» Е. П. Пешкова не смогла приехать в Пушкин — вскоре началась война.

В Москве А. Г. Лебедева встретила и с художником Фридрихом Эдуардовичем Криммером, который жил в 1920-х годах в Петрограде. Он помогал подыскать квартиру для Горького в Детском Селе.

Дата на мемориальной доске на здании санатория — 1919 год — была указана со слов художника В. И. Яковлева.

Э. Голлербах в статье «А. М. Горький в Детском Селе», опубликованной в газете «Большевистское слово» 17 июня 1941 года, указывал другую дату — 1920 год. Он писал: «Некоторые сведения о детскосельской квартире Горького любезно сообщила нам художница В. М. Ходасевич, посещавшая в 1920 году писателя в Детском Селе». Возможно, что В. И. Яковлев ошибся, назвав 1919 год, но не исключено также, что Горький жил здесь два лета: в 1919 и 1920 годах.

В Детское Село Горький переехал по настоянию врачей и близких. У писателя в то время обострился туберкулезный процесс в легких, а микроклимат Детского Села врачи считали благоприятным для лечения болезни. По словам В. М. Ходасевич, «затея временного переселения (на лето) в Детское Село... не встречала в нем особенного сочувствия». Время было напряженное, работы много.

В конце апреля или в мае 1920 года Горький писал английскому писателю Г. Уэллсу: «Как я живу — спрашиваете Вы. Очень много работаю в области просвещения народа, но ничего не пишу. Организовал издание всей европейской литературы XIX в., конечно, только образцовых ее произведений. Это — около трех тысяч томов. Затем организовал издательство по естественным наукам — очень широкое, начиная от самых популярных книг и до университетских курсов и классических сочинений по естествознанию. Состою председателем комиссии по улучшению быта ученых, еще несколько раз председатель в различных организациях культурно-просветительного характера». В то же время Горький вел большую работу по созданию первого советского театра в Петрограде, который носит его имя, и организации Дома ученых.

М. Слонимский, вспоминая об этом периоде жизни Горького; писал: «Было подчас непонятно, как это хватает времени у Горького на все, что он делал. Он вел

огромную организационную и общественно-политическую работу, читал и редактировал громадное количество рукописей, писал, регулярно принимал посетителей по самым разнообразным делам, иногда не имеющим никакого касательства к литературе».

Детское Село было для Горького местом отдыха. Не случайно, когда решался вопрос о том, где снять квартиру, выбор пал на дом Скороспехова. Этот двухэтажный деревянный дом стоял на самом краю города — в конце Пролетарской улицы, на углу Октябрьского бульвара. За бульваром расстиралось поле; в те годы до Кузьмина почти не было построек. Место было тихое и спокойное. Дом окружал большой сад. Еще в течение нескольких лет после войны в саду существовала беседка, в которой когда-то любил отдыхать Горький.

Горький занимал несколько комнат во втором этаже (в первом этаже жила семья Скороспехова). По свидетельству В. М. Ходасевич, «квартира была недостаточно комфортабельная, мало приспособлена для отдыха, скудно обставлена случайными вещами и довольно неуютна». Самая большая комната, с двумя окнами, выходящими в сад со стороны Пролетарской улицы, служила писателю кабинетом. В нее привезли большой письменный стол — вся остальная мебель в квартире была «хозяйская». В коридоре провели телефон. Остальные комнаты занимали сын писателя Максим Алексеевич Пешков, секретарь Горького по издательству «Всемирная литература» М. И. Бенкендорф-Закревская, домработница А. Ф. Гульбе. Одна из комнат предназначалась для гостей.

Сыну Горького в 1920 году было 23 года. В. М. Ходасевич, близко знавшая всю семью писателя, вспоминала: «Сын Алексея Максимовича — Максим — был разносторонне одаренным человеком. Он очень многим интересовался и многое знал. Умел быть очень хорошим, преданным другом. Отзывчивость к людям воспринял он от отца и от матери своей Е. П. Пешковой. Он был членом ВКП(б) и всегда с энтузиазмом выполнял разные поручения партии, одним из которых и была его жизнь около отца... Не так-то легко было быть сыном Горького. Жизнь Максима в ту пору в основном была подчинена нуждам Алексея Максимовича, он был и его секретарем, и ведал хозяйственными делами. Зная хорошо европейские языки, он также бывал и переводчиком. Он с легкостью сочинял стихи, пародии, калам-

буры... Он любил спорт, хорошо играл в теннис, прекрасно водил машину и даже участвовал в автомобильных гонках в Италии, что скрывал от Алексея Максимовича. Внешне он был очень привлекательным, почти красивым — похожим на мать.

Не будучи художником-профессионалом, Максим очень много рисовал акварелью необычайно причудливые по форме и мыслям композиции...»

Максим старался облегчить огромный повседневный труд отца — он видел в этом не только сыновний долг, но и дело, полезное для миллионов людей. В эти годы Максим был главным секретарем и помощником Горького. Он переводил для отца письма, статьи, часто перепечатывал на машинке его рукописи — Горький шуточно называл его своим «печатным станком». Он часто вел машину, в которой ехал Горький, а еще чаще совершал поездки один, выполняя поручения отца. «Максим Пешков был простой, широкий, душевный человек и патриот», — вспоминал писатель Л. В. Никулин.

Э. Ф. Голлербах в статье, напечатанной в газете «Большевистское слово» 17 июня 1941 года, приводит отрывки из письма Ф. Э. Криммера, которого он попросил рассказать о жизни Горького в Детском Селе: «Обычно удавалось А. М. выезжать в Детское Село на субботу и воскресенье, редко на понедельник. На дачу он выезжал с сыном, М. А.; на воскресенье я приезжал. Занимал А. М. верхний этаж дачи, обстановка была дачная, самая необходимая. На террасе дачи обычно и проводил вечера А. М.; гулял по направлению к Египетским воротам, иногда в Баболово... Часто ходили вечерами на ферму Сельскохозяйственного института играть в городки... Часто нам рассказывал свои будущие произведения. Рассказывал охотно и хорошо, обычно засиживались и заслушивались до утра».

В Детском Селе Горький был впервые. Он знакомился с городом, посещал дворцы и парки. Вспоминая о встречах с Горьким, В. И. Яковлев рассказывал: «Проходя однажды по верхнему садоводству Александровского парка, я увидел сначала высокую фигуру Алексея Максимовича, а затем и его сына Максима Алексеевича Пешкова... Я тут же условился с Алексеем Максимовичем о дне и часе, когда ему будет удобно осмотреть главные памятники города.

Встреча эта с самого начала носила теплый и сердечный характер. Писатель останавливался на всем:

его интересовала и архитектура, и живопись, и скульптура, и мебель, и фарфор, и ткани, но особенно Алексей Максимович оживлялся, когда он рассматривал изделия из нефрита.

Я редко встречал людей, которые бы с таким искренним волнением, с такой молодой неподдельной любовью могли воспринимать впечатления от предметов искусства...»

В Детском Селе близкие старались создать Горькому обстановку тишины и покоя. Очень немногим было известно, что писатель здесь на даче. В Детском Селе Горький оказался в непривычном для него уединении: не было постоянного потока посетителей, круг его знакомых здесь был очень небольшим. Несколько раз Горький посетил художника Александра Яковлевича Головина, постоянно жившего тогда в Детском Селе.

Жена художника Анна Яковлевна впоследствии вспоминала: «Горький пришел к нам первый раз с Криммером и М. И. Бенкендорф (мы жили тогда на улице Революции, 36). Он был недолго. Второй раз А. М. пришел один. Нас не было дома, и Горький дожидался нас в саду. Это было в конце июля 1920 года. В петлице у Горького была веточка жасмину: он попросил жасмину у нашей домработницы, а когда она ему отломилась ветку, он сказал шутя: «Хозяев нет, нельзя много ломать». Мы потом ему дали целый букет с собой».

Горький предложил Головину написать иллюстрации к «1001 ночи». «Этого никто не почувствует, как Вы почувствуете дух Шехерезады», — говорил он, по свидетельству А. Я. Головиной, художнику. Головин собирался написать портрет Горького, но занятость писателя не дала ему возможности позировать художнику.

По воспоминаниям Ф. Э. Криммера, к Горькому в Детское Село приезжал Ф. И. Шаляпин, а однажды к нему сюда приехал Фритьоф Нансен. Известный полярный исследователь и крупнейший ученый, талантливый писатель и видный общественный деятель, Нансен был верным другом молодого Советского государства.

Горький и Нансен познакомились заочно еще в 1916 году, когда Горький обратился к нему с просьбой написать биографию Христофора Колумба для задуманной писателем серии книг, посвященной жизни замечательных людей. Нансен ответил согласием, но война помешала ему осуществить этот замысел. В 1920 году Нансен приехал в Советскую Россию для переговоров об

эвакуации всеннопленных и в Петрограде впервые встретился с Горьким.

Встречи и беседы с писателем произвели на Нансена неизгладимое впечатление. 2 сентября 1920 года Нансен писал Горькому из Норвегии: «С тех пор, как мы расстались, я много думаю о Вас и обо всем, что Вы мне рассказали, и, признаюсь, очень за Вас беспокоюсь, так как при нашей встрече Вы выглядели неважно. Я считаю, что Вам совершенно необходимо изменить обстановку и питание, и поэтому Вы должны на время покинуть Россию. Мне кажется, что Вам, например, было бы очень полезно пожить некоторое время в Норвегии или где-нибудь на юге, если Вы это предпочитаете. Петроградский климат Вам в настоящее время вреден. У Вас слишком слабое здоровье для того, чтобы выдержать его, и оставаться в Петрограде на следующую зиму Вам было бы просто опасно.

Я это очень остро ощущаю, и Вы, конечно, должны понимать, что Ваша жизнь слишком драгоценна для всего мира, так же как и для Вашей родины, чтобы непростительно пренебречь всем необходимым для укрепления Вашего здоровья».

Горький в сентябре того же года, отвечая Нансену, писал: «Дорогой Фритъоф Нансен! Я очень тронут Вашим письмом и сердечно благодарю Вас за приглашение приехать в Норвегию, литературу и людей которой я давно искренно люблю».

В 1920 году, по инициативе Горького, который возглавлял тогда Петроградскую комиссию по улучшению быта ученых, в Детском Селе была организована здравница для ученых. Размещалась она в доме № 7 по Московскому шоссе. В годы голода и разрухи Горький всегда проявлял огромную заботу об ученых и писателях. Приезжая из Петрограда в Детское Село, ученые попадали в уютную обстановку, их встречали здесь с большой заботой. По свидетельству медицинской сестры Е. М. Зайцевой-Савик, «Алексей Максимович приходил на Московское шоссе в течение лета 2—3 раза».

Во время Великой Отечественной войны дом, в котором жил когда-то Горький, был разрушен, погибли и экспонаты комнаты-музея. Сейчас на его месте стоит четырехэтажное здание противотуберкулезного диспансера. Не сохранился и дом, в котором размещалась здравница для ученых.

УЧЕНИЦА ХУДОЖНИКА ЧИСТЯКОВА

Если с Советского бульвара свернуть в Московские ворота и пройти немного по правой стороне Московского шоссе, то в глубине сада можно увидеть двухэтажный деревянный дом с необычно большим окном на втором этаже на переднем фасаде (Московское шоссе, 23). На белой мемориальной доске написано: «В этом доме жил, работал и скончался художник Павел Петрович Чистяков. 1876—1919».

П. П. Чистяков — известный русский художник-реалист и замечательный педагог, оказавший большое влияние на развитие творчества многих крупнейших русских живописцев. У него после окончания академического курса брали уроки И. Е. Репин и В. Д. Поленов, в натурном классе Академии художеств у него учился В. И. Суриков. «Всеобщим педагогом русских художников» называл Чистякова В. В. Стасов. Многим обязаны ему замечательные мастера живописи М. А. Врубель, Н. К. Рерих, В. Е. Савинский, И. Э. Грабарь, Д. Н. Кардовский, В. А. Серов и другие. Все они навсегда сохранили чувство глубокой признательности к своему учителю.

С Чистяковым были дружны многие выдающиеся его современники: Д. И. Менделеев, братья Боткины — С. П. Боткин, талантливейший русский врач и ученый, и М. П. Боткин, живописец, академик, И. И. Срезневский, крупный русский филолог-славист, основоположник изучения истории русского языка, и другие. П. М. Третьяков, приобретая картины, почти всегда советовался с Чистяковым.

Павел Петрович Чистяков родился 23 июня 1832 года в Тверской губернии в семье крепостного крестьянина. Благодаря особому расположению барина к его отцу будущий художник при рождении получил вольную. Рисовать Чистяков начал с детских лет и уже подростком мечтал стать художником. После окончания уездного училища он два года работал землемером, а затем, шестнадцатилетним юношей, на взятые отцом в долг «семнадцать с полтиной», уехал в Петербург.

Настоящий талант и огромная работоспособность помогли художнику преодолеть все трудности. В 1861 году он закончил Академию художеств и потом много лет преподавал в ней. В 1914 году Чистяков вышел в отставку.

С 1876 года Чистяков жил на своей даче в Царском Селе.

В мае 1878 года художник сообщал адрес дачи В. Д. Поленову и Р. С. Левницкому: «С.-Петербург, Царское Село, Фридентальская колония, П. П. Чистякову».

Колония Фриденталь, тогда застроенная небольшими старинными домиками, находилась за Московскими воротами с левой стороны Московского шоссе. Она была заселена в начале XIX века иностранными мастерами различных профессий, в основном садоводами и огородниками, а также специалистами по изготовлению изделий из шерсти, шелка и льна. По данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года», во Фридентальской колонии в конце XIX века проживало 228 человек.

Напротив колонии, с правой стороны Московского шоссе, располагались дачи, одна из которых и принадлежала Чистякову. С этой дачей, построенной в 1876 году, связано сорок три года жизни художника, причем последние пять лет, после того как в 1914 году Чистяков окончательно оставил службу в Академии художеств, он жил здесь постоянно.

Многих замечательных людей видел в своих стенах этот дом, воссозданный ныне по сохранившимся документам. Здесь будет открыт мемориальный музей П. П. Чистякова.

Среди тех, кто бывал у Чистякова, и известная советская писательница Ольга Дмитриевна Форш (урожденная Комарова), которая много лет была дружна с семьей художника.

Человек разносторонне одаренный, Форш не сразу осознала свое писательское призвание. Ее первой профессией в искусстве была живопись. Она писала картины, выставляла их, преподавала рисование.

Семья Комаровых, из которой вышла писательница, была во многих отношениях замечательной. У деда Форш Виссариона Саввича Комарова было восемь сыновей — почти все военные. Отец писательницы — генерал Дмитрий Виссарионович Комаров двадцать пять лет служил на Кавказе, во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов командовал русскими войсками в сражениях под Зивном и Ихидзире.

О. Форш всегда гордилась тем, что «помимо военных в семье были и научные интересы». Ее двоюродный брат Владимир Леонтьевич Комаров — выдающийся

ученый-ботаник, географ и путешественник, с 1936 по 1945 год — президент Академии наук СССР. Впоследствии О. Форш писала: «Отец состоял членом Географического общества, дядя мой, А. В. Комаров, генерал-губернатор Закаспийской области, бравший Кушку, считался незаурядным археологом. Часть его коллекций и раскопок, сделанных в курганах, принесены в дар Московскому историческому музею.

Склонность к умственному труду в членах второго поколения нашей семьи выражена по линии научной в лице моего двоюродного брата В. Л. Комарова... двоюродной сестры — писательницы О. П. Руновой и меня — в области литературы».

О. Д. Форш родилась в 1873 году в Дагестане, где ее отец в то время занимал пост начальника военного округа Среднего Дагестана. Ее мать умерла, когда девочке было всего несколько месяцев. Детство писательницы прошло на Кавказе. Училась она в Москве: сначала в Александровском училище для малолетних дворянских сирот (в так называемом Разумовском пансионе), затем в Николаевском сиротском женском институте. В 1891 году Ольга Дмитриевна получила звание «первоначальной учительницы с правом обучать порученных детей... наукам, языкам и искусствам».

В те годы Форш мечтала стать художницей и сразу после окончания Николаевского института поступила в Киевскую рисовальную школу, где провела около полугода. В 1893—1894 годах она училась в Одессе в рисовальной школе Общества изящных искусств, а в начале 1895 года приехала в столицу.

В Петербурге Форш начала учиться живописи у П. П. Чистякова в его домашней мастерской, на 3-й линии Васильевского острова.

Впоследствии Форш писала: «Сознательное, зрелое отношение к искусству внушил мне... замечательный художник и педагог философского склада Павел Петрович Чистяков. ...Он много и глубоко говорил нам об искусстве. Это были не только профессиональные речи о живописи, а воспитание вкуса вообще, расширение познаний, обогащение всей душевной и умственной жизни учеников. Художник имел редкий дар — заражать своим высоким умением видеть вещи, события, весь мир — глубоко изнутри...

— Не у всех одни глаза, у каждого свои. Вот и надо это оправдать: не просто смотреть, а видеть».

У Чистякова Ольга Дмитриевна встречалась с молодежью семьи Форш. Сестра ее будущего мужа Бориса Эдуардовича Ольга Форш также посещала занятия в мастерской художника. Б. Э. Форш, за которого Ольга Дмитриевна в сентябре 1895 года вышла замуж, был военным. Современники знали его как человека глубоко образованного, прекрасного математика. А отец Бориса Эдуардовича в течение пятидесяти лет состоял членом Географического общества, в свое время снаряжал экспедицию Пржевальского.

Некоторое время семья Форш жила в Польше — по месту службы Бориса Эдуардовича, затем переехала в окрестности Киева, а через несколько лет, после того как Б. Э. Форш вышел в отставку, поселилась в Киеве. Здесь Ольга Дмитриевна преподавала рисование и лепку в частной гимназии.

Наряду с живописью, ее всегда влекло и литературное творчество. «Когда я еще училась в рисовальной школе, — вспоминала Форш, — мне куда больше хотелось писать, чем рисовать, но из-под пера ничего хорошего не выходило: от волнения пропадала всякая возможность ярко выразить свои мысли словами. Печатала я в мелких журналах пустяки, вроде «Черешни». Наконец, первый удавшийся, как мне показалось, рассказ я, осмелев, послала в «Русскую мысль». В 1908 году он был напечатан под заглавием „Был генерал“».

Занятия живописью, учеба у Чистякова, знакомство с художниками — все это обусловило многие присущие Форш особенности творчества. Проблемы живописи и архитектуры, размышления о месте художника в обществе занимают большое место в ряде ее произведений. Это и повести «Рыцарь из Нюрнберга» (1908), «Белый слон» (1911), и романы «Современники» и «Михайловский замок».

В 1910 году семья Форш переехала в столицу, но поселилась не в самом Петербурге, а в Царском Селе. Дочь писательницы Тамара Борисовна Форш, живущая в Ленинграде, рассказывает, что лето 1910 года прожили в деревне Липицы, недалеко от Царского Села, а с осени переехали во Фриденвальскую колонию, где сняли квартиру почти напротив дома Чистякова. Квартира эта была летняя, в ней было очень холодно, и весной 1911 года снова пришлось переехать. Кстати, за семь лет жизни в Царском Селе сменили семь квартир. С весны 1911 года семья Форш поселилась в доме Москвина по

Малой улице (дом не сохранился, ныне участок дома № 52 по улице Революции).

В том же 1911 году переехали на Колпинскую улицу, в дом гробовщика Треблова (ныне незастроенный участок рядом с домом № 36 по Пушкинской улице). По данным «Материалов Царскосельской уездной земской управы» за 1908 год, Треблову принадлежал «деревянный дом, флигель в 2 этажа, службы и сад».

От Треблова переехали на Конюшенную улицу (ныне улица Первого Мая), где, как вспоминает Т. Б. Форш, поселились в небольшом деревянном доме, недалеко от аптеки А. Дерингера (на противоположной стороне). Аптека находилась на углу Московской и Конюшенной улиц (ныне дом № 20/45 по улице Первого Мая).

Дом, в котором жила семья Форш, стоял во дворе. Но определить участок, который он занимал, не удалось.

В 1915—1916 годах жили в доме Помогаева (ныне Московское шоссе, 38). Этот двухэтажный деревянный дом сохранился почти без изменений. Квартира находилась на втором этаже, в ней была большая веранда. Окна квартиры выходили на железнодорожное полотно, веранда — на Московское шоссе. По свидетельству Т. Б. Форш, осенью на веранде, прямо на полу, хранились антоновские яблоки, и аромат яблок пропитывал всю квартиру.

Из этого дома ушел на первую мировую войну Б. Э. Форш. После победы Октябрьской революции он служил в Красной Армии. Умер Б. Э. Форш в гражданскую войну.

В 1916—1917 годах О. Д. Форш с детьми жила у Чистякова в небольшом двухэтажном деревянном домике, который стоял в саду почти сразу справа от калитки. Домик имел форму маленькой башни. Ольга Дмитриевна называла его «плач Ярославны». Внизу помещались прачечная и дворницкая, а наверху были две комнаты, которые и занимала семья Форш. Домик разрушен фашистами во время Великой Отечественной войны.

Живя в Царском Селе, Форш преподавала рисование и лепку в частной школе Е. С. Левицкой и вела художественное воспитание в детском саду Л. А. Пушкина. Школа Левицкой находилась на Новодеревенской улице, за железной дорогой (если ехать из Петербурга, то налево за железнодорожным полотном), ря-

дом с ипподромом, который располагался почти у самой станции.

Человек прогрессивно мыслящий, Е. С. Левицкая пыталась в своей школе построить преподавание и воспитание на научной основе. В ее школе учились вместе и девочки, и мальчики — это была первая в России средняя школа совместного обучения. Большое внимание уделялось эстетическому воспитанию детей, спорту, играм на открытом воздухе. У учащихся была форма: синие юбки, белые блузы, на блузе — герб школы — подснежник. У мальчиков короткие штаны, кепи. На кепи — герб школы.

В школе Левицкой было два приготовительных и четыре основных класса. Программа школы соответствовала программе мужской классической гимназии.

Большое участие в организации школы, разработке программы обучения и методики преподавания принимал И. Ф. Анненский, который был хорошо знаком с Ольгой Дмитриевной.

Литературу в школе Левицкой преподавал тогда совсем молодой В. Е. Евгеньев-Максимов — впоследствии крупный советский литературовед. На должность преподавателя латыни был приглашен известный археолог Р. Х. Лапер. Уроки физики и химии вел Н. С. Холин, ставший тоже ученым. Работа среди таких педагогов давала О. Д. Форш очень многое.

Занимаясь с детьми в детском саду Л. А. Пушкаревой, Форш разработала целую систему начального эстетического воспитания. Она старалась пробудить в своих воспитанниках чувство прекрасного, научить их «видеть» природу и образно передавать свои впечатления.

Ко времени приезда в Царское Село Форш уже была известна как писательница. Позже она рассказывала: «Когда мне пришлось для воспитания своих детей стать учительницей рисования в бывшем Царском Селе, я уже непрерывно печаталась в многих журналах: в «Журнале для всех», у Миролюбова, в «Заветах», «Скифах», «Нашем пути». Февральская революция застала меня в Царском Селе, где я работала учительницей рисования».

В период жизни в Царском Селе семья Форш еще больше сблизилась с семьей П. П. Чистякова.

Много лет спустя, в 1928 году, О. Д. Форш и искусствовед С. П. Яремич написали книгу о П. П. Чистякове. Форш вспоминала: «Взойдешь в сад через калитку, и уже от березы, которая, как свеча-великанша, белеет

среди тусклых осин, видно, сидит Павел Петрович на террасе и кто-то читает ему. Из многолетних лиловых флокусов, разросшихся в кусты, выскочил нелепый пес Чурка, до того пятнистый, что походит на испещренную кляксами белую промокашку, а не на собаку.

— Сумасшедший! — крикнул на него Павел Петрович, привстал глянуть из-под руки, кто идет. — А, здравствуйте! — протянул руку с сломанным пальцем. Сюртук на нем новый, как, бывало, в Академию ездил. На ногах сапоги мягкие, у которых, засучив штанину, предложит непременно пощупать голенище, прибавит окая: дворянские сапоги! На голове не обыкновенная, черная Тицианова шапочка, а белая, крупно вязанная, из толстой бумаги, совсем похожа, как надевают в старомодных домах на чайник». И далее: «Братец, пожалуйста чай пить, — позвала старшего брата, по деревенскому обычаю на вы, бабушка в белом платочке, сестра Павла Петровича. Стол узкий, длинный, в столовой по рисунку Павла Петровича обшиты стены белым деревом. Посередине арка: зеленый плющ заткал ее всю, стелется вниз по широким окнам. За стеклом побиты дождем, опущены головки оранжевых и лиловых астр».

В доме Чистякова всегда было многолюдно. О. Д. Форш рассказывает о том, что людей художник «жалел бесконечно. Всегда жили в доме не только бесчисленные тверские родственники, но и совсем чужие случайные подростки».

В Царском Селе Форш часто бывала у Р. В. Иванова-Разумника. У него можно было встретить многих литераторов — А. М. Ремизова, Андрея Белого, Ф. К. Соллогуба, М. М. Пришвина и других.

Приезжал из Петербурга к Иванову-Разумнику и А. А. Блок. О поездках в Царское Село он не раз упоминает в письмах и записных книжках.

В Царском Селе Блок бывал не только у Иванова-Разумника. Чаще он посещал здесь одного из ближайших своих друзей — литератора Евгения Павловича Иванова (где жил Е. П. Иванов — пока установить не удалось).

О. Д. Форш была близко знакома с матерью Блока Александрой Андреевной (Кублицкой-Пиоттух во втором замужестве) и его теткой М. А. Бекетовой: они часто встречались в Петербурге на редакционных совещаниях детского журнала «Тропинка». На страницах этого журнала писательница печатала свои рассказы и

сказки для детей, а М. А. Бекетова и мать Блока принимали участие в редактировании журнала. В 1911 году Форш познакомилась и с Блоком.

В 1918 году писательница переехала в Москву. Позже она рассказывала: «...вскоре после Октябрьской революции я уехала в Москву — работать в Отделе реформы школы на должность помощника заведующего «эстетическим развитием народа». Это была интереснейшая работа фантастического размаха — составление планов Народной академии художеств, живописное оформление массовых демонстраций, проекты проведения народных праздников и площадных представлений».

В 1919 году Отделом реформы школы Форш была направлена на работу в Киев, а в 1923 году она навсегда переехала в Петроград. Именно в это время писательница начала работу над своим первым историческим романом «Одеты камнем» — самым известным и популярным ее произведением.

«1923 год стал поворотным в моей литературной судьбе, — писала впоследствии О. Д. Форш. — От рассказов я перешла к историческому роману... Историческая тема открывала мне выход в мир».

Роман «Одеты камнем» получил высокую оценку М. Горького. Форш послала ему и второй свой роман — «Современники». Горький писал ей: «А „Одеты камнем“ — уже большая вещь, высоко ценю ее как одну из книг, кои начинают на Руси подлинный исторический роман, какого до сей поры — не было, а сейчас есть уже четыре: два ваших, „Кюхля“ Тынянова и колоссальный „Разни“ Чапыгина».

В 1920 и 1930-х годах Ольга Дмитриевна часто приезжала в Детское Село. Писательница очень любила этот город. Она бывала у многих литераторов, живших тогда здесь, навещала родственников Чистякова. Павла Петровича Чистякова уже не было в живых. Он скончался в Царском Селе 11 декабря 1919 года.

К десятой годовщине со дня смерти художника, по предложению так называемой инициативной группы кружка имени П. П. Чистякова, существовавшего в 20-х годах при Доме учителя в Ленинграде, на его доме в Детском Селе была установлена мемориальная доска. Тогда же мемориальная доска была установлена и в мастерской художника, где он работал до последних дней своей жизни. На ней написано: «Потомство, охра-

ный место творчества великого художника и учителя Павла Петровича Чистякова».

Уже после Великой Отечественной войны в доме Чистякова в Пушкине, в бывшей его комнате, где до 1972 года жила родственница и воспитанница художника О. Э. Мейер-Чистякова; Форш закончила роман «Михайловский замок». Она подолгу жила у Мейер-Чистяковой, с которой была очень дружна.

Здесь Ольга Дмитриевна работала над своим новым историческим романом «Первенцы свободы», посвященным эпохе декабристов. Работая над этой книгой, она писала: «Наша молодежь должна постоянно помнить, что революционная идея возникла не сразу во всеоружии, как мифологическая статуя Победы. Она имеет свою долгую историю и своих героев высокого самоотречения». Роман был закончен в 1953 году. Писательнице исполнилось в то время 80 лет.

Однажды к Форш, когда она жила в Пушкине у О. Э. Мейер-Чистяковой, приехала М. С. Шагинян. Рассказывая об этом, М. Довлатова — редактор и друг О. Форш — пишет: «Ольга Дмитриевна очень обрадовалась ей, они сидели в саду много часов и без усталости говорили».

В 1958 году, в связи со 125-летием со дня рождения Чистякова, при отделе культуры исполкома Пушкинского райсовета была создана комиссия по увековечению памяти художника. 1 июня 1958 года на Казанском кладбище состоялось торжественное открытие надгробия на могиле П. П. Чистякова. В этот день здесь присутствовала и О. Д. Форш. Ей тогда уже было семьдесят пять лет.

В последние годы жизни Форш проводила лето в своем домике в поселке Тярлево, на окраине Павловска. М. Довлатова вспоминает:

«Именно в этом поселке она купила себе весьма несерьезный домик — на откосе, прижатый со всех сторон чужими заборами, с покатым огородиком, который медленно, но непоправимо сползал в овраг. На дне овражка булькал жалкий ручеек.

Все удивлялись — ну почему не приобрести было дачу крепкую, просторную, с нормальным участком? Ведь заслужили вы, Ольга Дмитриевна, и работать вам было бы удобнее; семья большая, дети, внуки и гости наезжают. Да и средства позволяют.

Ольга Дмитриевна сердилась — она сразу же полюбила свое Тярлево, уже предвидела и обдумала, как все будет вокруг дома и в комнатах.

— Рядом Царское Село и рядом Павловск, Лицей и молодой Александр Пушкин. Дворцы и парки. Коронованные правители и некоронованные гении. А еще — могила русского живописца Павла Чистякова, моего учителя. И вокруг — ни единого писателя!.. Ну где бы я еще нашла такие преимущества, такое общество и такие русские пейзажи?

— Но ведь можно было найти хорошую дачу в Пушкине, Гатчине, Павловске, если вам так дороги эти места...

— А писателю зазорно селиться в хоромах, по-моему. И гектары всенародной земли обносить забором совсем уж неприлично. А вот цветов, ягод, яблок будет у меня предостаточно даже на этом кривом лоскуте земли». Несмотря на преклонный возраст, писательница очень любила работать в саду.

О. Д. Форш была до конца своих дней полна творческих замыслов. Собиралась написать книгу о Горьком. Мечтала рассказать о деятелях искусства, с которыми ей приходилось встречаться. И еще ей очень хотелось написать книгу о своих любимцах — животных.

Ольга Дмитриевна по-прежнему занималась живописью. Часто бывала в Пушкине.

За два месяца до смерти она писала: «И ныне, когда под Ленинградом, возле старого пушкинского Лицея, деревья покрываются молодой зеленью, я думаю о жизни, о вечном обновлении ее и о бессмертии нашего дела».

О. Д. Форш умерла в Тярлеве 17 июля 1961 года. Согласно ее желанию, она похоронена на Казанском кладбище в Пушкине, у высокого клена, недалеко от могилы Чистякова.

«А тем, кто знал ее при жизни, — писала В. Инбер в очерке „Памяти Ольги Форш“, — никогда не забыть ее черных глаз под седыми волосами, глаз, полных ума и света. Ее улыбку. Ее юмор. Ее неустанное творческое горение».

«НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ ПУШКИНА...»

Этот дом хорошо знали многие советские писатели, композиторы, деятели искусства. Каменный, двухэтажный, с большой верандой на втором этаже, он стоит на углу

Московской и Пролетарской улиц. Его нынешний адрес: Московская улица, 9. Сильно пострадавший во время Великой Отечественной войны, дом после войны восстановлен с небольшими изменениями. На фасаде его мемориальная доска с надписью: «В этом доме с 1929 по 1941 год жил и работал писатель Вячеслав Яковлевич Шишков».

Шишков прожил в Пушкине почти пятнадцать лет. Он переехал сюда в январе 1927 года, уже известным писателем, за плечами которого был большой жизненный путь. В письме к сестре от 17 января 1927 года, сообщая о своем желании поселиться в Детском Селе, он отмечал, что там «необычайная красота, тишина, хорошо можно работать». Сначала писатель снял квартиру на Колпинской улице, в доме № 20, а в конце 1927 года переехал в дом № 14 по Малой улице, где прожил два года. Дом был деревянный, двухэтажный, коричневого цвета, с мезонином и верандой. Квартира писателя находилась в первом этаже. Дом не сохранился.

Год переезда в Детское Село был связан с важным событием в личной жизни Шишкова: в июле 1927 года он женился на Клавдии Михайловне Шведовой — дочери своей двоюродной сестры Раисы Яковлевны Шведовой, с семьей которой был очень дружен. Литературовед Л. Р. Коган, ставший одним из близких друзей Шишкова, рассказывая о своей первой встрече с ним в Детском Селе в июне 1928 года, вспоминал: «Был он высок ростом, статен, русые волосы (он начал седеть поздно) были откинута назад, и лишь одна непокорная прядь свисала на большой умный лоб. Мягкая бородка клинышком и такие же мягкие русые усы прикрывали довольно полные губы. Его глаза — добрые и улыбчивые — пытливо взглянули на меня из-под бровей. Первое впечатление было таково: здоровый, плотно сложенный человек, в расцвете сил, живой и, видимо, весьма обходительный... И такое же впечатление простоты и радушия произвела молодая жена писателя Клавдия Михайловна».

В конце 1929 года Шишков переехал на Московскую улицу, в дом № 9 (по тогдашней нумерации № 7). Квартира писателя находилась на втором этаже и имела веранду. Застекленная со стороны Московской улицы цветными стеклами, веранда была совершенно открыта на северо-запад, в сад. В квартиру был отдельный вход, наверх вела внутренняя лестница с каменными ступенями.

В ней было три комнаты. Слева от передней находилась столовая, напротив столовой—кабинет. Л. Р. Коган вспоминал: «В большой столовой (она же гостиная), очень светлой, с выходом на веранду, стены были оклеены оранжевыми обоями, на фоне которых очень красиво выделялась мебель красного дерева, большая ковровая тахта. Около последней стояли буфет, шкаф-радиоприемник и горка со стеклом и фарфором. У противоположной стены — фортепьяно, а на нем коллекция фарфоровых кукол — этнографических типов народностей СССР. Обеденный стол, стулья, высокое зеркало в углу — вот и вся обстановка.

В кабинете Вячеслава Яковлевича было тесновато, но очень уютно. Справа от входа стоял шкаф с книгами, а вдоль стены до окна письменный стол. В углу, на подставке, — бронзовый Данте. Еще один книжный шкаф помещался в простенке между двух окон. В нем находились все издания произведений Вячеслава Яковлевича. Напротив него — шкафчик, где хранились рукописи и архив. У стены — в глубине комнаты — диван, два кресла, небольшой стол с лампой, на котором обычно лежали новые книги. На стенах развешены были любимые картины Вячеслава Яковлевича».

Большую часть дня Шишков проводил за письменным столом, который был завален его тетрадами и записными книжками. Здесь всегда было множество и самых различных книг: Шишков очень много читал, внимательно следил за новинками советской литературы, интересовался историей, этнографией, высшей математикой, психологией, отдыхая, любил перечитывать русских классиков. Писатель много курил, и на столе обычно лежали красивые коробки с папиросами. Особенного порядка на письменном столе не было, и Шишков шуточно объяснял это тем, что стол является его «лабораторией в действии».

«Когда Вячеслав Яковлевич сидел за своим огромным рабочим столом, положив на рукопись жилистые руки, он напоминал мне умного русского пахаря с тяжелыми мозолистыми руками, который вот только что оторвался от сохи и сейчас, утомленный тяжелой работой, благостно отдыхает от трудов», — писал о Шишкове писатель Е. А. Федоров.

В конце 1920-х годов, а затем и в 1930-х годах в Детском Селе жили многие писатели, композиторы, артисты, деятели науки: А. Н. Толстой, Андрей Белый,

К. А. Федин, литературовед Л. Р. Коган, известный издатель П. П. Сойкин, художник К. С. Петров-Водкин, известный ученый М. А. Бонч-Бруевич. Здесь поселились композиторы Г. Н. Попов, Ю. А. Шапорин, музыковед и композитор В. М. Богданов-Березовский. В бывшем доме Теппера де Фергюссона — одного из лицейских преподавателей Пушкина — подолгу, чаще всего зимой, жил известный певец И. В. Ершов. Все они хорошо знали друг друга, часто собирались вместе. «Скоро в Царском будет литературная колония... Видимо, здесь начнется что-нибудь вроде „озерной школы”», — шутливо писал А. Н. Толстой незадолго до своего переезда в Детское Село.

У Шишкова, гостеприимного и общительного человека, все чувствовали себя свободно и непринужденно. Собирались у него по пятницам. Эти литературные «пятницы» стали устраиваться на Малой улице, продолжались они и на Московской. Наряду с «детскоселами» бывали гости из Ленинграда — О. Д. Форш, А. А. Прокофьев, И. С. Соколов-Микитов. Навещали Шишкова также В. А. Каверин, Н. С. Тихонов, М. М. Пришвин и многие другие.

Собравшиеся делились литературными планами, читали отрывки из своих произведений, но чаще просто рассказывали об интересных встречах с различными людьми, обменивались наблюдениями и впечатлениями. Хозяин дома внимательно слушал других, умея незаметно направить разговор или оживить его метко вставленной фразой, острым словом, вызывавшим дружный смех. Шишков обладал удивительным чувством юмора и, по свидетельству одного из посетителей «пятниц», с самым серьезным видом «рассказывал такие истории и житейские эпизоды, что слушатели помирали от хохота».

Приезжие из Ленинграда уходили обычно часов в одиннадцать, чтобы не опоздать на последний поезд. Те, кто жил в Детском Селе, — оставались. На стол ставился самовар, пили чай, часто и во второй, и в третий раз. Расходились иногда далеко за полночь. «Провести вечер у Шишковых, — вспоминал М. Л. Слонимский, — означало омыть и очистить душу от всякого сора и хлама, слушать и беседовать о самом главном и существенном в жизни. Очень живо ощущалось искреннее, принципиальное и активное доброжелательство Вячеслава Яковлевича ко всякому, кто любит работать и умеет любить людей».

Со многими посетителями «пятниц» Шишкова связывали не только литературные интересы, но и личная дружба, и они бывали у него не только по пятницам. Большая взаимная привязанность существовала между Шишковым и А. Толстым, который жил рядом, на Пролетарской улице. Шишков был старше Толстого, но относился к нему, как к более опытному литератору. Работая над романом «Емельян Пугачев», он частями давал читать рукопись А. Толстому.

В. М. Богданов-Березовский вспоминает: «Мне приходилось быть свидетелем таких минут, когда, входя вечером в переднюю квартиры Шишковых, Толстой протягивал Вячеславу Яковлевичу пакет с возвращаемой рукописью. Хозяин дома, принимая ее, коротко, но с видимым волнением спрашивал: «Ну, как впечатление?» — и расцветал, услышав лаконическую, как бы мимоходом высказанную похвалу, видя искреннее дружеское поощрение, выражавшееся во взгляде Толстого».

А. Толстой высоко ценил литературное дарование Шишкова, его глубокое знание народной психологии и быта, умение уловить самые разнообразные оттенки народной речи. Сын писателя, Д. А. Толстой, пишет: «В Шишкове нравились отцу душевная чистота, правдивость, сдержанность и ощущение скрытой духовной силы. Шишков был ему предан и относился к нему почти нежно; отец в его жизни, думается мне, значил очень многое».

Очень любил Шишков К. Федина — и как человека, и как писателя. Приезжая в Детское Село, Федин жил в третьем этаже южного, так называемого Зубовского, флигеля Екатерининского дворца. В 1930-х годах часть этого флигеля, не имевшая музейного значения, использовалась, в основном летом, как частные квартиры. Позже, в 1944 году, Федин вспоминал: «...я занял летнюю квартиру в жилом Зубовском флигеле с той стороны, которая обращена в парк. Из окон были видны фонтан белого мрамора, чудесные по живописному подбору расцветок деревья, кусты старых подстриженных сиреней, веселые дорожки между газонов». К. Федин часто приходил к Шишкову на Московскую. Л. Р. Коган вспоминал: «Вячеслав Яковлевич всегда говорил о Федине с какой-то необычайной теплотой в голосе, а слушая его чтение или устный рассказ, нет-нет да и нагнется к соседу и с отцовской гордостью шепотом скажет на ухо: — Каков Костя, а?»

Постоянно бывал у Шишкова художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, который переехал в Детское Село в конце 1927 года. Художник заболел туберкулезом, и ему была предоставлена квартира во втором этаже здания Лицея, выходившая окнами на Знаменскую церковь. Он только что закончил одну из лучших своих картин «Смерть комиссара». Художник, который давно тяготел к литературному труду и уже несколько раз выступал в печати, задумал в 1928 году автобиографическую трилогию «Хлыновск». Очевидно, непосредственным толчком к началу работы над этим большим литературным произведением послужило общение с писателями, жившими в Детском Селе, и прямые советы приступить к этой работе со стороны некоторых из них.

29 марта 1938 года Петров-Водкин, выступая в Ленинградском отделении Союза художников и вспоминая 1928 год и болезнь, которая, по его словам, превратила его тогда в «полуинвалида», сказал: «И вот тут Шишков, Алексей Николаевич Толстой и Федин надоели мне: пиши и пиши!» Петров-Водкин читал друзьям-литераторам отрывки из своих рукописей.

Нередко у Шишкова бывали гости из других городов и его друзья из Сибири: геологи, инженеры, агрономы, артисты. Он с удовольствием показывал им город: дворцы, парки — Екатерининский, Александровский, Баболовский. Но чаще он гулял один — во время прогулок нравилось обдумывать свои произведения. Писатель очень любил город Пушкин, он считал, что нигде нельзя так хорошо работать и отдыхать, как здесь. Осенью 1940 года он писал из Крыма Когану: «Нет ничего лучше Пушкина с его парками. Никакие дома творчества не могут заменить мне моего рабочего кабинета».

Отправляясь на прогулку, Шишков почти всегда старался пройти мимо памятника Пушкину в лицейском садике. Великий поэт был его кумиром, и обычно маршруты прогулок Шишкова проходили по пушкинским местам.

Композитор Д. Г. Френкель вспоминал, как однажды во время прогулки в парке писатель сказал ему: «Вот когда-нибудь все города будут у нас, как этот парк. Помяните мое слово... много воздуха, зелени, — простор человеку нужен. Будущие социалистические города — это города-сады, и это обязательно будет».

В доме на Московской Шишков закончил повесть «Странники». История этой повести необычна.

Шишков в одной из своих статей обратился к читателям с просьбой сообщать ему о различных интересных случаях в жизни. Ежедневно стало приходиться по нескольку писем. Одно из них особенно заинтересовало писателя. Это было письмо из Симферополя от какого-то беспризорника, который рассказывал о своей жизни. Шишков заинтересовался этим письмом. В те годы советские учреждения и организации много занимались судьбой беспризорников, и Шишков решил писать о беспризорниках. Прежде чем приступить к работе, писатель познакомился с беспризорниками. Многие из них бывали у него дома. М. Л. Слонимский вспоминал: «Когда он писал свою книгу «Странники», его посетителями были беспризорники, почуявшие в этом дяде с бородкой доброго и сильного друга».

В повести «Странники» Шишков стремился показать процесс постепенного перевоспитания бывших беспризорников в детских трудовых колониях, организованных Советской властью. Такие колонии были рядом: в Детском Селе и в Павловске. Писатель часто их посещал. Однажды он выступил перед воспитанниками одной из колоний с чтением отрывков из повести. Внимательно выслушав отзывы своих слушателей, он затем уточнил в повести некоторые детали беспризорного быта и «блатного» лексикона.

В сентябре 1931 года Шишков послал свою книгу Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу с глубоким уважением. Вяч. Шишков. Детское Село. Московская, 7. 24.IX.31».

Закончив эту повесть, Шишков все свое внимание отдает работе над романом «Угрюм-река», первые наброски к которому были сделаны еще в 1918 году.

Определяя замысел романа, Шишков писал: «Главная тема романа, так сказать, генеральный центр его, возле которого вихрятся орбиты судеб многочисленных лиц,— это капитал со всеми его специфическими запахами и отрицательными сторонами. Он растет вглубь, ввысь, во все стороны, развивается, крепнет и, достигнув пределов могущества, рушится. Его кажущуюся твердыню подтачивают и валят нарастающее самосознание рабочих, первые шаги борьбы их с капиталом, а также неизбежное стечение всевозможных обстоятельств, вызванных к жизни самими свойствами капитала»

Писатель раскрыл эту тему на материале Сибири,

где классовая борьба, развиваясь по общим законам, имела некоторые свои особенности. Сибирь Шишков знал прекрасно. В 1894 году, вскоре после окончания Вышневолоцкого технического строительного училища, он уехал на службу в Томск. Сначала работал рядовым техником, а после того как выдержал экзамен на право самостоятельного выполнения инженерных работ, стал возглавлять экспедиции по техническому обследованию рек Сибири. С ранней весны до поздней осени ему приходилось путешествовать по Иртышу, Оби, Бни, Катуню, Енисею, Лене, Нижней Тунгуске, Ангаре.

Позже он писал: «Около двадцати лучших лет моей жизни я кровно был связан с людьми и природой Сибири, тайгой, степями, величественными реками, горным Алтаем. Здесь родилось и стало крепнуть мое литературное дарование, и до сих пор я люблю возвращаться к сибирским темам».

Во время работы над романом на письменном столе писателя лежали десятки книг, которые он тщательно изучал: том из сочинений В. И. Ленина со статьей о Ленском расстреле, книги о рабочем движении, научные труды о Сибири и многие другие.

«С увлечением работаю над «Угрюм-рекой», думаю к июню кончить»,— писал Шишков в начале февраля 1931 года. Роман был завершен к концу 1931 года. Но и в 1932 году писатель продолжал работать над ним. «Все еще продолжаю фуговать, подстругивать, работать над фразой романа „Угрюм-река“»,— сообщал Шишков одному из своих друзей.

В 1933 году роман «Угрюм-река» вышел в свет и сразу же обратил на себя внимание читателей. Многие именно благодаря этому роману открыли для себя Сибирь, познакомились с ее историей, природой, бытом. «В этой книге,— говорил К. Федин,— Шишков проявил все стороны большого русского бытописателя, и когда наш читатель захочет заглянуть в глубины глубин истории Сибири, он не сможет обойтись без Вячеслава Шишкова так же, как нельзя обойтись без Андрея Печерского, изучая историю Поволжья, или без Брет-Гарта, знакомясь с развитием Калифорнии».

Весной 1937 года Шишков получил письмо от Д. Г. Френкеля. Композитор писал, что, прочитав роман «Угрюм-река», он восхищен мастерством писателя, и поделился своей идеей создать оперу на сюжет этого романа. Шишков отнесся с одобрением к замыслу композитора

и для обсуждения плана либретто пригласил его к себе в Пушкин.

Позже Френкель вспоминал: «Я приехал в город Пушкин в конце мая. Было это под вечер. С волнением остановился я у двери с табличкой: «В. Я. Шишков». Меня проводили по небольшой лестнице во второй этаж. У порога стоял высокий с сильной проседью худощавый человек, с внимательным взглядом очень спокойных глаз. На вид Вячеславу Яковлевичу было не больше пятидесяти лет, хотя в действительности ему в то время было уже за шестьдесят. Познакомились. Неторопливым жестом Вячеслав Яковлевич пригласил меня в кабинет...

...В первый же вечер мы наметили сценарий оперы. Жена Вячеслава Яковлевича — Клавдия Михайловна, гостеприимная и милая хозяйка, пригласила к столу. За чаем все было так же просто, как и во время работы. Домой я уехал чрезвычайно довольный и будущей работой и знакомством с выдающимся писателем, простым и вместе с тем очень своеобразным человеком».

С этого времени Френкель стал часто бывать у Шишкова. Композитор все больше увлекался материалом сценария, все больше захватывала его совместная работа с автором. Шишков, обычно спокойный и сдержанный, совершенно преобразался, когда речь шла о героях его произведений. Он сразу как-то загорался, глаза его блестели, голос становился особенно взволнованным.

Френкель вспоминал: «Однажды я выразил восхищение силой описанных в «Угрюм-реке» характеров. «Как это вам удалось схватить их?» — спросил я. Вячеслав Яковлевич встал, начал ходить по комнате. „Вот так, — сказал он, — я хожу и вижу: и они со мной. Вот здесь — Анфиса, Петр, Прохор. Они не давали мне покоя все время, пока я их писал. Да разве иначе можно работать? Нужно все видеть и переживать со своими героями, иначе произведение будет неминуемо холодным и малоубедительным”».

Шишков очень любил музыку и пение. У него часто бывали композиторы Ю. А. Шапорин и Г. Н. Попов, известные оперные певцы Б. М. Фрейдков и Г. М. Нэлепп — они с удовольствием пели у него. Если собравшиеся у писателя запевали хором, он всегда начинал подпевать басом. Шишков особенно любил оперу. Любимыми его композиторами были Глинка и Чайковский. «„Ивана Сусанина“ могу слушать без конца», — говорил он.

Френкеля очень интересовали сибирские песни, и Шишков, который знал множество этих песен, иногда напевал композитору их мелодии. Он даже сам написал текст хоровой песни «Ах ты, матушка Угрюм-река», для которой Френкель создал музыку. Внимательно, с волнением слушал писатель отрывки из музыки к будущей опере, которые проигрывал ему композитор. «Если нравится отрывок, кивал в такт музыке головой и говорил: „Вот это хорошо!“», — вспоминал Френкель. Когда работа над оперой была закончена, у Шишкова был устроен торжественный обед.

Через некоторое время композитор В. В. Щербачев попросил Шишкова написать либретто оперы «Иван Грозный». Тема показалась писателю очень заманчивой, он приступил к работе, но вскоре началась война, и либретто не было закончено.

Оперу «Угрюм-река» Вячеславу Яковлевичу услышать на сцене не довелось. Она была поставлена только после войны, со значительными изменениями в тексте либретто, которое было переработано поэтом С. Г. Островым.

Много времени и внимания уделял Шишков начинающим писателям. Они приезжали к нему в Пушкин, присылали свои, иногда очень объемистые рукописи, и он шутил: «Молодые писатели осаждают, тащат рукописи: «Прочти, помоги, отец». Отказать нельзя, сердце кровью обливается, ребята хорошие». Рукописи читал внимательно, с выписками, подчеркиванием и замечаниями на полях. Всегда давал дельные и обстоятельные советы. Писатель Е. А. Федоров вспоминал: «В первый раз я с замираньем сердца подходил к двухэтажному дому под номером семь по Московской улице. ...Робко нажал кнопку звонка. Минуту спустя послышалось легкое покашливание и шарканье туфель, — кто-то спускался по лестнице со второго этажа. Распахнулась дверь, и передо мной появился улыбающийся Вячеслав Яковлевич.

— А мы вас, батенька, давно ждали! — встретил он меня приятным баском.

...На широкой веранде... за большим столом, заваленным книгами и рукописями, мы долгими часами говорили и спорили о мастерстве».

Пятнадцать лет будучи жителем Пушкина, Шишков активно участвовал в общественной жизни города. Он часто печатал отрывки из своих произведений в район-

ной газете «Большевистское слово». На ее страницах были напечатаны фрагменты из романа «Емельян Пугачев», еще до выхода его в свет отдельной книгой, рассказ «Чертознай». К 750-летию «Слова о полку Игореве» Шишков напечатал статью, посвященную этому произведению, и многое другое.

Шишков был избран председателем специальной комиссии при исполкоме Пушкинского районного Совета, которая заботилась об охране памятных мест, связанных с именем А. С. Пушкина, вела пропаганду творчества великого поэта. К своим обязанностям председателя этой комиссии он относился очень серьезно и добросовестно.

По традиции, 6 июня, в день рождения Пушкина, к памятнику поэта в лицейском саду приходили представители различных организаций, отдыхающие в санаториях и домах отдыха, школьники. После митинга к подножию памятника возлагались букеты цветов, а затем его участники совершали прогулку по пушкинским местам. Шишков всегда принимал деятельное участие в подготовке и проведении этого праздника.

Часто выступал Шишков на литературных вечерах в пушкинских санаториях, домах отдыха, школах. Один из таких вечеров был устроен в июне 1931 года в Доме отдыха ветеранов революции. Вечер был организован по предложению отдохавшего здесь старого народовольца Сергея Порфирьевича Швецова, который был знаком с писателем уже много лет.

Шишков выступил на вечере с чтением одного из своих «Шутейных рассказов». Читал он низким грудным голосом, спокойно и просто, но с таким богатством интонаций, что слушатели живо представляли себе героев рассказа со всеми их характерными чертами, повадками, голосом. Поминутно раздавались взрывы хохота, многие начинали аплодировать. Шишков делал паузу, ожидая, когда стихнет смех, и так же спокойно продолжал читать дальше. Сам он был совершенно серьезен, смеялись только глаза. Слушатели были глубоко признательны писателю за этот вечер, и он стал здесь частым и желанным гостем.

На этом литературном вечере Шишков познакомился с доктором А. В. Пилипенко, который стал одним из ближайших его друзей. Писатель категорически отказывался от платы за свои выступления, и Пилипенко от имени Дома ветеранов революции предложил ему пользо-

ваться медицинской помощью. На этой почве и началось их знакомство, перешедшее в дружбу.

В 1934 году Шишков начал работу над романом «Емельян Пугачев», который является вершиной его творчества.

Пугачев привлекал внимание многих писателей еще со времен Пушкина. Шишков не только собрал обширный материал об эпохе, проделав большую исследовательскую работу подлинного историка, но многое в восстании Пугачева переоценил с точки зрения своего времени. «Моя задача — показать эпоху с наших советских позиций», — писал он в 1934 году. Шишков сумел убедительно показать историческую неизбежность появления Пугачева. Это роман не только о Пугачеве, это роман — о народе.

5 мая 1938 года в газете «Большевистское слово» журналист И. Марков опубликовал интервью, взятое у Шишкова по поводу этого романа. Писатель говорил, что тему этого произведения ему отчасти подсказал А. Толстой. «Взявшись за нее, — рассказывал Маркову Шишков, — я полтора года посвятил изучению исторических материалов». Тщательно изучать исторические документы, связанные с эпохой Пугачевского восстания, он продолжал и в процессе работы над романом.

Приступая к работе над романом, писатель тщательно изучил и «Капитанскую дочку» Пушкина. Так же, как Пушкин, Шишков упоминает в своем романе о Царском Селе.

В романе Шишков дал и описание одной из комнат Екатерининского дворца, так называемого Синего кабинета, или Табакерки, отделанного в 1780-х годах Ч. Камероном. Рассказывая о беседе Екатерины II и графа Григория Орлова, он писал: «Они пили послеобеденный кофе в очаровательном крошечном «голубом кабинете», что рядом с опочивальней. Стены, потолок отделаны молочным и синим зеркальным стеклом с массивными украшениями золоченой бронзы. По стенам бронзовые барельефы в медальонах синего стекла. В глубине комнаты, на возвышении в одну ступень, — широкий турецкий диван, крытый голубоватым штофом, столик и два табурета на синих стеклянных ножках. Эту маленькую комнату Екатерина очень любила и называла ее „табакеркой“».

Первый том романа писатель закончил осенью 1938 года, в конце его стоит пометка: «г. Пушкин». Книгу

высоко оценил известный советский историк академик Е. В. Тарле, признав историческую концепцию романа правильной.

В феврале 1939 года за многолетнюю и плодотворную литературную работу Шишков был награжден орденом «Знак Почета».

В 1941 году, уже во время войны, вышла отдельным изданием первая книга романа «Емельян Пугачев». На экземпляре романа, подаренном Пилипенко, Шишков после своей подписи написал: «10.VII-41 г., год тяжелых испытаний, г. Пушкин».

О нападении гитлеровской Германии на Советский Союз писатель узнал в Пушкине. Временно прекратив работу над «Емельяном Пугачевым», Шишков пишет статьи для газет, публикует в газете «Большевистское слово» очерк «Денис Давыдов», выпускает брошюру «Слава русского оружия».

Фашистские войска все ближе подходили к Пушкину, и Шишковы вынуждены были уехать в Ленинград. В автобиографии Шишков писал: «Мое бегство из г. Пушкина (б. Царское Село), где я имел постоянное жительство, было внезапным: пришлось бросить все лично-бытовое хозяйство, всю обстановку, библиотеку, даже архив,— было бы постыдно попасть в руки к врагу». Все это — и библиотека, и архив писателя — погибло во время войны.

С тех пор прошло много лет. По-прежнему на Московской стоит двухэтажный жилой дом. В 1961 году на его фасаде была установлена мемориальная доска. О многом напоминает этот дом. И не случайно Н. С. Тихонов, побывавший в Пушкине в 1949 году, писал: «Когда в Пушкинский юбилей я приехал в город Пушкин, я нарочно не пошел той знакомой улицей, и когда наступил вечер, у меня было странное ощущение, что я могу пойти к нему в гости, что дом стоит, как стоял, что меня ждут гостеприимные хозяева и что только неотложные дела заставляют меня уезжать в Ленинград, не постучав в знакомую дверь».

«БОЛЬШОЙ, УМНЫЙ, ВЕСЕЛЫЙ ТАЛАНТ»

В конце 1920-х и в 1930-х годах центром детскосельской художественной «колонии» был дом Алексея Николаевича Толстого. Писатели, журналисты, артисты, компо-

зиторы, ученые — детскоселы и приезжавшие из Ленинграда и других городов — все любили бывать у этого остроумного и общительного человека. «Здесь всегда царил атмосфера постоянного творческого горения, — вспоминал В. М. Богданов-Березовский, — живой, самой злободневной и острой современности, все было проникнуто духом взаимосимпатии и взаимопонимания дружной семьи, отличающейся истинно русским хлебо-сольством».

Толстой переехал с семьей в Детское Село из Ленинграда в мае 1928 года и прожил в этом городе десять лет. Сначала писатель снимал верхний этаж в доме № 10 по Московской улице. Этот дом и сейчас стоит на углу Московской и Пролетарской улиц. Его нынешний адрес — Московская улица, 8/13. Здесь Толстой прожил два года.

Это было время напряженной работы над первой книгой романа «Петр Первый». 6 ноября 1928 года писатель сообщал редакции журнала «Новый мир»: «Вот уже полтора месяца я с головой влез в материалы о Петре. К 1 декабря у меня будет готова пьеса. (Имеется в виду пьеса «На дыбе». — Г. Б.) Сейчас же я начинаю роман, который и хочу предложить Вам для печатанья с февральской книжки».

Петровская эпоха уже давно привлекала внимание писателя. Еще в 1917 году он написал повесть «День Петра». Стремясь глубже понять действительность, Толстой не раз обращался к тем периодам русской истории, в которые происходили общественные столкновения, разворачивалась борьба старого и нового, ярко проявлялись творческие силы народа. Одним из таких периодов и был конец XVII — начало XVIII века. «Каждый художник, — писал Толстой, — обращая свой взгляд в прошлое, берет и находит в нем лишь то, что его волнует, при помощи чего он может лучше понять свое время».

«Четыре эпохи влекут меня к изображению... — писал Толстой уже в годы Великой Отечественной войны в автобиографии, — эпоха Ивана Грозного, Петра, гражданской войны 1918—1920 годов и наша — сегодняшняя — небывалая по размаху и значительности... Чтобы понять тайну русского народа, его величие, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое: нашу историю, коренные узлы ее, трагические и творческие эпохи, в которых завязывался русский характер».

Развитие исторической науки в советское время дало возможность осмыслить исторические события далекого прошлого с подлинно научных, марксистских позиций, и в 1920-х годах в советской литературе стал складываться жанр исторического романа. В это время вышли романы О. Форш — «Одеты камнем» и «Современники», Ю. Тынянова — «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара», А. Чапыгина — «Разин Степан» и другие.

«На Петра я «нацеливался» давно, — писал А. Толстой. — Я видел все пятна на его камзоле, я слышал его голос, но Петр оставался для меня загадкой в историческом романе. Начало работы над романом совпадает с началом осуществления первой пятилетки. Работа над «Петром» для меня прежде всего — вхождение в историю через современность, воспринимаемую марксистски. Это — переработка своего художнического мироощущения. Результат тот, что история стала раскрывать мне нетронутые богатства».

Толстой точно определил особенность советского исторического романа. Именно «вхождение в историю через современность» позволило ему показать деятельность Петра I как явление исторически закономерное.

До мельчайших подробностей изучал Толстой эпоху Петра, собирал портреты и вещи того времени. «Материалы все растут, — писал он редактору журнала «Новый мир» В. П. Полонскому. — Из Академии наук и Публичной библиотеки мне несут такие книжищи, что волосы встают ежом». «Мне пришлось для новой главы прочесть кучу материалов, из которых выуживаешь по зернышку». Первая книга романа была закончена в Детском Селе 12 мая 1930 года.

Отдыхая от работы, писатель любил бывать в парках, особенно в Александровском и Баболовском. Гулял он обычно один и во время прогулок мысленно продолжал работу над своими произведениями. Нередко писатель посещал и дворцы.

Однажды в Красной гостиной Александровского дворца-музея его внимание привлек гобелен, на котором была изображена французская королева Мария-Антуанетта, казненная во время революции. Гобелен был подарен жене Николая II президентом Франции Лубэ. Несмотря на то что подарок смутил последнюю русскую императрицу, она украсила им стену своего кабинета.

Этот гобелен послужил Толстому сюжетом для рассказа «Гобелен Марии-Антуанетты», написанного в кон-

це 1928 года и тесно связанного с Царским Селом, хотя основные события рассказа развиваются во Франции в XVIII веке. Оригинал портрета Толстой приписывает Ф. Буше, который якобы и поднес гобелен Марии-Антуанетте. В действительности гобелен никогда не принадлежал Марии-Антуанетте и с ним не происходило тех приключений, о которых идет речь в рассказе Толстого. Гобелен «Мария-Антуанетта с детьми» был исполнен не в XVIII веке, а в конце XIX и не с картины Буше, а с картины Э. Виже-Лебрен, находящейся в Версальском дворце.

В 1930 году Толстой снял в аренду дом № 4 по Пролетарской улице, недалеко от лицейского садика. Это был двухэтажный деревянный особняк на каменном фундаменте, со службами и садом. Дом сохранился в перестроенном виде (ныне дом № 6 по Пролетарской улице). Здесь писатель жил до переезда в Москву.

По свидетельству современников, в доме царил какой-то особенный патриархальный уют. В. А. Рождественский вспоминал «большую прохладную столовую со старыми портретами, хрусталем в прозрачной горке и петровской мебелью». Влево от прихожей помещалась приемная. Кабинет писателя находился на втором этаже. В кабинете повсюду — на письменном столе, секретере, небольшом столике у дивана — были разложены листы рукописей.

Работал Толстой регулярно, систематически, изо дня в день в одно и то же время. Это был человек исключительной дисциплины труда, никогда не отступавший от заведенного ритма работы. Как бы поздно он ни лег накануне, рано утром он был уже за работой. Когда знавшие его высказывали свое удивление по этому поводу, Толстой отвечал: «Работа смывает любую усталость. Надо сохранять, беречь ее ритм и всегда в один и тот же час занимать место за своим рабочим станком». Бумага, перо, чернила были для него соучастниками творческого процесса, он относился к ним с уважением — как к орудиям своего труда. Он любил писать на хорошей бумаге, любил хорошие легкие авторучки. «Карандаши ненавижу», — говорил он. У него под рукой, возле письменного прибора, в специальном футляре, всегда было несколько авторучек.

Поселившись на Пролетарской, Толстой продолжал работу над романом «Петр Первый», второй том которого вышел в 1934 году.

«...В 1934 году,— вспоминала В. Инбер,— я провела два-три дня у Толстых, в Детском Селе... Была зима. Высокие алмазные снега покрывали пушкинские аллеи, подступали к окнам и балконам. Стояли лютые морозы. Но в рабочем кабинете Алексея Николаевича было райски тепло. Жарко топились печи деревянного дома.

Гравюры, книги, рукописи, различные материалы Петровской эпохи наполняли просторную комнату Толстого...»

В то время Толстой в содружестве с В. М. Петровым работал над сценарием фильма «Петр I», за который 23 марта 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Ленина.

В 30-х годах Толстой продолжал работу и над трилогией «Хождение по мукам», первую часть которой он начал писать еще в 1919 году.

Основная тема трилогии — судьбы русской интеллигенции в годы революции — была для Толстого не только важной общественной, но глубоко личной темой. «„Хождение по мукам“», — писал он, — это хождение совести автора по страданиям, надеждам, восторгам, падениям, унынию, взлетам — ощущение целой огромной эпохи, начинающейся преддверием первой мировой войны и кончающейся первым днем второй мировой войны». В этом большом многоплановом произведении писатель рассказывает о судьбе России и широчайших народных масс в эпоху революции, о трудном, но неизбежном пути к Октябрю лучшей части русской интеллигенции. В Детском Селе Толстой закончил вторую часть трилогии — роман «Восемнадцатый год».

Еще в процессе работы над романами «Петр Первый» и «Хождение по мукам» у Толстого возникло много новых творческих планов и замыслов. В конце 1930 года он начал писать роман «Черное золото» («Эмигранты»), направленный против международной контрреволюции. Через год роман был закончен. В романе есть описание боя Красной Армии с войсками Юденича, захватившего Детское Село. Войска Юденича были разгромлены. «Днем двадцать первого,— пишет Толстой,— штаб Юденича оставил Царское Село. Из Царского, Павловска и Гатчины потянулись в Ревель обозы с дворцовым имуществом. К вечеру Красная Армия ворвалась в Царское Село,— дрались под столетними липами, у Фридентальских и Орловских ворот. Белые покатались на юг, цепляясь за Красное Село, за Гат-

чину и Лугу. Это был разгром, неожиданный и непоправимый, у самых ворот Петрограда».

Однажды Толстой пригласил к себе в Детское Село В. А. Рождественского и, обещая творческую помощь, предложил ему создать русский текст либретто оперы великого чешского композитора XIX века Бедржиха Сметаны «Проданная невеста». В октябре 1935 года Толстой по приглашению Союза чехословацких журналистов с группой советских писателей посетил Чехословакию. Он привез оттуда клавиш оперы и, считая, что искусство более всего способствует взаимопониманию народов, задумал поставить эту популярнейшую чешскую оперу на сцене советского оперного театра. «Он уверял меня в том,— вспоминал В. А. Рождественский,— что это чудесная, чисто народная музыка и что подобный спектакль, в котором должны отразиться самые существенные черты чешского народа, несомненно, послужит началом культурного сближения с одной из самых значительных и интересных славянских стран».

Для того чтобы во время работы была возможность постоянно общаться, Толстой предложил Рождественскому переехать к нему в Детское Село. Около двух недель поэт жил у Толстого. «...Наблюдая Алексея Николаевича изо дня в день в его обычной среде,— рассказывал Рождественский,— еще больше стал понимать этого исключительного по творческому охвату писателя и неповторимо яркого, самобытного человека».

Людям, привыкшим встречать Толстого в шумном и светлом окружении бесчисленных посетителей и гостей — актеров, писателей, художников, музыкантов, деятелей кино и журналистов,— в атмосфере непрестанных шуток и дружеского веселья, трудно себе представить, как длительно, настойчиво и упорно умел работать в одиночестве за своим столом этот, казалось бы, всего себя отдающий обществу человек.

А я, уже просыпаясь, с восьми часов утра слышал над своей комнатой тяжелое его похаживание, возню у книжных полок и знал, что рабочий кабинет недоступен в эти часы не только для посетителей и журналистов, но и для домашних. Только к одиннадцати, к утреннему завтраку, Алексей Николаевич спускался на веранду, часто сильно запаздывая. Наскоро просмотрев газеты и погуляв с полчаса в саду, он вновь возвращался к своим рукописям. И так каждый день, без малейшего отступления от заведенной привычки. Только обед, обыч-

но всегда многолюдный, со съехавшимися друзьями и *нужными по делу людьми*, возвращал Толстого к обществу. Здесь его уже покидала утренняя озабоченность и погруженность в свои мысли. Он становился таким, каким знали его все, — остроумным, оживленным, полным юмора собеседником, обаяние которого чувствовал каждый общавшийся с ним».

Премьера «Проданной невесты» состоялась 31 мая 1937 года на сцене Ленинградского Малого оперного театра. Спектакль вошел в репертуар театра.

Еще в доме № 10 по Московской улице друзья и знакомые собирались у Толстого по средам. Продолжались «среды», и когда писатель переехал на Пролетарскую улицу. В кругу близких людей, за непринужденной беседой, с шутками, смехом, музицированием писатель отдыхал от напряженной работы. В. М. Богданов-Березовский вспоминал: «Заметнее остальных был сам радушный хозяин дома, привлекавший общее внимание не только блеском остроумных, веселых реплик, встречаемых взрывами хохота, не только приветливостью улыбки, почти не сходившей с его энергичного, породистого лица, но и всем своим внешним обликом — красивой посадкой головы, обрамленной длинными гладко расчесанными волосами, ладной, подвижной фигурой в элегантном, безупречно сидящем английском костюме. Видно было, как радуется он царящему вокруг него веселью, объединению под своей кровлей многих друзей, близких или просто симпатичных ему людей».

Друзья и знакомые бывали у Толстого не только в дни званных вечеров, но нередко и в обычные дни. Писателя навещали В. Я. Шишков, В. И. Качалов, известный физик А. Ф. Иоффе, видный ученый-радиотехник М. А. Бонч-Бруевич, К. С. Петров-Водкин, О. Д. Форш, композиторы Ю. А. Шапорин и Г. Н. Попов и многие другие. Писатель Л. Никулин пишет: «Сквозь туманную дымку десятилетий возникает в моей памяти один прелестный летний день в Детском Селе, день, какие иногда выдаются под Ленинградом. В саду, на скрипучих дачных стульях, сидят гости Алексея Николаевича, час от часу их больше. Хлопнула калитка, и вот появляется большой, дородный Павел Елисеевич Щеголев, о котором кто-то сказал, что он похож на постаревшего Пьера Безухова».

Вот Борис Лавренев рассказывает одну из тут же придуманных фантастических новелл, а Михаил Зо-

щенко, опустив темные ресницы, делает вид, что всему верит. Между тем милый хозяин Алексей Николаевич за накрытым столом, как алхимик, рассматривает на свет изумрудную настойку.

Он любил вкусно поесть, широко угостить друзей, но не был гастрономом-снобом, а просто любил здоровые человеческие радости».

П. Е. Щеголев — выдающийся литературовед, автор многих известных исследований о Пушкине, декабристах, Лермонтове, в прошлом редактор журнала «Былое», посвященного истории русского освободительного движения, не раз побывавший за революционную работу в тюрьмах и ссылках. В 20-х годах П. Е. Щеголев — один из ближайших друзей А. Толстого — выступал его соавтором в ряде исторических пьес. В 1925 году они вместе работали над драматической поэмой «Полина Гель», сюжет которой впоследствии лег в основу либретто оперы Шапорина «Декабристы» (автор либретто В. А. Рождественский, 1952).

В 1926 году Толстой и Щеголев совместно создали пьесу «Заговор императрицы», имевшую шумный успех.

В Детском Селе Толстой познакомился с известной советской балериной Галиной Улановой. Она рассказывает: «Даты своего знакомства с Алексеем Николаевичем Толстым я не помню. Знаю, что оно произошло в середине тридцатых годов, в Детском Селе. Елизавета Ивановна Тиме, актриса Ленинградского драматического театра имени Пушкина, и ее муж, профессор Николай Николаевич Качалов, повезли меня в один из свободных дней на дачу писателя.

В светлый и теплый весенний день Детское Село казалось особенно приветливым — таким же увидели мы и нашего хозяина, Алексея Николаевича Толстого. Он встретил нас радушно и так просто, как только могут быть просты большие люди, большие во всем: в разуме, воле, таланте, сердце...

Как у всякого хорошего человека, у Алексея Николаевича было много, очень много друзей, и не только среди людей. Я говорю о книгах. Книжки заполняли большую комнату, они растянулись на полках по стенкам, громоздились к самому потолку, их было очень много, но все они казались необходимыми, нужными. Кабинет Алексея Николаевича находился на втором этаже дома. В обстановке нельзя было заметить никакого налета академизма или любви к „пыли веков”».

10 января 1933 года Толстому исполнилось пятьдесят лет. В этот день у него взял интервью корреспондент «Литературной газеты». Писатель сказал:

«...Октябрьская революция как художнику дала мне все. Мой творческий багаж за 10 лет до Октября составлял 4 тома прозы, за 15 последних лет я написал 11 томов наиболее значительных моих произведений.

До 1917 года я не знал, для кого я пишу... Сейчас я чувствую живого читателя, который мне нужен, который обогащает меня и которому нужен я».

С 25-летием творческой деятельности Толстого поздравил Горький. 17 января 1933 года он писал юбиляру: «Вы знаете, что я очень люблю и высоко ценю Ваш большой, умный, веселый талант. Да, я воспринимаю его, талант Ваш, именно как веселый, с эдакой искрой, с остренькой усмешечкой, но это качество его для меня где-то на третьем месте, а прежде всего талант Ваш — просто большой, настоящий русский и — по-русски — умный, прекрасно чувствующий консерватизм, скрытый во всех ходовых «нстинах», умеющий хорошо усмехнуться над ними. Вы сделали немало весьма ценных, но еще недостаточно оцененных вещей... «Петр» — первый в нашей литературе настоящий исторический роман, книга — надолго. Недавно прочитал отрывок из 2-й части — хорошо! Вы можете делать великолепные вещи».

Толстой, в свою очередь, поздравил Горького с 65-летием.

Летом 1934 года Толстого в Детском Селе посетил Г. Уэллс. Познакомились они около двух десятилетий назад, в 1916 году, во время поездки А. Толстого в Англию, в Эссекс.

Сын писателя Д. А. Толстой, рассказывая о визите Г. Уэллса, вспоминает: «В доме начали готовиться к его приезду задолго. Из Павловска была выписана самая лучшая клубника, куплены дорогие вина и коньяки. Когда в переднюю вошел Уэллс с переводчиком, толпа приглашенных на прием гостей уже окружала его плотным кольцом...

Предполагалось, что Уэллс пройдет через столовую в гостиную, где будут светские разговоры, потом будет обед, и после чая можно будет поговорить о чем-нибудь серьезном. Прославленный фантаст спутал все карты. Войдя в столовую, он поглядел на часы и сел за стол. Во время обеда Уэллс подарил отцу экземпляр «Борьбы миров» с надписью...»

Дружеские отношения писателей продолжались до самой смерти Толстого.

В конце декабря 1934 года Толстой тяжело заболел. Директор Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич, навещивший писателя в конце января 1935 года, рассказывал в своем письме к Горькому 31 января: «Он полон творческих сил и намерений, весь поглощен мыслью о третьей части его «Петра», а также очень много думает, расспрашивает и знакомится с 19-м годом, о котором хочет писать. Причем эта последняя его работа сейчас превалирует над ним, и он полагает, что сначала начнет писать о 19-м годе. Тут же очень много посвящает времени истории Иоанна Грозного, собирает материалы — книги, портреты — и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр, колоритнее и разнообразнее. Хочет о нем писать. Вообще весь в творчестве».

Врачи категорически запретили Толстому серьезную работу. В конце января 1935 года, как только ему стало немного лучше, он написал сказку «Золотой ключик» на основе повести итальянского писателя Коллоди (Карло Лоранцони) «Пиноккио». Закончена сказка была в конце апреля.

Писатель Н. Н. Никитин вспоминал: «Я никогда его не видел без работы. Он работал даже тогда, когда впервые серьезная и опасная болезнь настигла его.

Это было за несколько лет до его переезда в Москву. С ним случилось что-то вроде удара. Боялись за его жизнь. Но через несколько дней, лежа в постели, приладив папку у себя на коленях, как пюпитр, он уже работал над «Золотым ключиком», делая сказку для детей. Подобно природе, он не терпел пустоты. Он уже увлеклся.

— Это чудовищно интересно, — убеждал он меня. — Этот Буратино... Превосходный сюжет! Надо написать, пока этого не сделал Маршак.

Он захохотал. В этом желании прикоснуться ко всему, успеть все была какая-то пленяющая творческая жадность...»

В Детском Селе Толстой часто посещал Ю. А. Шапорина, с семьей которого был близок. По свидетельству В. М. Богданова-Березовского, Шапорин занимал половину одноэтажного деревянного дома в конце улицы Коммунаров.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов, когда Шапорин создавал первую редакцию оперы «Декабристы», композитор и писатель, вместе работавшие над либретто, виделись почти ежедневно, то у Толстого, то у Шапорина.

У композитора нередко можно было встретить многих актеров и режиссеров. В. М. Богданов-Березовский вспоминал: «Здесь бывали шумный и веселый Николай Васильевич Петров — Кола Петер, как его называли в театре, и — полный контраст ему — тихий, но остро-наблюдательный и тонко-саркастический Николай Павлович Акимов. Нечасто, но с видимой охотой сюда приезжал Юрий Михайлович Юрьев. Сидя в глубоком кресле с очень высокой спинкой, положив ногу на ногу и комментируя слова привычными — броскими, короткими, выразительными — актерскими жестами, рассказывал он своим спокойным, хорошо поставленным, звучным низким басом о театральной жизни старого Петербурга, о Давыдове и Варлаамове, о Савиной и Комиссаржевской, о своих встречах с Чайковским, его смерти и похоронах...

Встречал я у Шапорина Певцова и Монахова, режиссера оперетты Феона и кинорежиссера Ивановского, Сергея Юткевича и Всеволода Мейерхольда. О музыкантах нечего и говорить. Их было всегда много, «хороших и разных», начиная с Шостаковича и кончая начинающим тогда Кочуровым. Приезжали Гаук и Мелик-Пашаев, подробно знакомившиеся с Первой симфонией Юрия Александровича; приезжала Мария Вениаминовна Юдина, игравшая его сонаты; бывали Щербачев, Климов, Андрей Николаевич Римский-Корсаков с женой Юлией Лазаревной Вейсберг, Александр Вячеславович Оссовский».

Некоторые стихи для либретто оперы «Декабристы» были написаны женой Толстого Наталией Васильевной Крандиевской. Она была талантливым человеком: писала стихи, пробовала сочинять музыку. Д. А. Толстой отмечает в своих воспоминаниях: «Отец... увековечил двадцатипятилетнюю мать в одной из сестер в «Хожде-нии по мукам». Мать послужила прототипом для Кати Булавиной; с ее сестры, Надежды Васильевны Крандиевской, списан образ Даши. Конечно, сюжетные линии сестер в трилогии не совпадают полностью с жизнью матери и тетки, но очень многое, можно сказать, почти все в описании внешности, характера, привычек и манеры говорить поражает портретным сходством».

Был дружен Толстой и с семьей композитора Г. Н. Попова, который жил в Екатерининском дворце. В 1930-х годах там помещались частные квартиры. «Гавриил Николаевич Попов,— писал В. М. Богданов-Березовский,— жил в самом центре правого полуциркуля Екатерининского дворца, возле больших ворот на плац, в двухкомнатной квартире с мансардой. Одна из комнат выходила прямо на растреллневский фасад». Другая комната — кабинет композитора — выходила в сторону Александровского парка.

Вместе с В. Я. Шишковым Толстой нередко посещал Петра Петровича Сойкина, замечательного русского издателя, жившего тогда в Детском Селе. Он переехал сюда из Ленинграда летом 1933 года и поселился на Новой улице (дом разрушен во время войны). В это время ему шел уже семьдесят первый год. За свою полувековую типографско-издательскую деятельность, он выпустил журналы 32 названий, 25 собраний сочинений русских и иностранных авторов. По выпуску книг Сойкин уступал только И. Д. Сытину, а по количеству выпускаемой периодической печати ему не было равных в России. В 1895 году Сойкин издал сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», в котором была помещена статья В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Эта статья была первым выступлением Ленина в легальной печати. После Октябрьской революции старейший русский издатель принимал самое активное участие в организации советского издательского дела. Переехав в Детское Село, Сойкин, несмотря на преклонный возраст, поступил на должность корректора в детскосельскую типографию. «Жизнь без труда я не признаю»,— писал он в это время Н. А. Морозову — старому народовольцу, почетному академику. 5 января 1938 года Сойкин скоропостижно скончался. Он похоронен в Пушкине, на Кузьминском кладбище.

В 30-х годах широко развернулась и приобрела государственный размах общественная деятельность А. Н. Толстого. В 1933—1934 годах писатель был депутатом Детскосельского горсовета VII созыва. В декабре 1934 года он был избран депутатом Ленинградского Совета. В декабре 1937 года Толстой избран в Совет Союза Верховного Совета СССР по Старорусскому избирательному округу. Он гордился своим депутатским званием и со всей ответственностью исполнял обязанности

депутата. В 1934 году Алексей Николаевич — делегат ленинградских писателей на Первый Всесоюзный съезд советских писателей.

Писатель участвовал в международных конгрессах передовой художественной интеллигенции Европы, состоявшихся во Франции и в сражающейся с фашизмом Испании; выступал в печати на самые злободневные темы — о внутренней жизни страны и о международном положении.

Толстой принимал активное участие в общественной жизни города Пушкина: читал свои произведения в санаториях и школах, выступал в газете «Большевицкое слово». 4 августа 1938 года в газете «Известия» была напечатана коллективная статья членов Пушкинского общества «Сохранить памятники пушкинских мест» за подписью А. Толстого, Ю. Тынянова, В. Шишкова и других.

В начале 1938 года Толстой переехал в Москву.

Снова писатель приезжал в Детское Село, уже переименованное в город Пушкин, в мае 1944 года вместе с членами Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Город лежал в развалинах. Писатель побывал и у дома на Пролетарской, где прожил восемь лет. Он был неузнаваем — с разрушенной взрывом крышей, выбитыми окнами. Но уже повсюду началась работа по восстановлению города...

Нынешний вид дома, в котором жил А. Н. Толстой, мало похож на довоенный. Но в Пушкине жива память о замечательном советском писателе. Его имя носит одна из новых улиц города — бульвар Алексея Толстого.

ДОМ ТВОРЧЕСТВА

Уезжая в 1938 году в Москву, А. Н. Толстой передал право на аренду дома в Пушкине на Пролетарской улице (ныне дом № 6) Ленинградскому отделению Литературного фонда, во главе правления которого стоял тогда В. Я. Шишков. Правление приняло решение разместить здесь Дом творчества ленинградских писателей. Договор на аренду дома был заключен на пять лет, и начались работы по перепланировке помещений.

26 октября 1938 года состоялось открытие Дома творчества ленинградских писателей. В доме было две-

надцать комнат. Каждому писателю предоставлялась отдельная комната. Литературный фонд выдавал путевки на срок от трех до тридцати дней. Писатели находились на полном пансионе. К их услугам имелась довольно большая библиотека справочной литературы. Весь день в комнатах стучали пишущие машинки — здесь хорошо работалось.

Многие советские писатели, поэты, литературоведы, критики в предвоенные годы работали и отдыхали в Пушкинском Доме творчества. Здесь побывали И. Эренбург, Б. Лавренев, Н. Тихонов, Н. Чуковский, Н. Никитин, М. Зощенко, В. Каверин, М. Слонимский, А. Гитович, Б. Эйхенбаум, драматург А. Штейн, крупнейший историк академик Е. Тарле, известный переводчик М. Лозинский и другие. На время ремонта своей квартиры сюда переселился А. Р. Беляев, живший в те годы в Пушкине. Ему очень нравилось в Доме творчества, и после окончания ремонта он еще довольно долго оставался здесь. Часто «по соседству» заходил Шишков, проявлявший большую заботу об организации отдыха писателей.

В 1940 году и весной 1941 года в Доме творчества жил Юрий Николаевич Тынянов. Он был уже очень болен, с трудом ходил, тяжело опираясь на палку, и целыми днями неподвижно сидел в кресле или на крыльце. В эти годы Тынянов работал над романом «Пушкин». Он прекрасно знал город, носящий имя поэта, так как часто приезжал сюда и раньше.

Л. Р. Коган 12 января 1944 года записал в своем дневнике: «Вспоминаю, как в январе 1937 года у меня в Детском Селе (в бывшем доме Китаевой.— Г. Б.) состоялось заседание правления Пушкинского общества по вопросу о подготовке к юбилею Пушкина в Детском Селе. Заседали в моем кабинете, который в 1831 году был гостиной Пушкина, где он с молодой женой принимал Жуковского, Гоголя, Смирнову и других.

Юрий Николаевич вошел, горбясь и трудно передвигая ногами, опираясь на палку. Я усадил его в глубокое кресло у письменного стола. Он отдышался и почувствовал себя хорошо. «Как тут славно! — сказал он, оглядывая мою библиотеку, полукруглую застекленную веранду. — Сколько слышали эти стены!..» Он принимал горячее участие в обсуждении всех вопросов... Решено было также отправить всем в Лицей посмотреть, что можно сделать для восстановления пушкинской «келей-

ки». Жена устроила для гостей обильный завтрак. Тынянов с удовольствием выпил стакан крепкого кофе с бисквитами. «Как тут у вас хорошо»,— повторял он...

Приходим в Лицей. Юрий Николаевич с трудом взбирается на четвертый этаж. Здесь ему известен каждый уголок, каждая ступенька, но в комнатенке Пушкина он не бывал: здесь живут частные жильцы... Яцевич входит к жильцам и просит разрешения посмотреть комнату. Нас впускают... Юрий Николаевич тотчас прирос к окну и стал пристально разглядывать вид на противоположное крыло Екатерининского дворца, налево — на арку, соединяющую Лицей с дворцом, на бегущее под ней Павловское шоссе и решетку парка, за которой видны были деревья. Он даже нагнулся, чтобы лучше видеть. Разглядывал — направо строения полуциркуля с палисадником и заснеженный перекресток трех дорог со входом в Александровский парк за высокой решеткой. Он стал очень молчалив и напряженно думал о чем-то».

Талантливый писатель, глубокий знаток истории литературы, Тынянов славился как великолепный рассказчик. Он обладал удивительно красивым голосом — густым и мягким басом баритонального оттенка. О каждом из писателей, по словам К. И. Чуковского, Тынянов говорил «как о старом приятеле, словно только что расстался с ним у Летнего сада или в Госиздате на Невском».

Когда, пересиливая болезнь, Тынянов выходил в уютную гостиную Дома творчества, сюда обычно сходились все. «Мебель в гостиной была из красного дерева,— вспоминал И. Эренбург,— на стенах висели картины...» Здесь задерживались до позднего вечера: читали отрывки из своих произведений, шутили, спорили.

Не раз приезжал сюда молодой Ираклий Андроников, покорявший всех своим удивительным талантом.

Весной 1940 года в Доме творчества поселился Н. Тихонов. Участник вооруженного конфликта между СССР и Финляндией, спровоцированного реакционной финской буржуазией, он только что снял военную форму. Писатель много рассказывал о боях на Карельском перешейке.

Гостями Дома творчества были и писатели из других городов и братских республик. «Я помню,— пишет Н. Тихонов,— армянских, грузинских поэтов, с которыми говорили о только что начинавших входить в жизнь декадах национального искусства и литературы. Помню

молодого, веселого, остроумного Хамида Алимджана, говорившего о предстоящем юбилее великого Навои».

Писатели много гуляли в парках, часто выступали там по воскресным дням на открытых площадках с чтением своих произведений, бывали в гостях у школьников, в санаториях и домах отдыха. Их произведения печатались на страницах газеты «Большевикское слово».

В Доме творчества установился шуточный обычай — всегда и всем быть довольными. Тот, кто появлялся в гостиной или столовой в плохом настроении, или жаловался на погоду, или выражал недовольство каким-нибудь блюдом за столом, приговаривался к штрафу. Штраф поступал в общественную кассу, и, когда писатели разъезжались по домам, на эти деньги устраивался прощальный ужин. За ужином обычно каждый отчитывался о работе, проделанной за время пребывания в Пушкине.

Н. Тихонов, живший в Доме творчества в 1940 году, рассказывает: «Мы играли иногда вечерами в скромные карточные игры, как чиновники-пенсионеры, в игры, доступные и школьникам. Проигравший уносил к себе в комнату деревянное страшилище — грубо сделанного из обрубка дерева рудокопа — и обязан был хранить эту фигуру, пока кто-нибудь не проиграется больше его. Тогда рудокопа переносили в комнату нового неудачника. Все это было по-домашнему смешно. Но в газетах было тревожно, и напрасно было бы думать, что все это не касается нас и тихого домика в тихом городке среди дремлющих мирно парков и дворцов».

Утром прежде всего брались за газеты. Узнав о том, что фашисты подошли к Парижу, почти никто в Доме творчества не спал. Этой бессонной ночью Н. Тихонов написал стихотворение:

Спит городок
Спокойно, как сурок.
И дождь сейчас уснет,
На крышах бронзовея;
Спит лодок белый флот,
И мертвый лев Тезя...

А я зато в каком-то чудном гуле
У темных снов стою на карауле
И слушаю: какая в мире тишь.
...Вторую ночь уже горит Париж!

И. Эренбург в воспоминаниях о Ю. Тынянове воссоздал атмосферу, царившую в Доме творчества в пред-

военные дни: «Вспоминаю нашу последнюю встречу тревожной весной 1941-го, за три недели до начала войны... В саду цвели нарциссы и тюльпаны... Все было уютным, мирным и никак не соответствовало времени. Юрий Николаевич ласково улыбался. А говорили мы, разумеется, о войне...»

Когда началась Великая Отечественная война, многие писатели стали военными корреспондентами, солдатами и офицерами Красной Армии, бойцами народного ополчения.

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 года, в «Ленинградской правде» было напечатано стихотворение Н. Тихонова «Не отдадим!», выражавшее непоколебимую уверенность в победе над врагом.

Дом творчества в Пушкине опустел... А в августе 1941 года здесь разместились редакция газеты «За Советскую Родину» 1-й Кировской дивизии Ленинградского народного ополчения и одно из подразделений этой дивизии — так называемый «взвод писателей». В него входили ленинградские писатели Г. Гор, С. Спасский, П. Журба, П. Ойфа, сын известного профессора-литературоведа В. А. Десницкого — молодой филолог А. Десницкий, Ю. Слонимский, Г. Алехин, С. Семенов и многие другие.

Вступая в ряды Ленинградского народного ополчения, писатели заявили: «Настал момент, когда наряду с пером в наших руках должна быть винтовка, а наше место — в строю, плечом к плечу с рядовыми бойцами. Мы приносим священную боевую клятву — мужественно, не щадя жизни, выполнить долг, который возлагает на нас грозный час, переживаемый Родиной».

Возглавил писательское подразделение Сергей Александрович Семенов — коммунист с 1918 года, участник легендарных арктических рейсов на «Сибирякове» и «Челюскине», автор путевых записей об этих экспедициях. Его перу принадлежат также роман «Голод», повесть «Копейки» и другие произведения. За участие в экспедициях на «Сибирякове» и «Челюскине» С. А. Семенов был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Красной Звезды. В 1941 году С. А. Семенову было сорок семь лет.

В дивизионной газете «За Советскую Родину» помещались заметки бойцов, командиров, политработников, но эта газета отличалась от обычных фронтовых газет — ее постоянными сотрудниками являлись более тридцати

ленинградских писателей. Корреспонденции часто бывали подписаны хорошо знакомыми читателям именами.

Сначала газета печаталась в полевой походной типографии, размещавшейся в кузове грузовика, а с двадцатых чисел августа 1941 года, когда дивизия после жестоких и кровопролитных боев находилась в Пушкине, — в типографии районной газеты «Большевистское слово».

Н. Д. Новоселов — в то время девятнадцатилетний ответственный секретарь редакции газеты «За Советскую Родину» — вспоминал:

«Редакция и взвод писателей разместились в доме № 4 по Пролетарской улице... На диване в бывшем кабинете Алексея Толстого — измятые солдатские шинели, противогазные сумки, на подоконнике — обоймы и гранаты... В столовой — громкие голоса, стук машинки, клубы махорочного дыма. Во всех комнатах двухэтажного особняка поселились писатели-ополченцы. Они пользуются возможностью посидеть за настоящим письменным столом, приводят в порядок свои фронтовые записи, работают над новыми произведениями. В знакомый дом на Пролетарской улице заглядывают ленинградские писатели, приезжающие в Пушкин. В начале сентября у нас побывали А. Решетов, В. Кочетов, М. Михалев, Л. Рахманов, П. Лукницкий».

Даже в те трудные военные дни всех живших в Пушкине не оставляло ощущение неразрывной связи этого города с именем Пушкина.

«Каждый день, — рассказывал Н. Д. Новоселов, — с Пролетарской улицы мы ходим на другой конец города — в Шестой военный городок, где находятся штаб и политотдел дивизии, куда прибывают группы ополченцев, вырвавшихся из окружения. Мы проходим мимо здания Лицея... Идем под старыми липами Екатерининского парка, мимо прудов с осенними листьями на темной недвижной воде, мимо Кагульского обелиска и Чесменской колонны, мимо девы с разбитым кувшином, воспетой Пушкиным. Здесь все полно музыкой пушкинских строк, мы вновь и вновь вспоминаем его стихи, говорим о нем, и кто-то вслух читает ахматовское — о Пушкине в Царском Селе: «Смуглый отрок бродил по аллеям...» Этот город неотделим от русской поэзии, русской литературы».

Военный городок, где размещалась 1-я Кировская дивизия Ленинградского народного ополчения, находился в Софии. «В кирпичных старинной кладки казармах

Шестого военного городка,— писал Н. Д. Новоселов,— собралось около 5 тысяч бойцов, командиров и политработников Кировской дивизии... В казармах военного городка литераторы проводят многие часы, слушая и записывая рассказы воинов».

В сентябре 1941 года часть дивизии была отправлена на Карельский перешеек и под Красное Село. «В военном городке в Пушкине,— вспоминал Новоселов,— остались сильно поредевший, понесший большие потери 1-й стрелковый полк, часть артиллерийского полка и несколько мелких подразделений. Уменьшился и взвод писателей. В редакцию газеты «На защиту Ленинграда» перешел Н. Жданов. В распоряжение ТАСС направлены Г. Гор, Е. Люфанов, Л. Цырлин, И. Ямпольский. Отозван в Ленинград Ю. Слонимский...

11 сентября полк кировцев под командованием полковника Лебединского занял линию обороны на юго-западной стороне Екатерининского парка. ...Несколько дней наши бойцы героически сопротивлялись натиску врага. В Екатерининском парке, у Камероновой галереи, горстка ополченцев-кировцев встретила фашистов контратакой...

Во второй половине сентября остатки ополченческой дивизии вместе со взводом писателей и редакцией переместились в поселок Петро-Славянка.

В послевоенные годы, как уже упоминалось, дом № 4 по Пролетарской улице (ныне дом № 6) перестроен. Теперь в нем зимой размещается База отдыха Главной водопроводной станции Ленинграда, а летом — детский сад этой станции.

ОСНОВОПОЛОЖНИК СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Первого августа 1934 года, возвращаясь из Ленинграда домой в Детское Село, Александр Романович Беляев, наверное, не раз заново вспоминал свой разговор с Гербертом Уэллсом. В этот день издательство «Молодая гвардия» организовало для литераторов и ученых встречу с английским писателем-фантастом. В разговоре с Беляевым Уэллс, в частности, сказал ему: «Я с удовольствием, господин Беляев, прочитал ваши чудесные романы «Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия». О! Они весьма выгодно отличаются от западных

книг. Я даже немного завидую их успеху». И на вопрос о том, чем же они отличаются, Уэллс ответил: «В современной научно-фантастической литературе на Западе невероятно много фантастики и столь же невероятно мало науки...»

Основоположника советской научной фантастики А. Р. Беляева часто называют советским Жюлем Верном. Его первый же научно-фантастический роман, появившийся в печати в 1925 году, «Голова профессора Дсуэля», принес автору широкую известность.

Для произведений Беляева характерны не только увлекательный сюжет и удивительное мастерство популяризации новых научных идей. Убежденный в том, что главной задачей научной фантастики является служение гуманизму в самом широком значении этого слова, писатель постоянно ставил в своих произведениях большие и важные морально-этические проблемы.

В 1920 и 1930-х годах многих прогрессивных писателей и ученых начинал все больше волновать вопрос о судьбе ученого и его открытия в современном мире, о совершенно особой ответственности ученого и изобретателя не только перед современниками, но и перед грядущими поколениями. Еще Жюль Верн когда-то предостерегал против использования научных достижений во вред человечеству. Этой же теме посвятил роман «Гиперболоид инженера Гарина» Алексей Толстой. Не прошел мимо этой темы и Беляев. Он постоянно подчеркивал, что сама по себе наука не враждебна людям, как это стараются представить некоторые зарубежные фантасты. Писатель утверждал, что наука может принести человечеству неисчислимые блага — все зависит от того, в чьи руки попадет научное открытие.

В Детское Село Беляев переехал из Ленинграда с женой и маленькой дочерью в конце января 1932 года. Он поселился в доме № 15 по улице Жуковского.

Дом этот, довольно большой, был двухэтажный, деревянный, барачного типа, стоял он в самом конце улицы. До наших дней дом не сохранился. Семья писателя занимала две небольшие комнаты во втором этаже, в коммунальной квартире.

В 1932 году А. Р. Беляеву исполнилось сорок восемь лет. Это был на редкость одаренный человек. В молодости он увлекался театром, и в свое время К. С. Станиславский говорил, что он мог бы стать актером. Беляев хорошо играл на скрипке, был талантливым журна-

листом. Окончив юридический лицей, он некоторое время служил помощником присяжного поверенного, затем присяжным поверенным, а позже — уже после революции — переменял несколько профессий: работал в уголовном розыске, в детском доме, в Наркомпочте, юрисконсультom в Наркомпросе. Беляев немало в жизни видел, немало пережил. Он побывал за границей — видел Париж, Рим, Неаполь, Венецию, Геную.

В конце 1915 года Беляев тяжело заболел туберкулезом позвоночника. Несколько лет ему пришлось пролежать в гипсе.

Ко времени переезда Беляева в Детское Село кроме научно-фантастического романа «Голова профессора Доуэля», сделавшего имя писателя необычайно популярным, уже вышли в свет многие другие его произведения — повесть «Последний человек из Атлантиды», рассказ «Остров погибших кораблей», романы «Человек-амфибия», «Борьба в эфире», «Властелин мира», очерк «Гражданин Эфирного острова» и другие.

В 30-х годах Беляев пристально следил за работами К. Э. Циолковского, которому в 1930 году посвятил очерк «Гражданин Эфирного острова». Полету в ракетном корабле, построенном в соответствии с теорией межпланетных полетов Циолковского, посвящен роман «Прыжок в ничто». На основе изучения работ Циолковского о межпланетном дирижабле возник и замысел романа «Воздушный корабль». Произведения Беляева заинтересовали Циолковского. Между писателем и ученым завязалась переписка, которая оборвалась только со смертью Циолковского в 1935 году.

Циолковский высоко ценил талант писателя-фантаста и значение его произведений в деле популяризации научных идей. Ученый писал Беляеву о романе «Прыжок в ничто»: «Ваш рассказ содержательнее, научнее и литературнее всех известных мне работ на тему «межпланетных путешествий»... Он более будет распространять знание и интерес к великой задаче 20-го века, чем другие популярные рассказы...»

Писателя привлекала и сама личность ученого. «Я перебираю его книги и брошюры, изданные им на собственный счет в провинциальной калужской типографии,— писал Беляев в 1935 году в статье, посвященной памяти К. Э. Циолковского,— его письма, черновики его рукописей, в которые он упаковывал посылаемые книги, его портреты,— и раздумываю над этим челове-

ком, который прожил тяжелую и в то же время интересную жизнь. Он знал солнечную систему лучше, чем мы — свой город...»

Константину Эдуардовичу Циолковскому Беляев посвятил свою книгу «Звезда КЭЦ».

В феврале 1935 года Беляев переселился в Ленинград, но дочь писателя часто болела, ухудшилось и его здоровье, и по совету врачей летом 1938 года семья снова переехала в Пушкин. Здесь прошли последние четыре года жизни писателя.

По свидетельству дочери писателя, Светланы Александровны Беляевой, их квартира находилась в третьем этаже четырехэтажного дома № 216 по улице Первого Мая (во дворе за кинотеатром «Авангард»). Во время Великой Отечественной войны дом разрушен, теперь на его месте стоит новый трехэтажный дом (№ 19).

Квартира состояла из шести небольших, но уютных комнат. В самой маленькой, пятиметровой, рядом с кабинетом писателя, была библиотека. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами по самым различным отраслям науки и техники, среди них была полная энциклопедия Брокгауза, Советская энциклопедия, путеводители, много различных справочников. Стеллажи с книгами были и в кабинете. Там же на стене висела большая карта Советского Союза.

С. А. Беляева рассказывает: «На кинотеатр смотрели окна библиотеки, папиного кабинета и балконной комнаты. На другую сторону выходили балкон, окно гостиной, окно моей комнаты и столовой...» Из кухни и ванной окна выходили в ту сторону, где сейчас сквер.

Тяжелобольной Беляев часто подолгу вынужден был лежать неподвижно, и тогда его связывало с миром радио. Он любил слушать и разнообразные звуки, доносившиеся с улицы... Когда в «Авангарде» заканчивался очередной сеанс, писателю слышно было, как из кино выходила публика. Летом в открытые окна доносились обрывки разговоров, смех... Незадолго до войны Беляеву поставили телефон. Он мечтал о телевизоре, причем таком, по которому можно было бы самому настраиваться на любое расстояние, видеть весь мир. Но тогда телевизор еще не было.

Весной 1941 года писателя посетил корреспондент пушкинской газеты «Большевистское слово» Е. Головкин. В статье «Мастер научной фантастики», опубликованной в этой газете 1 апреля 1941 года, он писал: «Скромно

обставлен кабинет. Полупоходная койка. По стенам картины с фантастическими изображениями. Мерно гудит ламповый радиоприемник. Настольный телефон и книги... книги... книги... Ими завалены стол, этажерка, шкаф и до потолка вся соседняя комната-библиотека.

На койке лежит человек с высоким лбом, лохматыми черными бровями, из-под которых смотрят ясные, пронзительные глаза. И кажется, что это один из героев книги «Звезда КЭЦ» в своей межпланетной обсерватории, откуда в специальные телескопы он видит и изучает жизнь далеких планет.

Когда находишься в рабочем кабинете писателя, «Голова профессора Доуэля» и «Звезда Константина Эдуардовича Циолковского» уже кажутся действительностью, и Александр Романович вот-вот возьмет телефонную трубку и прокричит своим помолодевшим голосом:

— Алло! Алло! Слушай меня, Марс! Говорит Земля!»

Это был мужественный человек. Вынужденный носить ортопедический корсет и ходить, опираясь на палку, он всегда был образцом дисциплины и корректности. А тогда, когда ему приходилось подолгу лежать в гипсе, он, как рассказывала вдова писателя Маргарита Константиновна, писал в письмах: «Жив, здоров. лежу в постели без движения». Ему часто снился один и тот же сон: он свободно парит в воздухе. Прикованный к постели, он мечтал о полетах. Так возник замысел «Ариэля», написанного незадолго до войны.

Многие произведения Беляева рождались необычно. Вспоминая о том, как создавался роман «Голова профессора Доуэля», писатель отмечал, что это произведение в значительной степени автобиографическое. «Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать,— писал Беляев. — Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни „головы без тела“, которого я совершенно не чувствовал... Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать „голова без тела“».

Беляев получал много писем, газет, журналов. Лишенный возможности широкого общения с людьми, он особенно внимательно присматривался к фотографиям в журналах. Иногда он вырезал из газеты чем-то обра-

тившую на себя внимание фотографию и потом использовал ее, описывая внешность кого-нибудь из своих героев.

Последние годы жизни Беляев выходил из дому очень редко и ненадолго: здоровье ухудшалось.

Его навещали люди самых разнообразных профессий. К нему приходили ученые, врачи, изобретатели, студенты, школьники. Когда школьники одной из школ города Пушкина решили поставить пьесу по роману «Голова профессора Доуэля», несколько репетиций прошло в квартире писателя, который помогал детям своими советами, подсказывал, как лучше сыграть ту или иную сцену. Писателя навещал художник Травин, живший в Пушкине. Бывал у него и поэт В. Б. Азаров, работавший тогда в Ленинградском радиокомитете.

Беляев хорошо рисовал и часто сам делал эскизы для иллюстраций своих произведений или давал художникам свои указания. Он очень любил музыку и, когда чувствовал себя лучше, играл на скрипке. Дочь писателя Светлана Александровна рассказывает, что иногда в их семье устраивали целые концерты: Беляев играл на скрипке, Маргарита Константиновна на гитаре, а она, тогда школьница, на кастаньетах или треугольнике.

Несмотря на болезнь, писатель очень много работал, всегда был полон самых различных идей и замыслов. «Писал он очень легко,— вспоминает С. А. Беляева. — Стоило ему вечером начать, и он мог продолжать до рассвета. Чтобы избежать этого, он составил себе распорядок дня и строго его придерживался. В девять часов утра просыпался. В десятом завтракал. С десяти до часу дня писал. В час у него был второй завтрак. После него продолжал работу: отвечал на письма, читал газеты и журналы. В четыре часа обедал, потом часа полтора спал. Отдохнув, читал, слушал радио. По вечерам занимался со мной. Иногда мы рисовали, лепили из пластилина, сообща сочиняли сказку».

Беляев любил город Пушкин и много думал о его будущем.

В конце ноября 1938 года он выступил на страницах газеты «Большевистское слово» с призывом бережно охранять пушкинские парки, превратив их в заповедник. А в той части Александровского парка, которая будет отведена для отдыха, создать «парк чудес» для детей — нечто вроде филиала Дома занимательной науки и техники и Дворца пионеров,— где отдых детей сочетался

бы с познанием природы и знакомством с последними достижениями науки. По его мысли, в этом «парке чудес» должна быть зона астрономии и звездоплавания с ракетодромом; зона ботаники и зоологии и т. д.

Предложение Беляева встретило горячую поддержку руководителей Ленинградского Дома занимательной науки и техники профессора Н. А. Рынина, Я. И. Перельмана, В. И. Прянишникова, но из-за большой стоимости проект «парка чудес» не был осуществлен.

С января 1939 года Беляев стал постоянным сотрудником газеты «Большевистское слово». Почти каждую неделю он публиковал в ней свои статьи, очерки, рассказы. В новогоднем номере газеты был напечатан его фантастический рассказ «Визит Пушкина».

В газете «Большевистское слово» в январе—феврале 1939 года Беляев публиковал фантастический роман «Лаборатория Дубльвэ». В этой же газете был напечатан ряд биографических очерков, посвященных ученым, изобретателям, писателям — Ф. Нансену, К. Э. Циолковскому, И. П. Павлову, Г. Уэллсу, Ж. Верну, М. В. Ломоносову и другим.

Когда началась Великая Отечественная война, Беляев писал в статье, опубликованной в газете «Большевистское слово» 26 июня 1941 года: «Труд создает, война — разрушает... Нам навязали войну-разрушительницу. Что же? Будем «разрушать разрушителей». Наша доблестная Красная Армия докажет вероломному врагу, что рабочие и крестьяне, из которых она состоит, умеют не только строить заводы и фабрики, но и разрушать «фабрики войны». Какие бы тяжкие испытания ни пришлось нам пережить, армия великого народа не сложит оружия, пока враг не будет отброшен и уничтожен».

К Пушкину подходили фашистские войска. Незадолго до войны Беляев перенес тяжелую операцию, и об эвакуации нечего было и думать: ему нельзя было двигаться.

17 сентября 1941 года город был оккупирован...

6 января 1942 года Беляев умер от голода. Две недели тело его пролежало в соседней пустой квартире, так как у родных не было возможности его похоронить.

6 февраля 1942 года жену и дочь писателя фашисты угнали в Германию. Только после войны им удалось вернуться на Родину. Сейчас в Ленинграде живет дочь Беляева.

1 ноября 1968 года на Казанском кладбище города Пушкина состоялось открытие памятника-стелы на могиле писателя-фантаста. В торжественном митинге приняли участие представители Ленинградского и Московского отделений Союза советских писателей, Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, управления культуры Ленгорисполкома и исполкома Пушкинского райсовета, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и других организаций. А в 1979 году — к 95-летию со дня рождения Беляева, на фасаде дома № 19 по улице Первого Мая была торжественно открыта мемориальная доска. На ней написано: «В этом доме с 1938 года по 1942 год жил писатель-фантаст Александр Романович Беляев».

«МОИ ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ — ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ»

Анна Андреевна Горенко, известная под псевдонимом Ахматова, родилась в 1889 году под Одессой. Ее отец в то время был отставным инженером-механиком флота.

«Ребенком я была перевезена на север — сначала в Павловск, затем — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет,— писала о себе А. А. Ахматова в последние годы жизни в автобиографическом наброске. — Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал».

В адресной книге «Весь Петербург» фамилия отца А. Ахматовой А. А. Горенко как проживающего в Царском Селе впервые упоминается в 1894 году. Надо полагать, что он переехал в Царское Село несколько раньше — вероятно, в 1893 году.

В Царском Селе семья Горенко поселилась почти рядом с вокзалом, в доме Шухардиной, где прожила до 1905 года. Дом стоял на углу Широкой улицы (ныне улица Ленина) и Безымянного переулка — если идти от вокзала, то на правой стороне Широкой. Ни дома Шухардиной, ни Безымянного переулка в наши дни не существует. На том месте, где переулок пересекал Широкую, раскинулась нарядная Привокзальная площадь, вокруг которой высятся новые жилые кварталы.

Недалеко от дома Шухардиной, за железнодорожной линией, когда-то находился ипподром, о котором вспоминала Ахматова.

В «Материалах Царскосельской уездной земской управы» дано описание дома, в котором семья Горенко прожила десять с лишним лет. Там сообщается: «На углу Широкой улицы и Безымянного переулка деревянный дом в 2 этажа на каменном подвале, по Широкой улице флигель, службы, сад».

В этом доме прошли детство и ранняя юность Ахматовой. Навсегда он остался, по ее словам, памятное «всех домов на свете». Через много лет в своем неопубликованном очерке «Дом Шухардиной» поэтесса подробно описала и этот дом, и улицу Широкою, и Безымянный переулок.

«Дом темно-зеленый,— вспоминала Ахматова,— с неполным вторым этажом (вроде мезонина). В полуподвале мелочная лавочка с резким звонком в двери и незабываемым запахом этого рода заведений. С другой стороны (на Безымянном) тоже в полуподвале мастерская сапожника, на вывеске сапог и надпись: „Сапожник Б. Неволин”».

В доме, который стоял на Широкой напротив дома Шухардиной, в первом этаже находилась фотография Ган, а во втором — жила семья известного пейзажиста художника Ю. Ю. Клевера. Его сын О. Ю. Клевер стал впоследствии театральным художником и графиком.

Ахматова рассказывала: «Мимо дома примерно каждые полчаса проносятся к вокзалу и от вокзала целая процессия экипажей. Там все: придворные кареты, рысаки богачей, полицмейстер барон Врангель стоя в снях (или пролетке) и держащийся за пояс кучера, флигель-адъютантская тройка, просто тройка (почтовая), царскосельские извозчики на «браковках». Автомобилей еще не было».

Вдоль Безымянного переулка тянулся дощатый забор. Переулок был обычно пустынным и тихим, по нему ездили только солдаты гвардейских полков за продуктами в так называемые провнантские склады, которые находились на самом краю города.

«Переулок этот бывал занесен зимой глубоким чистым не городским снегом, а летом пышно зарастал сорняками — репейниками, из которых я в раннем детстве лепила корзиночки, роскошной крапивой и великанами-лопухами», — вспоминала Ахматова.

В 1961 году в стихотворении «Царскосельская ода» — оно имеет подзаголовок «Девятисотые годы» — Ахматова писала:

Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугулки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет,
И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы
Появиться могли
Голубые сугробы
С Петербургом вдали.
Здесь не древние клады,
А дощатый сабор,
Интендантские склады
И извозничий двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадает гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка
И махорки струя.

Памятью к этому городу Ахматова возвращалась постоянно. «...Я часто вижу во сне Царское», — говорила она, по свидетельству известного советского литературоведа Д. Е. Максимова. Так было и во время ее тяжелой болезни в Ташкенте, где поэтесса жила в эвакуации во время Великой Отечественной войны. «...В тифозном бреду, — вспоминала она, — все время слушала, как стучат мои каблуки по Царскосельскому Гостиному двору — это я иду в гимназию, снег вокруг собора потемнел, кричат вороны, звонят колокола...»

Царскосельская женская гимназия, в которой училась Ахматова, находилась рядом с Гостиным двором, на Леонтьевской улице. Сейчас в этом доме размещаются детская музыкальная школа города Пушкина и вечерняя школа общего музыкального образования. Его современный адрес: улица Труда, 17. Открытие гимназии состоялось в 1864 году, до этого здесь помещалась канцелярия главноуправляющего дворцовыми правлениями. В 1908 году здание перестраивалось.

Всю жизнь одним из самых близких людей для Ах-

матовой оставалась ее подруга по царскосельской гимназии Валерия Сергеевна Срезневская, которой посвящены стихотворения «Вместо мудрости опытность...», написанное в 1913 году, и «Памяти В. С. Срезневской», созданное через полвека — в 1964 году.

Поблизости от гимназии находилась кондитерская Голлербаха, пользовавшаяся большой популярностью у царскосельских гимназистов. Д. Е. Максимов, вспоминая о знакомстве с Ахматовой, состоявшемся в 1936 году в Ленинграде, рассказывает: «...с первых же слов было подтверждено наше «родство» с нею по Царскому Селу, которое мы оба считали своим отечеством. В нашем разговоре сразу замелькали милые нам старые имена царскосельских улиц. Мы почему-то вспомнили о царскосельских аптеках Каска и Дерингера и об источнике самых сладких (в буквальном смысле) воспоминаний — о находящейся в угловом доме на Леонтьевской улице кондитерской Голлербаха, из семьи которого, кстати сказать, вышел известный искусствовед Э. Ф. Голлербах».

Летом 1905 года Ахматова уехала из Царского Села. Гимназию она окончила в 1907 году уже в Киеве.

В том же году в журнале «Сириус», издававшемся в Париже на русском языке, она впервые выступила в печати. Журнал был создан по инициативе поэта Н. С. Гумилева, редактировали его сам Гумилев, М. Фармаковский и А. Божерянов. Во втором номере «Сириуса» было опубликовано стихотворение Ахматовой «На руке его много блестящих колец...», подписанное «Анна Г.». Впоследствии поэтесса никогда его не перепечатывала.

Гумилев и Ахматова познакомились в Царском Селе в гимназические годы. В 1912 году в стихотворении, посвященном Николаю Гумилеву и имеющем авторскую помету «Царское Село», она писала:

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашу встречу, мальчик мой веселый.

Возможно, Гумилев, как и Ахматова, тоже мог бы сказать, что его первые впечатления — царскосельские. Во всяком случае, его детство и юность тесно связаны с этим городом. Николай Степанович Гумилев родился в Кронштадте в 1886 году. Его отец — морской врач — вскоре вышел в отставку, и семья поселилась в Царском

Селе. Здесь Гумилев закончил Царскосельскую мужскую классическую гимназию. Уже упоминалось о том, какую большую роль в становлении духовной жизни своих учеников играл директор гимназии И. Ф. Анненский.

«Любовь и преклонение перед Учителем и в стихах и в прозе Гумилева» подчеркивала впоследствии Ахматова. А сама она, чрезвычайно высоко ценившая значение творчества Анненского для дальнейшего развития отечественной поэзии, в 1945 году написала стихотворение под знаменательным заглавием «Учитель», имеющее подзаголовок «Памяти Иннокентия Анненского».

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованием,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленья —
И задохнулся...

Веселый, талантливый, смелый, ненавидевший благополучную обывательщину и бездуховность, Гумилев мечтал о жизни яркой, не похожей на тусклую, пошлую обыденность, о жизни, требующей храбрости и дерзкой отваги.

Гумилев был еще гимназистом, когда в 1905 году вышел первый сборник его стихов «Путь конквистадоров». В Брюсов, оценивая в целом стихи этого сборника как «перепевы и подражания, далеко не всегда удачные», вместе с тем отметил: «Но в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только «путь» нового конквистадора и что его победы и завоевания — впереди».

В 1907 году Гумилев уехал в Париж, чтобы продолжить свое образование в Сорбонне. Тогда он и начал издавать небольшой литературный журнал «Сириус». Но журнал успеха не имел, и, по-видимому, вскоре его издание прекратилось. Известно всего три номера журнала.

В Париже вышла вторая книга стихов Гумилева «Романтические цветы» с посвящением Анне Андреевне Горенко. «Сравнивая „Романтические цветы“ с „Путем конквистадоров“, — подчеркивал В. Брюсов, — видишь, что автор много и упорно работал над своим стихом... Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то на-

метили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые».

Откликнулся рецензией на «Романтические цветы» и И. Ф. Анненский. «Нравится мне еще,— писал он,— что у молодого автора в его маскарадном экзотизме чувствуется иногда не только чисто славянская мрачность, но и стихийно-русское «искание муки», это обязательно-некрасовское «Мерещится мне всюду драма», наша, специально наша „трагическая мораль“».

Анненский внимательно следил за развитием творчества своего питомца. На своей книге, подаренной молодому поэту, Анненский сделал надпись:

Меж нами сумрак жизни длинной,
Но этот сумрак не корю,
И мой закат холодно-дынный
С отрадой смотрит на зарю.

Мечта о яркой, неизведанной жизни, неприятие обыденности определили решение Гумилева отправиться в путешествие. Ему давно хотелось увидеть Африку. Без всяких средств — отец категорически отказался дать деньги на это безумное, с его точки зрения, предприятие,— поэт отправился в свое первое путешествие по Африке. Приключений и опасностей, о которых он грезил, хватило с избытком... В 1908 году он вернулся в Париж, а затем и на родину.

В Царском Селе Гумилев постоянно виделся с И. Ф. Анненским, начал сотрудничать вместе с ним в журнале «Аполлон». На страницах этого журнала Гумилев публиковал статьи о современной поэзии («Письма о русской поэзии»), вышедшие в 1923 году в Петрограде отдельным сборником; статьи о французской поэзии XIX века и другие.

25 апреля 1910 года Гумилев и Ахматова обвенчались. В свадебное путешествие они поехали в Париж. В том же году вернувшись в Россию, они поселились в Царском Селе вместе с родителями Гумилева, на Бульварной улице, в доме Георгиевского.

Дом этот стоял на углу Бульварной улицы (ныне Октябрьский бульвар) и Конюшенной (ныне улица Первого Мая). Он был деревянным, двухэтажным, со службами и садом. Сейчас на его месте стоит новый жилой дом (Октябрьский бульвар, 37), а возле дома — на углу Октябрьского бульвара и улицы Первого Мая — находится небольшой скверик.

За Бульварной улицей начиналось поле. Рассказывая о жизни в доме Георгиевского, Ахматова писала: «...мы просто ходили в поле, которое начиналось почти сразу за нашим домом — полувыгон, полуболото, в огневеющий огромный закат (летом солнце садится на севере)».

Ее впечатления о встрече с Царским Селом отразились в стихотворении «Первое возвращение», созданном тогда же — в 1910 году:

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

«Тягостное» настроение, которым проникнуто это стихотворение, не случайно. 10-е годы XX века — годы столыпинской реакции — тяжелое, трагическое время в жизни России, наложившее отпечаток на духовную жизнь страны.

«Истомной скукой Царского Села», несмотря на то что она разнообразилась поездками в Петербург, участием в литературной жизни столицы, Гумилев долго прожить не мог. Его снова потянуло в Африку.

В 1910 году к Гумилеву пришла широкая поэтическая известность. Ее принесла третья книга стихов — «Жемчуга». Автор посвятил ее В. Брюсову.

В этот же период утвердилась в поэзии и Ахматова. В 1912 году увидел свет первый сборник ее стихов «Вечер».

К. И. Чуковский рассказывал в своих воспоминаниях: «Анну Андреевну Ахматову я знал с 1912 года. Тоненькая, стройная, похожая на робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта Н. С. Гумилева, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей.

То были годы ее первых стихов и необыкновенных, неожиданно шумных триумфов. Прошло два-три года, и в ее глазах, и в осанке, и в обращении с людьми наметилась одна главнейшая черта ее личности: величавость. Не спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость: «царственная», монументально важная поступь, нерушимое чувство уважения к себе, к своей высокой писательской миссии.

С каждым годом Ахматова становилась величественнее. Она нисколько не старалась об этом, это выходило у нее само собою. За все полвека, что мы были знакомы, я не помню у нее на лице ни одной просительной, мелкой или жалкой улыбки.

Но держалась она со всеми очень просто и дружелюбно, на равной ноге. Замечательна была в ее характере и другая черта. Она была совершенно лишена чувства собственности. Не любила и не хранила вещей, расставалась с ними удивительно легко.

Такой же значительной чертой ее личности была ее огромная начитанность. Она была одним из самых образованных поэтов эпохи».

После возвращения Гумилева из Африки молодые поэты жили вместе с его матерью (уже вдовой) на Малой улице, в доме 63, почти напротив Царскосельской мужской классической гимназии. Этот деревянный дом не сохранился до наших дней (ныне участок дома № 57 по улице Революции).

Наверное, все в этом уголке Царского Села напоминало Гумилеву гимназические годы, И. Ф. Анненского и его «высокий кабинет», где директор гимназии и юный гимназист, забыв обо всем, погружались в священную для обоих стихию поэзии.

Один из современников, бывавший в доме на Малой, рассказывал в письме, датированном 20 октября 1912 года: «Ахматова — красавица, античная гречанка. ...Комнаты их дома украшены трофеями... охот Гумилева: черная пантера, леопард...»

Гумилев и Ахматова принимали активное участие в литературной жизни Петербурга. Гумилев вместе с С. М. Городецким возглавлял литературное объединение «Цех поэтов», существовавшее в 1911—1914 годах. В него входили акмеисты — представители одного из течений русской поэзии того времени. Участвовала в нем и Ахматова. Нередко далеко за полночь, а то и утром возвращались домой в Царское Село супруги — соратники по литературной деятельности и борьбе. В одном из своих стихотворений Гумилев подчеркнул эту особенность их отношений:

Я жду, исполненный укоров:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шепот, томный взгляд, —
И к упоеньям я приучен,
И к мукам, горше во сто крат.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

Приезжали участники «Цеха поэтов» и в Царское Село, на Малую улицу. Среди них известный советский поэт и переводчик М. Л. Лозинский, поэты В. И. Нарбут, О. Э. Мандельштам, Е. Ю. Кузьмина-Караваева, человек героической судьбы, в годы второй мировой войны участница французского Сопротивления.

В 1912 году в Петербурге вышла новая книга стихов Гумилева «Чужое небо», а на следующий год он снова поехал в Африку. На этот раз как член экспедиции Академии наук «для приобретения предметов быта», которые должны были пополнить коллекцию Музея этнографии.

Когда началась первая мировая война, Гумилев сразу же добровольцем пошел в армию.

В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь своей судьбы, —

писал он. Как многие русские интеллигенты, в ту пору он просто не задумывался, в чьих интересах ведется эта война. Ему, всегда мечтавшему об опасностях, о подвигах, казалось, что теперь для этого настало самое подходящее время. Поэт добился, чтобы его сразу же отправили в действующую армию, и служил в конной разведке. Пребывание на фронте дало материал для многих его стихов, а в петербургской газете «Биржевые ведомости» в течение 1915 года печатался цикл его очерков «Записки кавалериста». За храбрость, проявленную при выполнении боевых заданий, Гумилев был награжден двумя Георгиевскими крестами. В его стихотворении «Память» есть строки:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

В это время Ахматова продолжала жить в Царском Селе, в доме на Малой улице.

Неподалеку, тоже на Малой, весной 1915 года поселилась семья известного в то время литератора и историка литературы Г. И. Чулкова. Ахматова часто приходила к Чулковым и одна, и с трехлетним сыном Львом, читала у них свои стихи. (Лев Николаевич Гумилев, крупный советский ученый, историк-востоковед, ныне живет и трудится в Ленинграде.)

Писатели и поэты, бывавшие у Чулкова, заходили и к Ахматовой. Так, 29 мая 1915 года А. Блок сообщал в письме к матери: «Вчера мы с Пястом и Княжниным провели весь день и вечер у Чулковых в Царском Селе... Ходили с визитом к А. Ахматовой, но не застали ее».

Воспоминания Ахматовой, связанные с домом на Малой улице, окрашены в довольно мрачные тона. «Мне не хочется его вспоминать, как шухардинский дом,— писала она впоследствии,— и я никогда не вижу его во сне, хотя жила в нем с 1911—1916...»

По-видимому, об этом доме и стихотворные строки:

В том доме было очень страшно жить,
И ни камин свет патриархальный,
Ни колыбелька моего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены,
Не уменьшало это чувство страха.

Очевидно, это «чувство страха» вызвано ощущением близкого крушения старой России, привычного мира. Все казалось шатким, ненадежным. Рушилась и их совместная жизнь с Гумилевым...

Официально развод был оформлен позже — летом 1918 года. Но чувство дружбы, связывавшей их, осталось. На книге своих стихов «Белая стая», подаренной Гумилеву, Ахматова написала: «Моему дорогому другу Н. Гумилеву с любовью Анна Ахматова. 10 июня 1918. Петербург».

В адресной книге «Весь Петербург» проживающим в Царском Селе с 1916 года числится поэт, драматург и критик Николай Владимирович Недоброво. Возможно, он переехал сюда еще в 1915 году. Жил он на Бульварной улице (ныне Октябрьский бульвар).

Недоброво — в 1915 году ему было 33 года — играл довольно значительную роль в литературной жизни Петербурга 1910-х годов. Он близко знал А. Блока, С. Городецкого и многих других крупнейших литераторов. «Язвительно-вежливый петербуржец, говорун поздних символистских салонов, непроницаемый, как молодой

чиновник, хранящий государственную тайну, Недоброво появлялся всюду читать Тютчева, как бы представительствовать за него», — рассказывал О. Мандельштам. Недоброво действительно преклонялся перед Пушкиным, Тютчевым, Фетом. Сам он печатался мало, но был «законодателем вкусов», по выражению одного из современников.

Очень доброжелательно он всегда относился к поэтической молодежи. «На суд Недоброво доверчиво несли свои произведения молодые поэты, а его приговоры и мнения быстро воспринимались и усваивались многочисленными слушателями», — писал один из литераторов-современников.

В 1915 году в седьмом номере журнала «Русская мысль» была напечатана статья Недоброво, посвященная Ахматовой, — первая большая статья о ее творчестве. Сама поэтесса уже в конце жизни писала, что считает эту статью «лучшим, что написано о молодой Ахматовой», а себя как поэта, по ее собственным словам, на три четверти «сделанной» Недоброво.

В Царском Селе они часто виделись, вместе гуляли в парках. Вероятно, их особенно привлекали места, связанные с поэзией А. С. Пушкина.

Недоброво — адресат написанных в 1915 году стихов Ахматовой: «Есть в близости людей заветная черта...», «Целый год ты со мной неразлучен...», «Все мне видится Павловск холмистый...». К нему же обращено и стихотворение Ахматовой «Царскосельская статуя», созданное годом позже, — одно из лучших поэтических произведений о знаменитом царскосельском фонтане «Девушка с кувшином»:

И ослепительно стройна,
Поджав незябнувшие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

Ахматова, как и И. Ф. Анненский, поэзия которого, как уже отмечалось, была ей очень близка, видела в Царском Селе два совершенно различных города — город, где находилась царская резиденция, где «все мертво и немо», и город поэзии, город, навечно связанный

с Пушкиным. Как город поэзии Царское Село было очень близко поэтессе, и она ощущала себя его частью. В 1911 году она писала:

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его залекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

Любовь к Пушкину Ахматова пронесла через всю свою жизнь, он был для нее постоянным источником вдохновения. В Царском Селе Пушкин становился особенно близким поэтессе. И это отношение к городу поэта прекрасно передано Ахматовой в одном из ее стихотворений:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

В стихотворении 1944 года «Все души милых на высоких звездах», посвященном «городу муз», поэтесса с полным правом могла сказать:

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.

В июне 1944 года, через несколько месяцев после освобождения Пушкина от фашистов, здесь состоялся традиционный праздник в честь дня рождения великого поэта. 11 июня в зале Пушкинского Дома культуры, который размещается в здании бывшей царскосельской ратуши (улица Пролеткульта, 14), на торжественном заседании, посвященном этому событию, выступили многие поэты и писатели, в том числе и Ахматова. «Мы празднуем,— говорила она,— светлую годовщину дня рождения великого поэта. Мы празднуем ее в том месте, про которое сам Пушкин сказал: «Отечество нам —

Царское Село», — и в том году, который принес долгожданное освобождение городу поэта. Пушкин всегда считал царскосельские парки достойным памятником военной славы и в целом ряде стихотворений говорит об этом. Для него навсегда остались священными царскосельские «хранительные сени». Такими же они будут и для нас». В заключение своего выступления Ахматова прочла стихотворение «Смуглый отрок бродил по аллеям...».

К теме Царского Села Ахматова не раз возвращалась и в последние годы жизни. Глубокой любовью к этому городу проникнуты строки стихотворения «Городу Пушкина», написанного в 1957 году:

Этой ивы листы в четырнадцатом веке узяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.

Полстолетия прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала теченье годов, —
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Первый певец Царского Села	10
«Все у него величаво...»	16
«Отечество нам Царское Село»	24
Лейб-гвардии гусары	44
«В кругу милых воспоминаний»	53
В семье историографа	64
Корнет гусарского полка	80
«Продолжатель Пушкина» XIII курса	97
«Осенней поздней порою...»	109
Инженер-писатель	118
«Он был уральский человек...»	124
«Работаю исключительно для будущего...»	132
Рядовой военно-санитарного поезда № 143	147
Забывтая страница биографии М. Горького	156
Ученица художника Чистякова	163
«Нет ничего лучше Пушкина...»	172
«Большой, умный, веселый талант»	184
Дом творчества	196
Основоположник советской научной фантастики	202
«Мои первые воспоминания — царкосельские»	209

Галина Георгиевна Бунатян

ГОРОД МУЗ

Литературные памятные места
города Пушкина

Заведующая редакцией А. М. Березина
Редактор И. А. Орлова
Художники В. И. Боковня, Д. А. Бюргановский
Художественный редактор А. К. Тимошевский
Технический редактор М. А. Хомич
Корректор Т. В. Мельникова
Фотосъемка выполнена В. П. Мельниковым
Слайд на обложке В. И. Савика

ИБ № 3371

Слано в набор 16.09.86. Подписано к печати 20.01.87.
М-35517. Формат 84×108^{1/2}. Бумага тип. № 1. Гарн.
литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76+вкл. 1,68.
Усл. кр.-отт. 14,07. Уч.-изд. л. 12,31+1,38=13,69. Тираж
200 000 экз. Заказ № 550. Цена 1 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного
Знамени типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

- Бунатян Г. Г.**
Б91   Город муз: Литературные памятные места города Пушкина. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: Лен-издат, 1987.—222 с., ил.—(Б-ка молодого рабочего).

Книга, состоящая из 20 краеведческих очерков, знакомит со своеобразной литературной биографией города Пушкина. Этот город известен не только своими замечательными памятниками архитектуры и садово-паркового искусства, но и тем, что в нем жили и творили многие выдающиеся писатели и поэты. Среди них А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, С. А. Есенин, А. Н. Толстой, В. Я. Шишков и многие другие русские и советские писатели и поэты. Вступительный очерк посвящен истории города Пушкина, в прошлом одной из блестящих загородных царских резиденций.

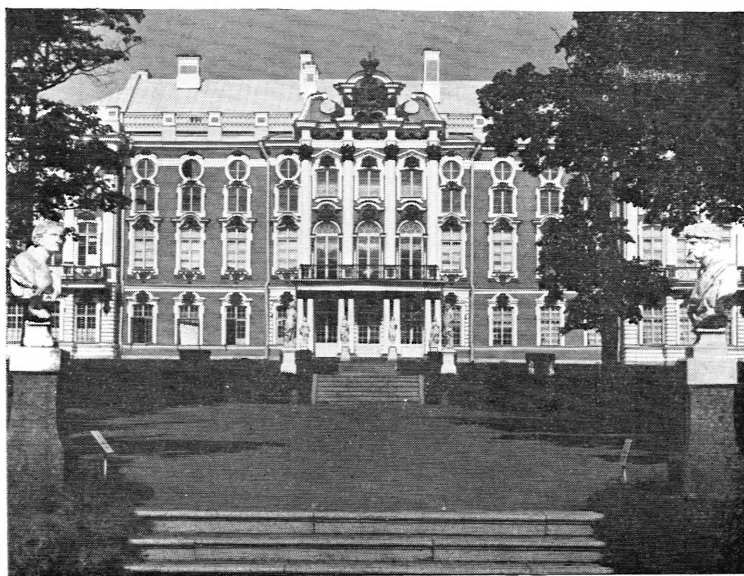
Б $\frac{4603010100-090}{M171(03)-87}$ 172—87

ББК 83.3

ПЕРВЫЙ ПЕВЕЦ ЦАРСКОГО СЕЛА

М. В. Ломоносов. Гравюра
Х. Вортмана. 1758 год.

Центральная часть
Екатерининского дворца. Вид
с Эрмитажной аллеи
Екатерининского парка.
Фотография. 1973 год.

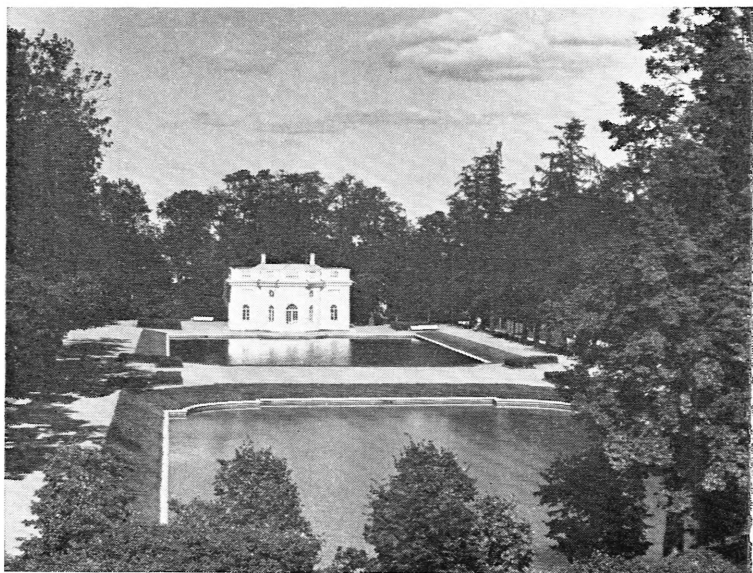

«ВСЕ У НЕГО ВЕЛИЧАВО...»

Г. Р. Державин. Гравюра
Ив. Пожалостина с портрета
В. Л. Боровиковского. 1866 год.

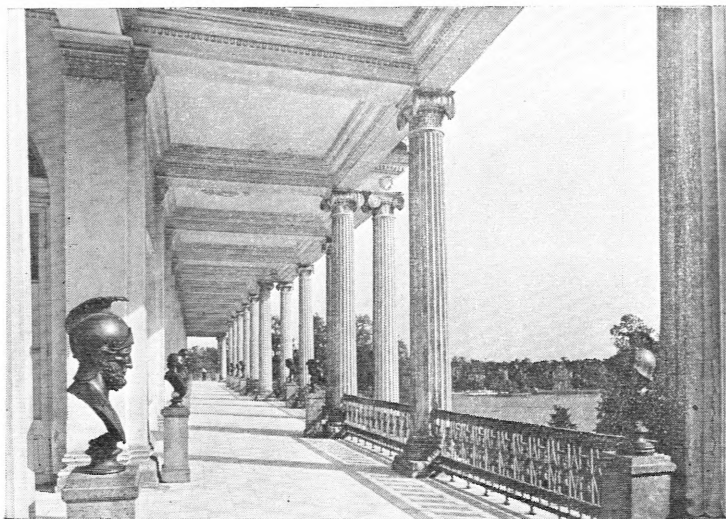
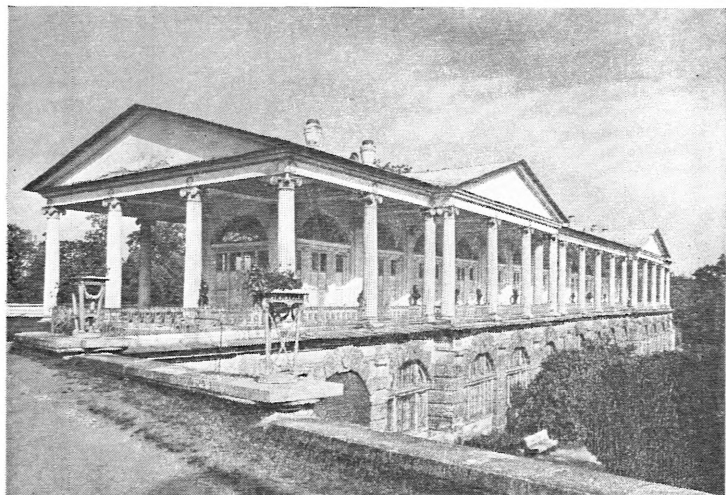
Павильон Верхняя ванна
в Екатерининском парке.
Фотография. 1973 год.

Камеронова галерея.
Фотография. 1973 год.

Верхняя площадка Камероновой
галереи. Фотография. 1973 год.

«ОТЕЧЕСТВО НАМ ЦАРСКОЕ СЕЛО»

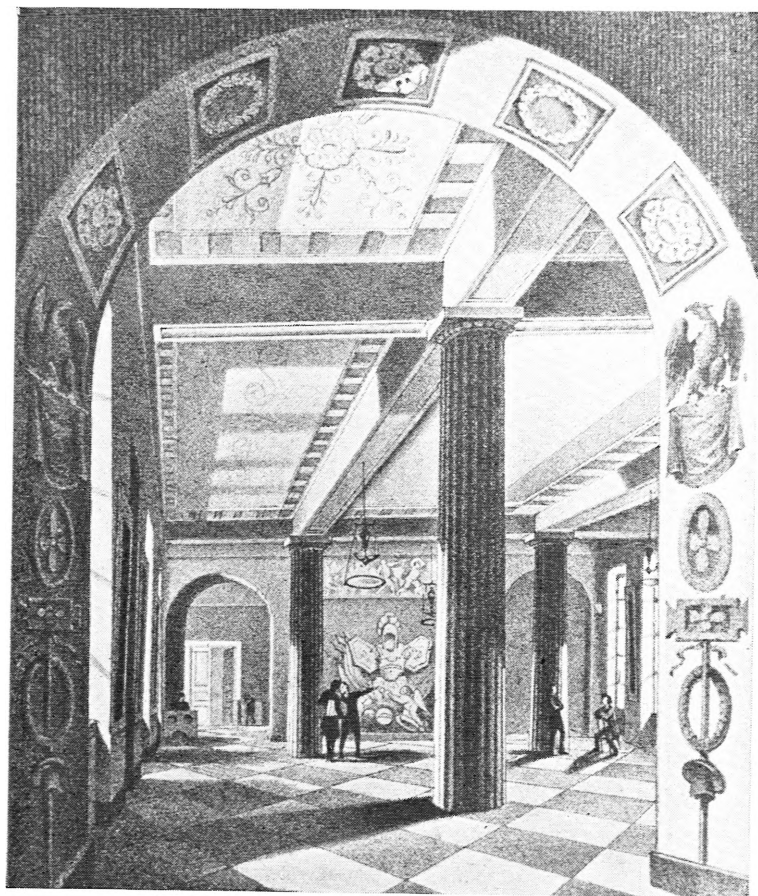
А. С. Пушкин.
Гравюра
Е. Геймана
с портрета
неизвестного
художника.

И. И. Пушин.
Портрет работы
Ф. Верне. 1817 год.

Здание Лицея и
Знаменской церкви.
Фотография.
1973 год.

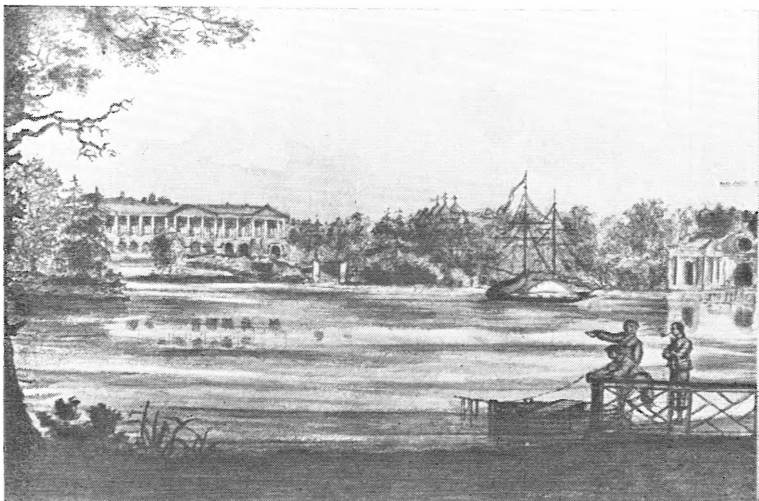
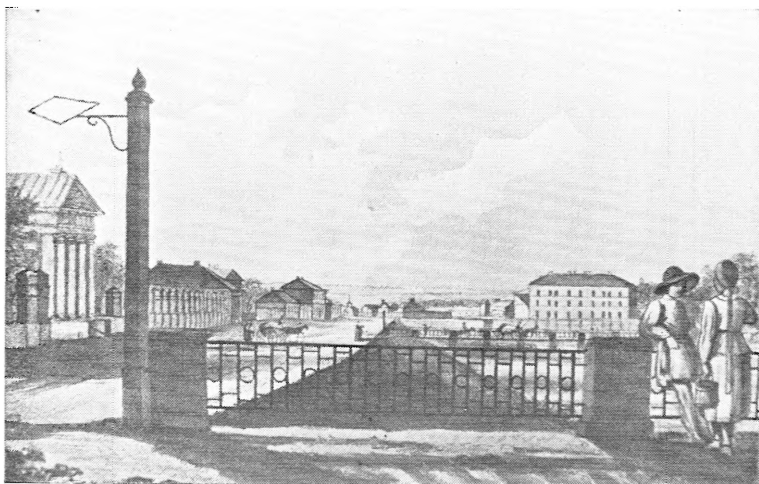

Актовый зал Лицея. Гравюра
П. Бореля с оригинала
В. Лангера. 1850-е годы.

Садовая улица
(угол Набережной улицы).
Литография В. Лангера.
1820 год.

Большое озеро, Камеронова
галерея. Литография В. Лангера.
1820 год.

Дом директора Лицея,
где часто бывали А. С. Пушкин
и другие лицеисты.
Фотография. 1973 год.

Дом, в котором жил лицейский
преподаватель музыки Теппер
де Фергюссон. Фотография.
1973 год.

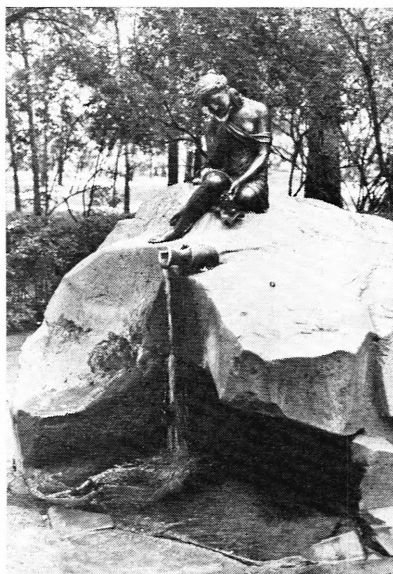
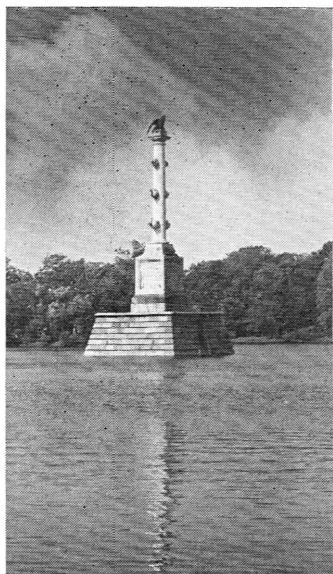

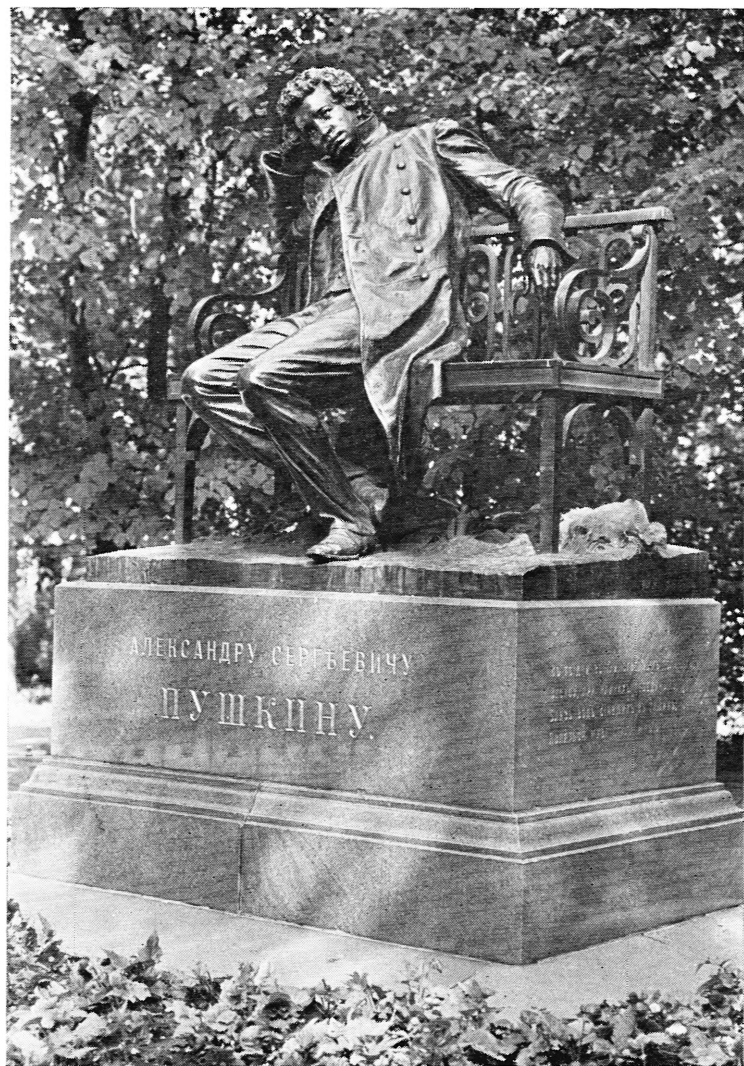
Пушкин на
лицейском экзамене
8 января 1815 года.
Картина И. Репина.
1911 год.

Чесменская
ростральная
колонна.
Фотография.
1973 год.

Фонтан «Девушка
с кувшином».
Фотография.
1973 год.

Памятник А. С. Пушкину
в лицейском саду.
Скульптор Р. Бах.
Фотография. 1973 год.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГУСАРЫ

Д. В. Давыдов. Гравюра
на стали. 1839 год.

А. Г. Чавчавадзе.
Портрет работы
неизвестного художника.

П. Я. Чаалаев. 1810-е годы,

Н. Н. Раевский. 1821 год.

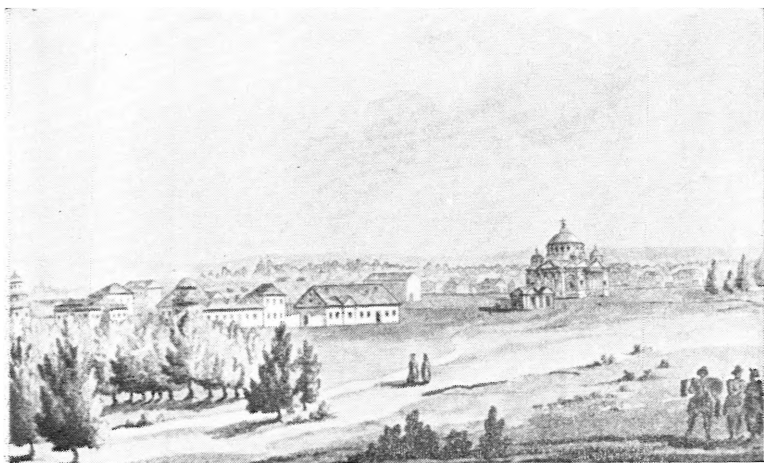
«В КРУГУ МИЛЫХ ВОСПОМИНАНИЙ»

София. Акварель
Д. Кваренги.
Начало XIX века.

А. С. Пушкин.
Портрет работы
В. А. Тропинина.
1827 год.

Н. Н. Пушкина.
Акварельный
портрет работы
А. П. Брюллова.
Конец 1831 —
начало 1832 года.

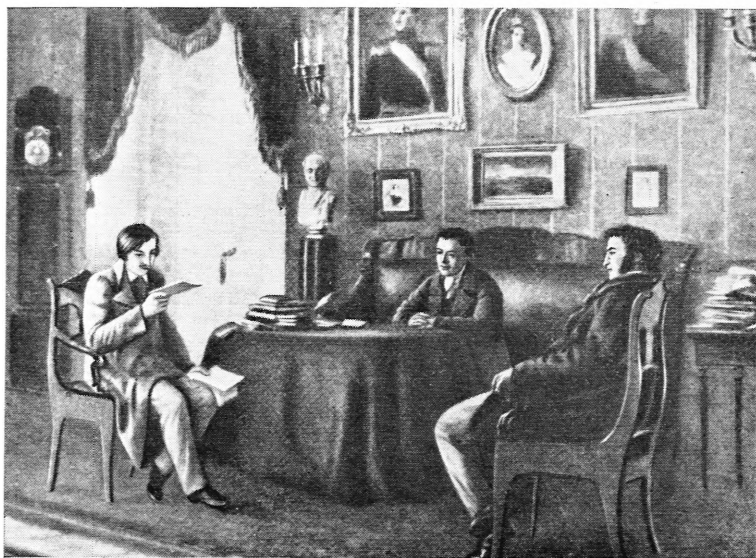
Бывший дом Китаевой, где
А. С. Пушкин жил летом
1831 года.
Фотография.
1973 год.

Александровский дворец.
Фотография. 1973 год.

А. О. Смирнова-Россет.
Акварель П. Соколова.
1834—1835 годы.

А. С. Пушкин, В. А. Жуковский,
Н. В. Гоголь в Царском Селе
летом 1831 года. Картина
П. Геллера. 1880-е годы.

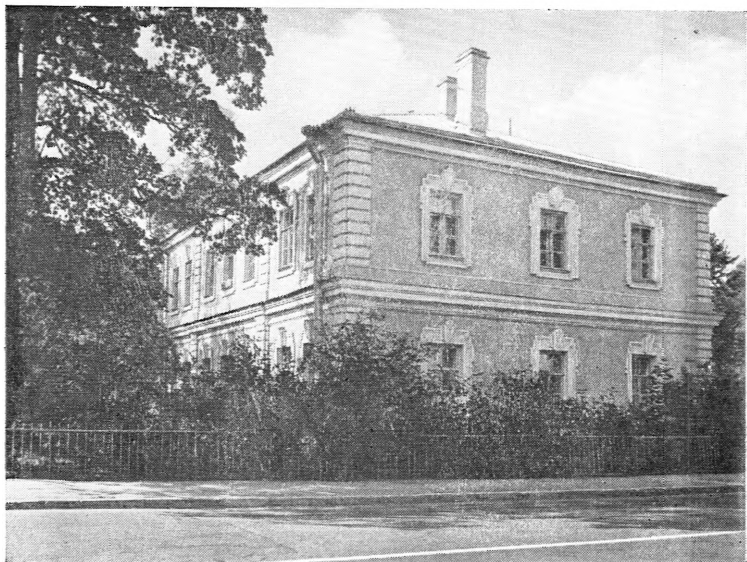

В СЕМЬЕ ИСТОРИОГРАФА

Н. М. Карамзин. Литография
с оригинала А. Г. Варнека.
1819 год.

Дом, в котором жил
Н. М. Карамзин. Фотография.
1973 год.

Титульный лист
первого издания
первого тома
«Истории
государства
Российского».

С. Н. Карамзина.
Копия
Е. Б. Барсуковой
с живописного
портрета работы
П. Н. Орлова.

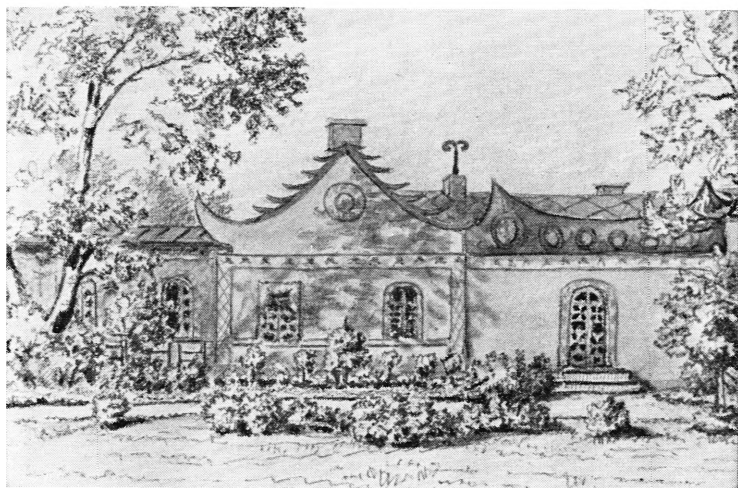
Андрей Карамзин.
Литография
Л. Вагнера.

Е. А. Карамзина. Портрет
работы неизвестного художника.

Домик в Китайской деревне.
Рисунок из альбома
М. Б. Перовской (фонды
Института русской литературы).
1876 год.

КОРНЕТ ГУСАРСКОГО ПОЛКА

М. Ю. Лермонтов. Портрет работы Ф. О. Будкина. 1834 год.

Н. И. Бухаров. Акварель А. Клюндера. 1836 год.

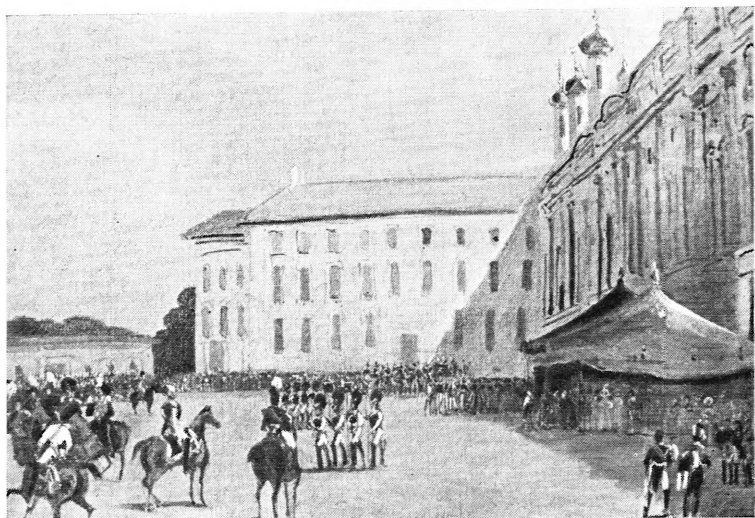
А. А. Столыпин (Монго). Акварель А. Клюндера. 1840 год.

А. Н. Муравьев. Портрет работы М. Ю. Лермонтова. 1838—1839 годы.

Е. П. Ростопчина. Акварель
П. Соколова. Конец 1830-х —
начало 1840-х годов.

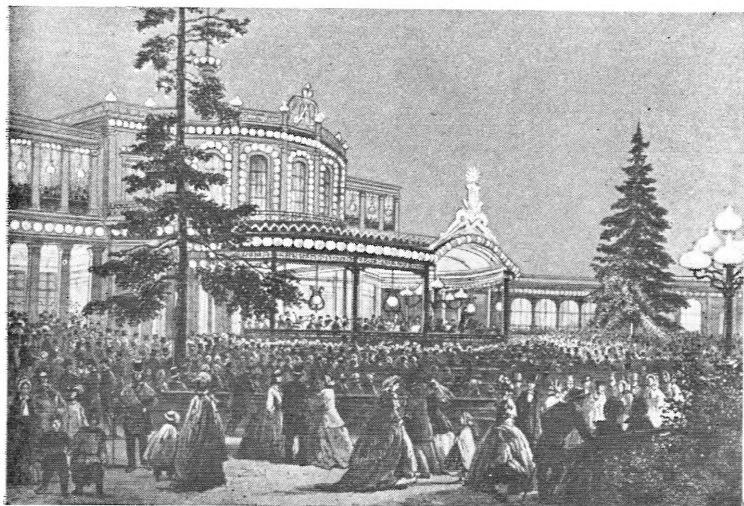
Парад войск
у Екатерининского дворца.
Картина работы А. Шарлеманя.
Середина XIX века.

«ОСЕННЕЙ ПОЗДНЕЮ ПОРОЮ...»

Ф. И. Тютчев. Фотография.
1850-е годы.

Павловский вокзал. 1862 год.

«ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ПУШКИНА» XIII КУРСА

М. Е. Салтыков-Щедрин.
Фотография. 1856 год.

ИНЖЕНЕР-ПИСАТЕЛЬ
Н. Г. Гарин-Михайловский.
Фотография.
Начало 1900-х годов.

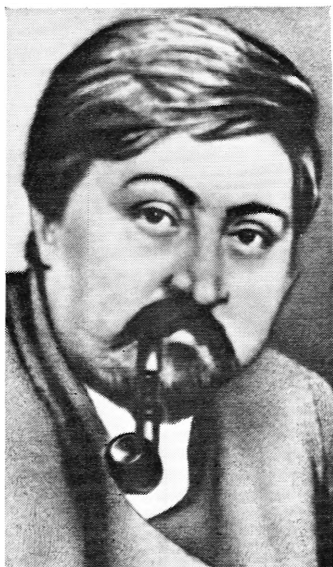

«ОН БЫЛ УРАЛЬСКИЙ ЧЕЛОВЕК...»

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Д. Н. Мамин-Сибиряк
Конец 1900-х годов. с дочерью.
Фотография. Фотография.
1893 или 1894 год.

Здание вокзала
в Царском Селе.
Фотография начала
1900-х годов.

«РАБОТАЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ БУДУЩЕГО...»

И. Ф. Анненский. Фотография.
1900-е годы.

Здание бывшей Царскосельской
мужской классической гимназии.
Фотография. 1973 год.

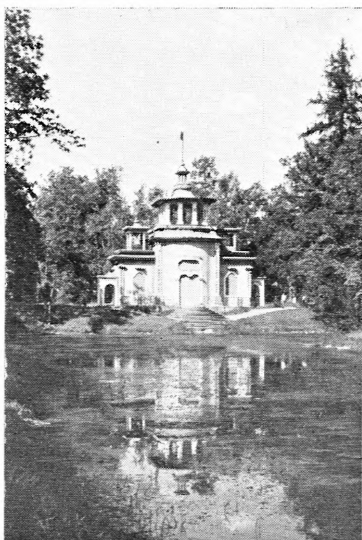
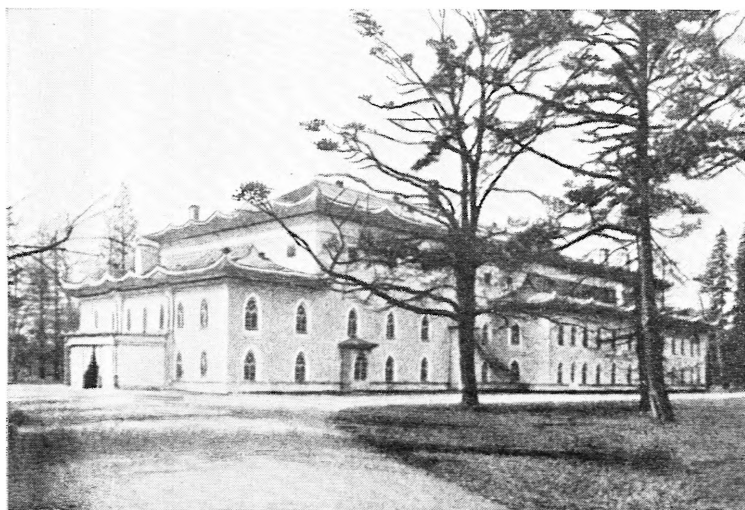

Китайский театр
в Александровском
парке. Фотография.
1915 год.

Павильон
Концертный зал
в Екатерининском
парке. Фотография.
1973 год.

Павильон Китайская
беседка
в Екатерининском
парке. Фотография.
1973 год.

РЯДОВОЙ ВОЕННО-САНИТАРНОГО ПОЕЗДА № 143

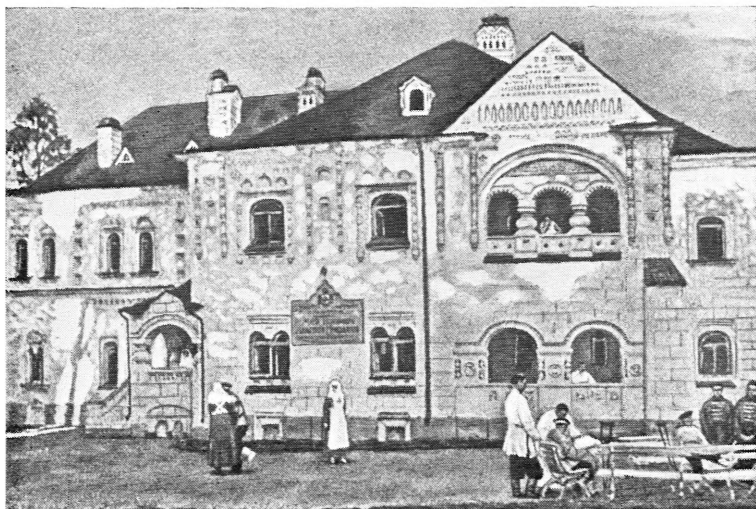
С. А. Есенин и Н. А. Клюев.
Фотография. 1916 год.

Персонал санитарного поезда,
в котором служил С. А. Есенин.
Фотография. 1916 год.

Федоровский городок.
Юго-Западная часть.
Фотография. 1930-е годы.

Главное здание госпиталя
в Федоровском городке.
1916 год.

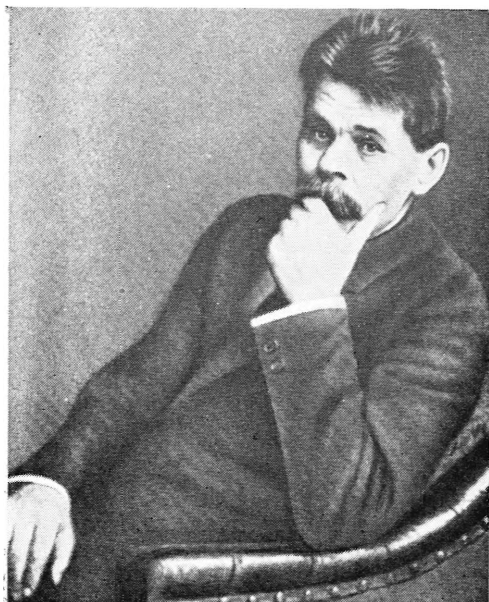

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ М. ГОРЬКОГО

М. Горький. Фотография.
1919—1920 годы.

Беседка, в которой любил
отдыхать Горький.
Фотография. 1941 год.

Здание бывшего дома отдыха
научных работников
в Детском Селе.
Фотография. 1941 год.

М. А. Пешков.
Фотография. 1919 год.

УЧЕНИЦА ХУДОЖНИКА ЧИСТЯКОВА

О. Д. Форш.
Фотография. 1910-е годы.

Бывший дом художника
П. П. Чистякова.
Фотография. 1986 год.

«НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ ПУШКИНА...»

В. Я. Шишков и К. М. Шишкова.
Фотография. 1937 год.

Дом на Московской улице,
в котором жил В. Я. Шишков.
Фотография. 1973 год.

«БОЛЬШОЙ, УМНЫЙ, ВЕСЕЛЫЙ ТАЛАНТ»

А. Н. Толстой. Фотография.
1930-е годы.

А. Н. Толстой в своем кабинете
в Детском Селе. Фотография.
1937 год.

ОСНОВОПОЛОЖНИК СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

А. Р. Беляев.

Фотография. 1940 год.

ДОМ ТВОРЧЕСТВА

Ю. Н. Тынянов

у Дома творчества в Пушкине.

Фотография. 1941 год.

«МОИ ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ — ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ»

А. А. Ахматова.
Фотография. 1921 год.

Здание Дома культуры
в Пушкине.
Фотография. 1973 год.

библиотека
молодого
рабочего

лениздат

Книга рассказывает
об удивительно интересной и яркой
литературной биографии города Пушкина,
в прошлом Царского Села, —
одной из блестящих загородных резиденций.

Прекрасные парки этого города,
его архитектурные сооружения,
памятники истории
вдохновляли
не одно поколение писателей и поэтов.

С этим городом
связаны страницы жизни и творчества
А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова,
Н. М. Карамзина, Ф. И. Тютчева,
И. Ф. Анненского, А. Н. Толстого,
А. А. Ахматовой и многих других
русских и советских литераторов.

1 руб.